

Русская речь

Научно-популярный журнал

Института русского языка Академии наук СССР

Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год

Издательство «Наука». Москва

№ 6, 1973 ноябрь — декабрь

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 100-летию со дня рождения В. Я. Шишкова

Н. Х. Еселев. Выдающийся художник слова 3

К 100-летию со дня рождения В. Я. Брюсова

Брюсов о языке и поэзии 11

А. А. Китлов. «Я — твой, Россия...» 12

Б. А. Лозовой. Исторические мотивы в поэзии
В. Я. Брюсова 18

Е. Н. Мансветова. Славянизмы в поэзии среднего
жанра 25

К 170-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева 30

А. Ф. Захаркин. «Томов премногих тяжелей». 30

В. В. Одинцов. Художественный образ и стиль.
О романе Гончарова «Обломов» 37

А. В. Февральский. Маяковский работает в те-
атре 44

КУЛЬТУРА РЕЧИ

В. И. Максимов. Половина первого, полпервого? . 51

М. Н. Морозова. Названия культурно-бытовых уч-
реждений 54

Н. А. Копдрашов. Культура речи в болгарском
языкознании 59

ГРАММАТИКА. СТИЛИСТИКА

А. В. Дудников. Лингвостилистический анализ по-
эмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» 64

Л. А. Климова. Топонимы на *-их* (*а*) 69

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

М. Л. Крючкова. Удивительное рядом	73
Н. Ф. Шумилов. Фразеологизмы на газетной полосе	76

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ф. П. Филин. Иван Иванович Мещанинов — учитель	81
--	----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Е. Н. Этерлей. Народные названия растений. Сон-трава. Приворотный корень	88
--	----

ШКОЛА

Л. П. Федоренко. Сочинение-подражание	95
Ю. Т. Долин. Учебник родного языка. Первый шаг сделан	100

КОНСУЛЬТАЦИИ

Грамматическая правильность русской речи	103
--	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	106
--------------------------------	-----

Указатель статей, опубликованных в журнале «Рус- ская речь» за 1973 год	123
--	-----

*На обложке В. Я. Шишков
Гравюра В. В. Толстоногова*

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

*К 100-летию
со дня рождения
В. Я. Шишкова*

ВЫДАЮЩИЙСЯ ХУДОЖНИК СЛОВА

Создателем и носителем языка является народ... Для обогащения живого языка необходимо общаться с народом — рабочими, крестьянами, и крылатые фразы, структуру речи, выражения заносить в записную книжку.

В. Я. Шишков

Вячеслав Яковлевич Шишков, выдающийся советский писатель, талантливый исследователь Сибири, принадлежит к плеяде замечательных мастеров русского слова. Его романы «Угрюмка» и «Емельян Пугачев» пользуются неизменным успехом у миллионов читателей. По выразительности и яркости изобразительных средств, по оригинальности и самобытности характеров, по широте и глубине отображаемых событий эти книги, безусловно, относятся

к тем произведениям, которыми гордится советская литература.

«Язык — это сказочная живая вода, — говорил В. Я. Шишков, — sprysнешь, и все ожило». В умении почерпнуть эту «живую воду» из глубинного народного родника проявилось самобытное художественное дарование этого писателя.

Читая рассказ, повесть или роман Шишкова, всегда ощущаешь чистый, ясный, образный язык, органически сливающийся с мыслями, чувствами и переживаниями героя. Иногда даже забываешь, что герои говорят со страниц книги. Кажется, что ты сам сидишь у костра в тайге, беседуешь с давним бывалым другом, смотришь вместе с ним в непроглядную лесную ночь, прислушиваешься к ее волшебному, загадочному шуму.

Такая зримость повествования дается не просто. За этим кроется большая кропотливая работа писателя над словом.

В бытность свою в Сибири Шишков немало слышал от простых людей мудрых слов, метких выражений. Он записывал их и старался использовать в своих произведениях. «Тихо надал снег — гость небесный», «Скоро зима ляжет: лес-то задумываться стал» или «Бедному умереть легко, стоит только зажмуриться» — такие народные выражения Шишков называл «золотыми фразами», отмечая, что разговор о них — «тема для большой книги».

Работа над словом всегда занимала первенствующее положение в художественном творчестве писателя. Надо было сделать язык доходчивым, понятным широким слоям народа, чтобы условность и манерность словесной мишуры не мешала «свободному воспроизведению правды жизни во всей ее естественности».

«... Я ценю звучность фразы и всегда прислушиваюсь к своему перу. Что касается формы, то ее всецело определяет содержание, она подвижна, как сама жизнь, как живой поток реки, то медленный, то бурный. Иногда в одном и том же произведении я ломаю форму, меняю ритм и пр., — по это не погоня за модой, это вынужденная необходимость» (В. Я. Шишков. Автобиография).

Вячеслав Шишков всегда прислушивался к разумным советам мастеров слова. Он восторгался языком романа Алексея Толстого «Петр Первый». Выступая на юбилее А. Н. Толстого, Шишков говорил:

Язык произведения оригинален и необычен даже для самого Толстого, этот язык нельзя поставить рядом ни с одним языком русских классиков и современников, ему даже невозможно подражать. Я отнюдь не хочу сказать, что это есть абсолют, я говорю, что язык романа стоит наособицу. В нем вся мощь автора. Выросший в раздольных полях Приволжья, насквозь русский Алексей Николаевич Толстой, со своей широкой национальной натурой унаследовал еще с детства этот словесный бисер, эту живую красоту народной речи. И сохранил ее, и культивировал, и донес че-

рез свой долгий путь до «Петра». Широко изучив лексику XVII века, автор очень своеобразно и в пределах необходимости подносит ее читателю, не засоряя словесную ткань, поэтому язык романа доступен пониманию каждого, он поистине народен.

Не обошел молчанием Вячеслав Яковлевич и язык Мельникова-Печерского. В письме к А. Ф. Пащенко в октябре 1943 года он пишет: «Прочел Мельникова-Печерского „В лесах“ — интересно, и язык чудесный, жаль, что роман изобилует длиннотами. А какой несравненный знаток русского обиходного языка и старинных обычаев».

Весьма критически высказывался В. Я. Шишков о языке произведений Андрея Белого:

Читаю — А. Белого — «Москву». Что за язык, что за юродство! Сплошь выдуманные словечки, фейерверк словечек, водопад, поток. Смотришь на рисунок через этот град словес, который барабанит тебя по темю, по морде, по глазам, смотришь — и ничего не видишь. Обидно, право... Надо очень любить русскую литературу, очень ценить Андрея Белого — он для меня большой художник — чтоб превозмочь его словесные узоры. Ни крестьянам, ни рабочим, ни обыкновенным смертным такая литература не нужна... (Письмо К. А. Федину, 2 ноября 1925).

Было время, когда Вячеслава Шишкова, как, впрочем, и других крупных писателей Урала и Сибири, севера и юга России, некоторые критики попрекали пристрастием к так называемому «просторечию», к «провинциализмам», к народной речи.

Гонители областного словаря повернулись спиной к заветам основоположника русского литературного языка Пушкина: «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка». Именно в слиянии, в синтезе «простонародного наречия» с языком книжным видел Пушкин «стихию» того языка, на котором должны писать русские писатели. С возникновением древнерусской письменности, говорил великий поэт, «простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» (О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова. 1825).

Когда дворянские «эстеты» нападали на Пушкина за употребление якобы нелитературных слов, он убедительно им возражал, что так говорят «простолюдины во многих наших губерниях» и что «слова сии коренные русские».

Последующие поколения и писателей и ученых убежденно отстаивали полные права «провинциализмов», их неперемное участие в сложении литературного языка. Так, крупный исследователь языка В. И. Чернышев пишет:

...Русский провинциальный язык является настоящим сокровищем родного слова. Он чрезвычайно богат, совершенно не исчерпан ни нашими лучшими писателями, ни самыми полными словарями, как, например, прекрасный словарь Даля. Основательное знание нашего народного языка является необходимой основой понимания и сознательного употребления языка литературного. Поэтому школа, которая решительно порывает с народным языком, подкапывает в корне то самое дерево, которое она хочет вырастить и взлелеять. Чем осторожнее, чем любовнее относится народный учитель к местному народному языку, чем больше сумеет опереться на его коренные, здоровые начала, тем с большим успехом, легкостью и удовольствием овладеют его ученики русской литературной речью (Сокровища родного слова).

Торосы, сохатый, плёсо, шивера, урез воды, приплесок, шитик, счалок, плица, уключины и множество других слов, пришедших из областных говоров, возвращены Вячеславом Шишковым, как и другими писателями Урала и Сибири, в сокровищницу русского литературного языка.

Вспомним «Угрюм-реку» [цитируется по изданию: В. Я. Шишков. Собрание сочинений в 8 томах. М., 1960—1962]. «Лось, сохатый, — играло в его мозгу», — сказано, когда черкес Ибрагим-Оглы кинжалом убивает лося. Не олень, а именно *сохатый*. Древнее северо-восточное слово, ставшее даже фамильным: Илья Сохатых, отнюдь не Илья-Олень. «Проخور спустился к „урезу воды“, где мужики конопатили шитик». Не только для землепроходца и устройства водных путей Сибири — Шишкова, но и для миллионов русских людей нашего северо-востока, это народное выражение *урез воды*, то есть самая кромка речного берега, — вместе с выражением *конопатили шитик* точно и зримо живописует все, что происходит на берегу. До нашего обояния прямо-таки доносится смешанный запах воды, песка и смолы, ибо там, где конопатят, как правило, и просмаливают законопаченные щели смолой. Перед глазами сразу же встает без многословного описания важная и хлопотливая работа людей над подготовкой небольшого деревянного судна к плаванию.

В трудном плавании по Угрюм-реке Прохору и черкесу встречаются *шивера, пороги, перекаты, запечки, осередыши*. Сколько изобразительной емкости в этих областных словах, созданных русскими трудовыми людьми, с незапамятных времен плавающими по рекам и речкам. И мог ли исследователь водных путей Шишков избежать этих издавна существующих слов? *Шивера* — каждому сибиряку известное слово — страшное для речников. Это плоская гряда, прикрытая неглубокой водой с быстрым течением, мелкое место во всю ширину реки по твердому дну. *Осередыши* — подводный остров или же внезапная крутая мель среди реки, на прямом

пути судна. Понятие это в форме *осерёдок* с давних времен известно и говорам средней России.

Явления и предметы обычного простонародного сибирского обихода становились под пером Вячеслава Шишкова средством яркой изобразительности. «На дворе по-осеннему холодно, ветер завывает в трубе, и стекла от кипящего самовара сразу запотели» (Емельян Пугачев). Обычное «прозаичное» слово *веник* в руках мастера выразительно участвует в художественной ткани повествования. Бородатый, маленького роста чернорабочий Прохора Громова по горло в студеной воде тщетно пытается вместе с другими поднять затонувшую бочку. Вместо того, чтобы описывать все это, у Шишкова сказано: «У коротконового Захара бородинца всплыла на воде, как веник». Или: «Прохор надел сшитый на живульку лосиный длинный тулуп» (Угрюм-река). Только *на живульку* и мог сшить Ибрагим-Оглы Прохору этот тулуп, ибо шить на живую нитку, иначе говоря *на живульку*, означает «приметать наскоро, редкими стежками». У портных нитка, которой наматывают, зовется *живая нитка*.

Очаги народного русского языка пылают в Сибири с древнейших времен. То обстоятельство, что в разные времена, начиная от новгородцев, Ермака, Ерофея Хабарова, за Урал, в Сибирь, на Дальний Восток шли люди различных губерний России, усиливало и обогащало ее языковой сплав. Отсюда — обилие архаизмов и славянизмов, многократно отмеченных исследователями в языке коренного сибиряка.

Владимир Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка», говоря о словаре Оренбургской губернии, о языке Тобольской округи, замечает, что здесь на протяжении длительного времени оседали русские переселенцы из ... двадцати губерний.

Подобное же обстоятельство Иван Бунин считает одним из благоприятнейших для судьбы русского литературного языка. Бунин пишет, что он родился «в Средней России, в том плодотворном подстепье, где древние московские цари, в целях защиты государства от набегов южных татар, создавали заслоны из поселенцев различных русских областей, где благодаря этому образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым» (Предисловие к французскому изданию «Господина из Сан-Франциско». Париж, 1921).

Когда мы говорим о богатейшем колоритном языке «Угрюм-реки», «Емельяна Пугачева» и других произведений Вячеслава Шишкова, речь идет о закономерном процессе развития и обогащения русского литературного языка.

С особым вниманием относился Горький к писателям Сибири,

он многого ожидал от них, говоря, что на смену «орловско-тульскому» периоду русской художественной прозы закономерно, неизбежно и плодотворно идет ее, так сказать, областной период.

Многолетнее знакомство с творчеством Шишкова позволяет автору этих строк, которому посчастливилось быть первым редактором «Угрюм-реки», отметить две главнейшие особенности художественного языка Вячеслава Шишкова: глубинная, неотступная народность, о чем уже говорилось выше, и сильное проявление разговорного, устно-речевого начала, даже в самой авторской речи.

Если мы еще раз вернемся к построению авторского повествования в «Угрюм-реке», то не сможем перечислить всех тех мест, где Шишков беседует не только с людьми романа, но и с тайгой, и с Угрюм-рекой и с природой вообще...

Казалось бы, уместно ли прибегнуть к этому «разговорному началу» в такие страшные, последние в жизни Анфисы минуты перед роковым выстрелом Прохора, — и однако едва ли что-либо другое с такой силой и явственностью помогло достигнуть цели, поставленной автором:

« — Ты помнишь ли, Прохор Петрович, друг, ту странную ночь в избушке, когда филин свой голос подавал, помнишь ли, как целовал тогда свою Анфису, какую клятву непреложную приносил Анфисе в вечной любви своей? Вспомни, вспомни скорей, Прохор, мил-другок, пока нож судьбы твоей не занесен!..» — взывает к прицелившемуся уже убийце создатель романа, перелагая в свою речь «мысли в самой себе» злосчастной Анфисы. И, наконец, заключает возгласом, обращенным к ней самой: «Радуйся, Анфиса, приносящая нетронутую чистоту свою возлюбленному Прохору!.. .. Радуйся, радуйся, несчастная Анфиса, и закрой свои оскорбленные глаза в примирении с жизнью!».

Четвертая часть «Угрюм-реки» открывается обращением автора сразу к трем «собеседникам», хотя ни тот, ни другой, ни третий заведомо не ответят ему. Сначала краткое слово к читателю: «Ты помнишь, читатель, ту бурную ночь, когда смертью погибла Анфиса? Над всей тайгой, над всем миром тогда гремела гроза, ударила молния, и в одночасье сгорела хибарка, когда-то построенная Прохором Громовым. С того подлого времени прошло несколько лет...».

Затем взволнованные, полные лирики, слова к самой Угрюм-реке:

Угрюм-река! Была ли ты когда-нибудь в природе и есть ли на свете та земля, которую размывали твои воды? Или в допетровские седые времена выдумал тебя какой-нибудь ветхий дьямпи сказитель жемчужных слов и, выдумав, пустил по широкому миру, чтоб ты в веках передавалась легкокрылой песнью из уст в уста, пока не забудут тебя люди?

Пусть так, пусть тебя не было вовсе на белом свете. Но вот теперь ты, Угрюм-река, получила право на свое существование, ты знаменуешь собою — Жизнь.

И, наконец, риторическое, дышащее зловецким предостережением, обращение к Прохору Громову:

Действуйте, действуйте, Прохор Петрович!

Величаяя Угрюм-река у ваших ног.

За вами слово!

Однако не только в трагическом и возвышенном, но и в смешном, в комическом прибегает Вячеслав Шишков к разговорному, устно-речевому приему. Читатель «Угрюм-реки» вряд ли забудет почти гротескную фигуру громовского инженера-американца, мистера Кука, — того самого, кто на потеху всем любил щегольнуть к месту и не к месту знанием «очень хорош русский пословиц», вроде: «На чужую кровать рта не разевать».

Вячеслав Шишков, как бы вопреки «стилистическому поветрию», требующему изгонять, елико возможно, диалогическое, разговорное начало из художественной прозы, широко и всегда к месту применяет его в своем творчестве.

Здесь снова и снова, как в своем талантливом употреблении «просторечия» и «провинциализмов», Шишков проявляет истинное знание глубинной сущности языка.

Многокрасочен язык и другой знаменитой эпопеи Вячеслава Шишкова — «Емельян Пугачев».

Здесь, пожалуй, больше, чем в каком-либо другом своем произведении, автор окунулся в безбрежную, словно океан, стихию народного языка.

Образчики народного языка, безупречного знания крепостного крестьянского, солдатского и казачьего быта можно чешать пригоршнями из любой главы трехтомной эпопеи.

Описание полуразвалившейся избы крепостного крестьянина изобилует такими народными словами: слега, сутемень, голик, светец и другими.

«Через минуту они [Пугачев с казаком Семибратовым] были в завалившейся набок, подпертой тремя слегами избенке. На улице яркий день, а в избе сутемень. Скамью, куда можно сесть, казаки отыскивали онцупью.

Маленькое оконце, затянутое вместо стекла бычьим пузырем, солома, как в хлеву, на земляном полу, черные стены, под потолком облако вспугнутых мух, у печки стадо тараканов. Глиняные, оббитые берестой горшки на полке, светец с корытцем, на скамьях две прялки да валец, возле двери голик, лохась да рукомойник — вот и вся утварь» (Емельян Пугачев).

От некоторых слов так и веет забытой крепостной стариной. И однако, вводя читателя в последнюю четверть XVIII века, во

времена Екатерины II, Вячеслав Шишков заботливо и с большим искусством делает понятным для современного читателя назначение любого из названных им предметов старинного обихода или предметов, которые живут и в наше время в языке колхозной деревни, но незнакомы некоторым горожанам. Если даже кто-либо из молодых читателей не знал бы, что *слега* — это тонкое бревно, то догадался бы о том из приведенного места, раз ими, слегами, подпирают стену избы. Не каждому известно, что *голик* — оголенный веник, но если им подметают в избе, то отсюда и слово становится понятным, что *светец* — железная держалка для горящей лучины, да еще светец с каким-то «корытцем» под ним! Однако здесь же Шишков скажет, что в корытце с водою, шипя, падали «золотые угольки» от горящей лучины,— и все вдруг становится зримым, ясным, вещественным! «Обвитые берестой горшки на полке» — нет, это не случайная мелочь у Вячеслава Шижкова, не увлечение бытописанием! Дело в том, что в старину, да кое-где в двадцатые годы нашего века, в бедном крестьянском обиходе треснувший горшок, кувшин не выбрасывали, а повивали, скрепляли тугой лентой бересты, и глиняная посуда продолжала служить своей хозяйке. Отсюда и старинная народная загадка о горшке: «В огне крещается, берестой повивается».

Шишков допускает областные слова и в свою авторскую речь: таково, например, слово *разболокаться*, свойственное народной речи всего северо-востока, старинное слово, означающее снятие верхней одежды, главным образом, зимней. «Они разболокались и легли», — пишет он о Пугачеве и Семибратове. Наречие *поздно* у него склоняется, как в просторечии: «До самого поздна казаки ехали молча». Обычной литературной форме *рассказали* он, в данном случае, предпочел — *обсказали*: «Казаки обсказали, что они за люди, куда путь правят, где были, с кем встречались. Обсказали и про бабу». *Утварь, оторопь* («На крестьян напала оторопь»); *схорониться* вместо обычного *скрыться, спрятаться* («Полсотни конников двинулись за Пугачевым в ближний лесок, чтоб там схорониться до поры»).

Все это великое множество народных слов и оборотов, зачастую архаичных, полузабытых, но вновь вспрыснутых «живой водой» шишковского таланта, могучий и выразительный язык В. Шижкова помогает современному читателю почувствовать эпоху, делает зримыми события, отдаленные от нас двумя столетиями.

Н. Х. ЕСЕЛЕВ

Рисунок М. Антонова

К 100-летию со дня рождения В. Я. Брюсова

БРЮСОВ

О ЯЗЫКЕ И ПОЭЗИИ

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!

Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил.
Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил.

Нет грани моему упорству.
Ты — в вечности, я — в кратких днях,
Но все ж, как магу, мне покорствуй,
Иль обрати безумца в прах!

Твои богатства, по наследству,
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю, — ты ответствуй,
Иду, — ты будь готов к борьбе!

Но, побежден иль победитель,
Равно паду я пред тобой:
Ты — мститель мой, ты — мой спаситель,
Твой мир — навек моя обитель,
Твой голос — небо надо мной!

Родной язык, 31 декабря 1911

Продолжение на стр. 14, 15, 20, 21

«Я — ТВОЙ, РОССИЯ...»

Валерий Яковлевич Брюсов — интереснейшая личность конца XIX — начала XX века: он выделялся своей культурой, обширнейшими знаниями, многогранной деятельностью. «Если бы мне иметь сто жизней,— восклицал Брюсов,— они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня!».

Поэт, прозаик, драматург, литературовед, редактор, историк, филолог, лингвист, он до конца жизни занимался и математикой, и философией, интересовался достижениями наук, размышлял о том, что энергия атома откроет новые горизонты человечеству: «Расщепленный атом — Архимедов рычаг!» (1922) [стихи цитируются по изданию: В. Брюсов. Избранные стихи. Academia, 1933]. Брюсов с юных лет увлекался идеей покорения космоса:

Верю, дерзкий! ты поставишь
Над землей ряды ветрил,
Ты по прихоти направишь
Бег в пространстве меж светил.

Хвала человеку, 1906

«Энтузиаст и певец научного и технического прогресса, Брюсов... первым в истории русской поэзии обращается к дерзно-

Граня и чеканя слова, переливая в них свои мечты, поэт всегда связан с народом. Ему нет жизни вне народа. Он жив, пока жив народ и им созданный живой язык. Поэт! повинуйся народу, ибо без него ты только музейная редкость.

Валерий Брюсов

Умея ковать стихи, Брюсов умел ковать и идеи, не давая им расплываться. Это — черта большого поэта. Брюсов всегда закончен, чеканен.

Александр Блок

венной — звездной — мечте человечества о преодолении плена земного тяготения и полете к мирам других планет...» («Брюсовские чтения. 1963». Ереван, 1964).

Брюсов знал более 20 языков и был талантливым переводчиком, пропагандируя лучшие произведения мировой литературы. Глубокий историзм помогал поэту постигать специфику характера разных народов. Вся Европа от Дублина до Еревана, от Стокгольма до Рима, от Рижского взморья до Пиренейского полуострова, от Исландии до России была воспета им:

Европа старая, вместившая так много
Разнообразия, величий, красоты!
Храм множества богов, храм нынешнего бога,
Пока Земля жива, нет, не исчезнешь ты!..

(По маленькой Европе. наброски, 1913.— «Валерий Брюсов. Незданные стихотворения». М., 1935).

Брюсов — автор уникальных исторических романов. Первый его исторический роман «Огненный Ангел» (1907—1908) посвящен Германии XVI века, переведен на ряд языков и завоевал общеевропейскую славу. Второй исторический роман Брюсова «Алтарь Победы» впервые был напечатан в журнале «Русская Мысль» (1911—1912). Роман «Юпитер поверженный» вышел уже при Советской власти. «Как в „Алтаре Победы“, так и „Юпитере поверженном“ Брюсов дает яркую и подробную картину римской жизни IV в.

в последней ее борьбе с христианством. Брюсов рисует торжество христианства не с точки зрения христианских идеалов, а показывает его в точной закономерности исторического движения» («Валерий Брюсов. Неизданная проза». М.—Л., 1934). В этих романах все дышит жизнью Вечного города. Да, «московский римлянин», как иногда называли Брюсова, с полным правом мог сказать о себе:

Не как пришлец на римский форум
Я приходил — в страну могил,
Но как в знакомый мир, с которым
Одной душой когда-то жил...

На Форуме, 1908

Брюсов также прекрасно знал историю Германии и живо запечатлел XVI век в художественных образах романа «Огненный Ангел». Перевод «Огненного Ангела» на немецкий язык и триумф романа были, пожалуй, одной из самых ярких страниц русско-германского литературного сближения. Правда, здесь не обошлось без «патриотических» курьезов: «Автор „Огненного Ангела“ — русский? Полно! Немец и только немец мог написать такой германский роман!». Но Брюсова такие отклики «немецких провинциалов» только радовали... Кое-кто присылал на имя издателя письма с просьбой указать владельца «рукописи XVI века», с которой Брюсов «перевел» «Огненного Ангела»... Так достоверно дал русский писатель психологию немецкого человека XVI века!

«XVI век в изображении Брюсова — не условный фон, не красочная декорация, — это подлинный немецкий XVI век. За каждой главой романа стоят горы прочитанных автором книг, изученных документов» («Брюсовские чтения. 1966». Ереван, 1968). Невольно

Значение образа в поэтическом произведении определяется его соответствием, во-первых, общему замыслу стихотворения, во-вторых, его общему стилю. Образ, уместный и прекрасный в одном стихотворении, может быть нестерпим в другом. Поскольку образ содействует выявлению общей мысли, он — хорош; поскольку он эту мысль затемняет, он — плох, хотя бы был весьма изыскан и весьма своеобразен. Образы данного стихотворения хороши, когда они все подчинены единому стилю; когда же один или несколько из этого стиля вырываются, они производят впечатление неприятного пятна, хотя бы «сами по себе» были новее, оригинальнее других. Чем своеобразнее образ, тем он будет нестерпимее, если стоит не на месте.

Сила и неумирающее очарование стихов Пушкина и стихов всех вообще великих поэтов (особенно античных) в том и состоит, что в их произведениях достигнута полная гармония между его общим замыслом, стилем и отдельными образами (добавим еще — и звуковым построением стихотворения).

«Московский понедельник», 1922, № 12

вспоминаются слова из письма Горького к Брюсову в июле 1917 года: «Давно и пристально слежу я за Вашей подвижнической жизнью, за Вашей культурной работой, и я всегда говорю о Вас: это самый культурный писатель на Руси. Лучшей похвалы не знаю, эта — искренна».

Историзм Брюсова нашел яркое воплощение и в его поэзии, например в поэме «Царю Северного полюса».

Еще в 1906 году переводчик стихов Брюсова швед Альфред Йенсен писал о Брюсове не только, как о «современном первоклассном художнике русского поэтического слова», но и как о «тончайшем знатоке шведской природы»:

Тощий мох, кустарник чахлый,
Искривленная сосна,
Камень, сумрачный и дряхлый,
Белой пыли пелена...
Древней пылью поседели
Можжевельник и гранит...

На Готланде, 1906

Норвежская журналистка, преподавательница русского языка, участница антифашистского сопротивления Сульвей Братланн-Кюдсен в статье «Брюсов воспел Норвегию, как немногие...», напечатанной в «Рогаланнс Авис» 28 января 1971 года, пишет: «Валерий Брюсов — один из величайших русских поэтов XX века. Он знал много иностранных языков, в том числе и норвежский. Он воспел Норвегию, как немногие в русской литературе вместе с Пушкиным, А. К. Толстым, К. Бальмонтом...».

От произведений Брюсова веет духом интернационализма. Вот почему они находят отзвук в сердцах самых разных народов.

Поэт, по свойству своего искусства, должен заставить читателя воспринимать свои слова не как понятия, а как что-то непосредственно действующее на чувство. Поэт должен вернуть слову его первоначальное эмоциональное значение. Отсюда — стремление поэтов искать новых сочетаний слов, новых образов, новых метафор (вообще «тропов»). Современники Пушкина изумились смелости его выражения: «в дыму столетий». Аксаков восхищался оригинальностью образа Тютчева, сказавшего о радуге: «в высоте изнемогла»...

Первое, на что должно обратить внимание, это то, что образ сам по себе не может быть ни хорош, ни плох или по крайней мере что не это важно в поэзии. Образ можно признать удачным или неудачным, прекрасным или дурным только по его связи со всеми другими в данном произведении, только в контексте. Обособленно взятый образ это — игрушка или техническое средство, не более: это то же — что отдельное сочетание двух звуков или двух красок.

«Московский понедельник», 1922, № 12

Им создана антология «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (1916), ставшая образцом для подобных антологий братских литератур в нашей стране.

Литературную деятельность Брюсов начал как вождь русского символизма. Все было в нем — и крайний индивидуализм, и анархизм, и отход от действительности.

С годами рос талант Брюсова. Он стал пристальнее присматриваться к жизни трудового народа, и она нашла отражение в его стихах: «Каменщик» (1901), «Век за веком» (1907) и другие. Так Брюсов постепенно вышел на дорогу реалистического искусства.

С первых дней Октябрьской революции Брюсов стал сотрудничать с Советской властью и в 1919 году вступил в Коммунистическую партию. Он отдавал все свои силы строительству советской культуры. В 1918—1919 годах Брюсов прочитал курс лекций по истории русской литературы (Пушкинский период и его значение), по истории Древнего Рима в Социалистической Академии общественных наук. В 1921 году Брюсов — профессор МГУ и совмещает это с ректорством в Литературно-художественном институте, который широко открыл двери детям рабочих и крестьян. Его мечтой было приобщить их к вершинам знаний, развить их таланты. Брюсов пользовался уважением и любовью студентов и своих коллег.

Деятельность Брюсова в годы Советской власти разнообразна. Он переводит и издает сборники стихов Эдгара По, поэмы Верхарна и Верлена, пишет статьи и рецензии на книги молодых советских поэтов, статьи о творчестве Пушкина, редактирует первый том академического издания А. С. Пушкина. Особенно большое значение придает Брюсов пропаганде произведений великого поэта среди народа. В мемориальном кабинете В. Я. Брюсова в Москве хранятся небольшие книжечки стихотворений Пушкина на дешевой, пожелтевшей от времени бумаге — редакция и примечания Валерия Брюсова.

Великая Октябрьская социалистическая революция и образ Ленина заняли достойное место в поэзии Брюсова. Гимном новой, преображенной, сражающейся с врагом, голодной, но победоносной Советской России является реалистическая, эпическая поэма «Третья осень» (1920). Красная Русь для Брюсова — символ единства и величия Родины:

Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор?

Брюсов написал стихотворение «Народные вожди», посвященное В. И. Ленину:

Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей
И ветром поднятый победно в вышину!

Брюсов неоднократно обращался к образу вождя революции:

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый,— общий океан,—
Растет из бурь октябрьских: Ленин
На рубеже, как великан.
Земля! Зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!
Ленин, 1924

Богат и поэтичен язык Брюсова. Поэт требовательно относился к чистоте русской речи, незадолго до смерти он так писал о богатстве родного языка:

Что нам звоны латыни серебряной:
Плавим в золото нашу руду!..
Где-то в Пушкинской глуби по-своему
Отражен, склон звездистый, Шекспир.
Родное, 1923

Это отношение к родному языку и его творцу — народу звучит и в стихотворении «К народу», написанном еще в 1905 году:

Ты дал мне, народ, мой драгоценный дар:
Язык, на котором слагаю я песни..
Без тебя, я — звезда без света,
Без тебя, я — творец без мира,
Буду жить, пока дышишь ты и созданный тобою
язык.

Чувство гордости за свой народ, за созданную им культуру, любовь к Родине и вера в творческие силы русского народа были всегда присущи Брюсову.

Мне Гете — близкий, друг — Вергилий,
Верхарну я дарю любовь..
Но ввысь всходил не без усилий —
Тот, в жилах чьих мужичья кровь.

Я — твой, Россия, твой по роду!
Мой предок вел соху в полях.
Люблю твой мир, твою природу,
Твоих творящих сил размах!

1911—1918

А. А. КИТЛОВ,
куратор Мемориального кабинета
В. Я. Брюсова в Москве,
старший научный сотрудник

ИСТОРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ В. Я. БРЮСОВА

Брюсов принадлежит к числу тех русских интеллигентов, для которых пролетарская революция была великой очистительной грозой. Брюсова отличали высокая культура, широта и разнообразие творческих интересов. В своем сближении с трудовым народом Брюсов был одним из наиболее последовательных представителей буржуазной культуры. Это сближение началось еще тогда, когда первые вспышки социального прозрения породили строки знаменитого «Каменщика» (1901):

— Каменщик, каменщик, в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик, с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

— Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?

— Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна...

[Цитируется по изданию: Валерий Брюсов. Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия. Л., 1952]. Внешне переход метра русского декаданса на сторону революции был неожиданным, но внутренне

переход Брюсова в лагерь рабочих и крестьян был подготовлен всей логикой развития его таланта, постоянно вступавшего в противоречия с Брюсовым-теоретиком...

Внимательный читатель, листая брюсовские стихи, увидит, как из небольшого, но сильного зерна несогласия с миром капиталистического правопорядка рос и креп поэтический характер Брюсова-гражданина, который смело шагнул в дни Великого Октября на сближение с рабочим классом, что естественно завершилось вступлением его в партию большевиков. Брюсов не только поэт огромной эрудиции, он выдающийся филолог, лингвист и историк. Свою энергию ученого, организаторский талант издателя и страстность поэта он отдал делу воспитания одаренной творческой молодежи из среды рабочих и крестьян.

Особое место в истории советской поэзии принадлежит Брюсову-переводчику. Первым из больших русских поэтов он обратился к творчеству братских народов нашей страны, в частности, приобщил русского читателя к образцам армянской поэзии. Брюсов отдал много сил развитию молодой советской культуры, и в этом его гражданский подвиг.

Молодой Валерий Брюсов свой поэтический путь начал с символизма, который был наиболее ранним проявлением декаданса в русской литературе. Необычайная всесторонняя одаренность, непосредственное широкое знакомство со стихами Верлена, Рембо, Маларме, Уайльда, многогранный поэтический талант и страстное желание быть первым — все эти причины выдвинули его вперед, и именно он, плодовитый и энергичный, стал для русского читателя открывателем необычной для России поэзии. В стихах символистов главное не договаривалось. В них делались многозначительные намеки на нечто таинственное, потустороннее. Смерть трактовалась как смысл жизни. Интересы искусства сводились к интимным эротическим взаимоотношениям. Все, что волновало русское общество во второй половине века, было перечеркнуто. Не о нуждах общества, а о своем собственном «я» трубила поэзия символизма. И русский читатель тех лет, внимательно присматриваясь к этой поэзии, назвал поэтов нового направления очень точным и емким словом «упадники». Произведения Брюсова, наиболее полно воплотившие в себе идеи символизма, например «Эротические баллады», оказались бессильными, чтобы противостоять напору времени. Наоборот, стихотворения, которые шли вразрез с эстетикой символизма, например «Каменщик», не только получили всенародное признание при жизни автора, но и вошли в сокровищницу русской поэзии. Реалистические устремления Брюсова определились его симпатиями к трудовому народу. Он испытывал явное тяготение к предметной, событийной поэзии, к конкретным деталям и обра-

зам реального мира, что вполне отчетливо сказалось на книге «Третья стража», где в разделе «Любимцы веков» даны выпуклые портретные зарисовки: «Ассаргадон», «Александр Великий», «Старый викинг»...

Брюсова интересуется Древний Восток и романское средневековье, но ближе всего ему античный мир. Он вводит в свои стихи широким потоком античную лексику. Олицетворение времени — Хронос, первозданное пространство — Хаос, древнейший из богов Эллады, олицетворение созидательного начала — Эрот, сын Хаоса и брат Ночи — Эреб, сын Эреба и Ночи — перевозчик Харон, титан Прометей, громовержец, владыка неба — Юпитер (Зевс), сестра Юпитера богиня плодородия — Деметра. Младшие боги и божества: бог лесов и рощ — Пан, козлоногие, пьяные божки плодородия — сатиры, божества ручьев — наяды. Полулегендарный Гомер и исторически достоверные Перикл, Архимед, Филипп Македонский и его сын Александр, полководцы и сподвижники Александра. Персидские цари — Кир и Дарий. Римляне: Марк Антоний, Юлий Цезарь, Брут, императоры — Троян и Юстиниан, а также не названные по именам кесари, трибуны, консулы, сенаторы, матроны и гетеры — густо населяют стихи Брюсова. Поэт стремится воссоздать колорит эпохи, и перед нами мелькают географические названия: Эллада, Афины, Фивы, Троя, Сиракузы, Милет, Рим, Помпея и многие другие... Но этого мало страстному почитателю античного мира. Он часто дает латинские названия своим стихам и даже большим поэтическим сборникам: *Tertia vigilia* (Третья стража), *Urbi et orbi*

Родной язык! Знаешь все тайны... В неправильностях чувствуешь прелесть. Свыкся со звуком каждого слова.— Как робко ступаем мы в мир чужого наречия! Лучшее знание не выводит за пределы правильных фраз. Чувствуешь себя подчиненным, рабом...

Из «Путевых записок», июнь 1897

Поэт, которому есть что сказать по вопросам, волнующим передовую часть общества, никогда не будет лишним,— он вновь вернет поэту то высокое положение, какое занимал он в мире древнем... Наши современные поэты, далекие от этого идеала, в неслучайный раз занимаются воспеванием восходов и закатов, радостей первого свидания и восторгами свидания не первого, теской по поводу ненастного дня или по тому поводу, что им все почему-то наскучило. Они забывают, что стихи — совершеннейший из способов пользоваться человеческим словом, и что разменивать его на мелочи, пользоваться им для пустяков — грешно и стыдно...

Далекое и близкое, 1912

Сила русского глагола в том, что школьные грамматки называют видами. Возьмем четыре глагола одного корня: *стать*, *ставить*, *стоять*, *становить*. От них при помощи приставок «*пред*», «*при*», «*за*», «*от*» и др., флексии «*возвратности*» и суффиксов «*многokrat-*

(Граду и миру). Однако историзм Брюсова не ограничивается употреблением иноязычной лексики. В стихах философского и гражданского звучания, где воспроизводятся исторические детали, образы или сюжеты, Брюсов постоянно вводит в лексику старославянские, часто архаические формы (ладья, град, ложе, уста, дева, очи, владыки, ярмо, выя, отрок): «Когда все под ярмом клонили молча выи, Я уходил в страну молчанья и могил...» (Кинжал); «И упаду, как отрок некий, Повергнут скорбью и стыдом?» (Блудный сын). Встречаются случаи архаического употребления некоторых имен существительных. Слово среднего рода *облако* употребляется в мужском роде: «Но во взорах — облак черный, Черной смерти пелена» (Орфей и Эвридика). Часто поэт употребляет старославянские глагольные формы (кануть, обретать, отпrianуть, гласить, быти, внемать): «Я был! Я есмь! Мне вечности не надо!» (К счастливым); «Я, быть может, богомольней, Чем другие внемлю ей...» (Знакомая песнь).

Исторические интересы Брюсова не исчерпывались античным миром. Поэт обращался и к мотивам русской национальной истории, используя в своей речи древнерусизмы и просторечия. Так мы встречаем существительные и глаголы с типичным восточнославянским полногласием *-ело, -оло*: «И, шелома врагов опознав По холмам и утесам соседним, Так дружине сказал Святослав...» (Завет Святослава); наречие времени действия *давеча*: «Как его по улицам вели давеча, Природного князя Святославича...» (О последнем рязанском князе Иване Ивановиче) и другие.

ности» можно образовать около 300 глаголов, которые в сущности будут, по грамматике, разными «видами» одного и того же. Таковы: статья, ставиться, становиться, встать, вставить, вставать, вставлять, достать, доставить, достоять, доставать, доставлять, доставать, доставлять, достаться, доставиться, достояться, доставаться, доставляться, достаиваться, оставить, остановить, оставлять, останавливать, останавливать, пристать, предстать, перестать, настать, расставить, состоять, устать, приветать, восстать, поставить и т. д. и т. д. Ни на один современный язык нельзя перевести всех оттенков значения, какие получаются таким образом...

Альманах «Эпоха», М., 1918

Говорить «просто» и говорить «понятно» — не синонимы. Для неспециалиста может быть «непонятно» и то, что сказано очень просто. Для читателя, знакомого с поэзией, стихи Тютчева и Фета — просто; для того, кто впервые берется за стихи, — непонятны. Чтобы написанное было просто, это должен сделать писатель; чтобы написанное было понятно, этого должен достичь читатель.

Альманах «Эпоха», М., 1918

Материал подготовила
Е. В. ЧУДЕЦКАЯ

Существенной чертой поэзии Брюсова является вера в торжество разума, в могущество человека, в созидательную силу труда. События первой русской революции непосредственного отражения в его стихах не нашли, но они раскрыли перед ним всю глубину противоречий общества, олицетворением которых для поэта стал город:

Твоя безмерная утроба
Веков добычей не сыта,—
В ней неумолчно ропщет Злоба,
В ней грозно стонет Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для женщины, для картин, для книг;

Но сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов — орду
И шлешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

Городу

С годами понимание социальной структуры общества у Брюсова обостряется. В его стихах все чаще находит место изображение людей труда, все громче звучит вера в разум и технический прогресс. Предвосхищая таких пролетарских поэтов, как Алексей Гастев и Михаил Герасимов, для которых символом раскрепощенного труда станет завод, Брюсов утверждал техническую мощь города:

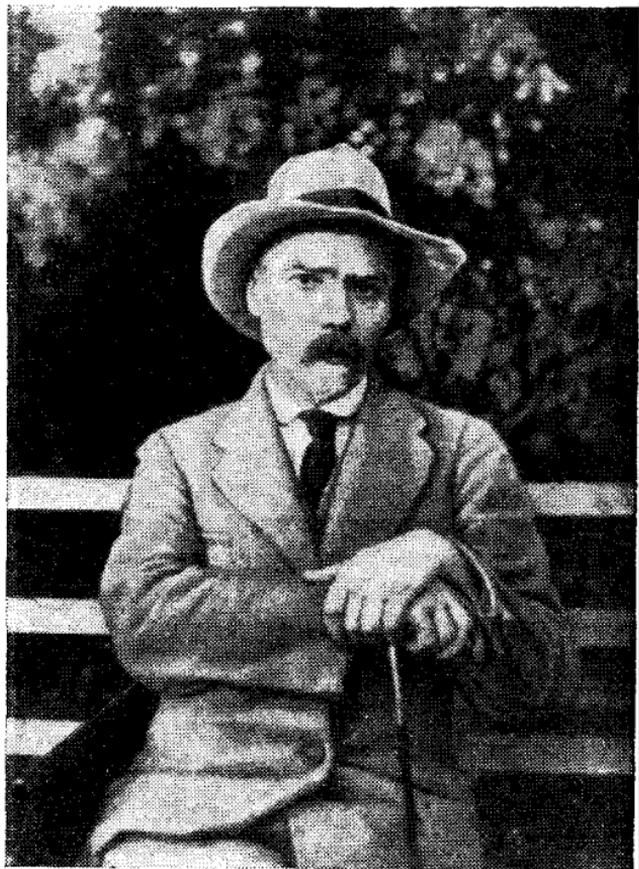
Царя властительно над долом,
Огни воцая в небосклоц,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чарователь неустанный,
Ты — неслабеющий магнит.

Городу

Обращение к урбанистическим мотивам сказалось прежде всего на лексике поэта, резко отличая ее от словаря других поэтов той эпохи. У многих современников Брюсова в стихах можно встретить *автомобиль, аэроплан, авиатор, кинематограф* — те слова, которые выражают понятия, изумлявшие в начале века своей технической дерзостью. Однако никто, кроме Брюсова, так последовательно не вторгался в сферу материального производства, как это делал он, «певец мрамора и бронзы».

В его стихах широко представлены названия орудий промышленного труда (топор, пила, кирка, молот, циркуль): «И мертвым

циркулем измерил *Возможность невозможных грез* (Кому-то); приспособлений и деталей машин (блок, зубчатое колесо, поршни, лопасть, шина, крюк, мотор): «*Новой лампы свет победный, Бег моторов, поездов, Монопланов лет бесследный, Все — наследие трудов!*» (Труд); приборов и устройств (компас, телеграф, колба, газовый рожок, экран, циферблат): «*Круги циферблатов янтарных Волшебно зажглись над толпой...*» (Сумерки) различных материалов (руда, уголь, дрова, керосин, газ, сталь, стекло): «*Теперь сверкало все, гремело в гуле гулком! Воздвиглись здания из стали и стекла...*» (Мир); транспортных средств (вагон, поезд, теплушка, пароход, барка, трамвай, моноплан, автомобиль): «*Мчались омнибусы, кэбы и автомобили, Был неисчерпаем яростный людской поток*» (Конь блед).

В последние годы жизни Брюсов выдвинул идею создания научной поэзии и много работал в этом направлении. Обращаясь к научной тематике, он, естественно, стремился насытить свои стихи научной терминологией, что в свою очередь требовало сносок

и расшифровок. Попытки Брюсова не увенчались успехом, однако на пути обогащения поэтической речи научной терминологией Брюсов сделал несомненно очень много. Он упорно вводил в свои стихи такие слова, как *орбита*, *протоплазма*, *электрон*, *aborиген*... И если некоторые из них, несмотря на свою звучность, так и не вписались в поэтическую строку, то *орбита* и *электрон* давно стали достоянием поэзии. Достаточно вспомнить хотя бы брюсовское: «Быть может, эти электроны — Миры, где пять материков...» (Мир электрона).

Приведенные примеры подтверждают стремление Брюсова к отображению реальных черт окружающего мира, правдивых картин жизни, что в корне противоречит эстетской сущности символизма.

Брюсов, высоко ставя достоинство русского литературного языка, постоянно и целенаправленно стремился к сближению поэтической речи с разговорным языком, видя в этом необходимые условия популяризации поэзии. Чувство глубокого уважения к языку народа не покидало Брюсова на протяжении всей его плодотворной творческой жизни. Так в 1900 году Брюсов писал:

Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!

Работа

Чувство глубокого уважения к разговорной речи — первоисточнику всех языковых богатств нашего народа, суровому судье всех лингвистических споров и дискуссий, Брюсов сохранил на протяжении всей жизни. В 1919 году в стихотворении «Только русский» поэт писал:

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик,—
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек.

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Кандидат филологических наук
Б. А. ЛОЗОВОЙ

Славянизмы в поэзии среднего жанра

В XVIII веке формируется русский литературный язык нового времени. Процесс нормализации языка связан с именами Прокоповича, Кантемира, Тредиаковского. Но только Ломоносову удалось создать строгую и законченную стилистическую теорию, сыгравшую огромную роль в становлении и формировании новой системы русского литературного языка. Эта теория известна в литературе под названием теории трех «штилей». Ломоносов выделял три стиля — высокий, средний и низкий — и закреплял за каждым из них соответствующую лексику.

Основу высокого стиля составляли слова, «которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: бог, слава, рука, ныне, почитаю», а также слова малоупотребительные, «однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, господень, насажденный, взываю». Этим стилем обычно писались героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях.

Средний стиль состоял в основном из слов, употребительных в русском языке, отчасти сюда допускались «высокие» и «низкие» слова, однако с «великой осторожностью». Театральные сочинения, дружеские письма, сатиры, эклоги, элегии, сонеты создавались средним стилем.

Низкий стиль включал в себя слова исконно русские, даже просторечные, и должен был служить основой для создания басен, увеселительных эниграмм, дружеских писем в прозе.

Но различие трех стилей, как указывает В. В. Виноградов, «не сводилось только к словарному и фразеологическому составу их. Оно было обосновано грамматически, т. е. подкреплялось фонетиче-

скими, морфологическими и синтаксическими особенностями» (Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938). Иными словами, наряду с такими лексическими славянизмами, как *отверзать, десница, длань, чело* и др., произведения высокого стиля характеризуются употреблением славянизмов с ярко выраженными фонетическими приметам, среди которых следует отметить слова с неполногласием: *брег, врата, глас, злато, страж*; с сочетанием *жд* и *щ* вместо русских *ж* и *ч*: *вижду, ночь, зоцет*; с начальным *е* вместо *о*: *един, елень*; а также с приметам грамматическими, например употребление инфинитива с окончанием *-ти*: *вещати, гласити* и под., и окончания 2-го лица настоящего времени *-ши, -шися*; форм родительного падежа единственного числа женского рода прилагательных на *-ья, -ия* и многие другие. Все эти славянизмы являлись характерной принадлежностью произведений жанра высокого, что резко отличало его от жанра низкого и отчасти среднего.

Во времена Ломоносова ведущим жанром поэзии был высокий одический жанр. Однако во второй половине XVIII века высокопарные, торжественные оды, прославляющие власть и могущество бога или его заместника на земле — царя, сменяются нежными и лиричными, полными страстного чувства любви к женщине, восхищения красотой родной природы элегиями, стансами, идиллиями, сонетами. Средний жанр становится главенствующим жанром поэзии. Для стихотворений этого жанра характерно очень четкое разграничение лексики возвышенной и лексики общеупотребительной. Очень редко стали употребляться славянизмы, ранее обязательные в одах и героических поэмах. Единичное их употребление связано с образами поэзии высокого жанра. Славянизмы *десница, око, дщерь, отверзать, един, гряди* и некоторые другие использовались поэтами при описании божества, венценосного героя, особы царственного рода и т. д. Например: высокий славянизм *десница* в стихотворениях среднего жанра обозначал руку бога:

Со мною бог, не страшны громы;
Его десницею несомы,
Они вещают власть его...

Муравьев. Буря

или царя:

...Правителя сих бездн, надводного Царя,
Который ветрами смущенные моря
Имущей трезубец десницей укрощает.

Ржевский. Героида

Именно *око*, а не *глаз* устремляет на землю всеильный бог:

Недремлющим с небес на нас взирая оком,
Он бдит о твари всей в радении глубоком.

Ржевский. Письмо к А... Н...

Во всех остальных случаях, связанных с описанием простых смертных, мы находим общеупотребительные слова *рука* и *глаз*.

Высоким по своей стилистической окраске в поэзии второй половины XVIII века считался и славянизм *дщерь*. Дщерью поэт мог назвать дочь какого-либо царя, но ни в коем случае не дочь простого поселянина. Так, в отрывке из стихотворения Ржевского «Письмо к А... Н...»:

Приам с Гекубою тирански умирают,
Прекрасная их дщерь в руках врагов рыдает,—

использование славянизма стилистически закономерно: им названа дочь последнего царя Трои — Приама. А в стихотворении Муравьева «Зила» речь идет о дочери простого крестьянина, и соответственно используется общеупотребительное слово *дочь*:

Нет хижины в селе, котора б не топилась,
Одна лишь дочь твоя, Эгон, не торопилась.

В составе высокого образа славянизмы встречаются и в тексте басни:

Пустынный род воздвиг во Фракии Орфей,
И гласом Амфион возвысил Фивски стены.
Муравьев. Скворец и Ястреб

Выбор славянизма *глас* и здесь стилистически оправдан: это голос строителя фиванского акрополя царя Амфиона, под звуки лиры которого, как гласит миф, камни сами складывались в стены.

Таким образом, ряд высоких славянизмов в поэзии среднего жанра обычно используется при описании образов жанра высокого (божеств, героев, царей); в свободном же употреблении, не связанном характером образа, используется синонимичное им общеупотребительное слово.

Начиная со второй половины XVIII века, основной темой поэзии среднего жанра становится воспевание чувств поэта к возлюбленной. «Высокая лексика оказывается, таким образом, приспособленной для выражения тем не столь высоких, однако все же „вывышенных“, поэтических, для выражения субъективных эмоций поэта, его отношения к действительности, что характерно для зарождающегося в это время сентиментализма, идущего на смену классицизму» (И. С. Ильинская. Лексика стихотворной речи Пушкина. М., 1970). Так, рисуя одну из деталей внешности возлюбленной — ее прекрасные волосы, — поэты обычно использовали для этого славянизм *власы*, а не общеупотребительное слово *волосы*, например:

Вот ленточка... ее отдать я не могу:
Она власы твои прекрасны украшала.

Муравьев. Примирение

Такова же картина употребления славянизма *уста*:

Взор очей ее прелестных,
Сладость уст и тихий нрав
Мне виной утех всеместных.

М. Попов. Любовные песни

В подобных примерах слова *губы* и *рот* не встретились ни разу.

Обращаясь к возлюбленной, поэты обычно называют ее *драгой*, используя при этом именно славянизм, а не слово *дорогой*:

Крылья время низлагает
У твоих, драгая, ног.

Муравьев. Истинная красота

Но если славянизм *драгой* оказывается преобладающим над общеупотребительным вариантом *дорогой* в элегиях, сонетах, идиллиях, стансах, то совершенно противоположную картину в употреблении синонимов можно наблюдать в творчестве поэтов-песенников Нелединского-Мелецкого и М. Попова. Для поэзии среднего жанра Нелединского-Мелецкого характерно использование лишь слова *дорогой*:

«Дорогой! — мне говорила.—
Ты по смерть мне будешь мил».

Дни счастливы миновались...

В стихотворениях же высокого жанра поэт при описании особы царственного рода употребляет славянизм *драгой*: «Гость драгой, всевожденный, Мужественный Константин!» (Польской...). Следовательно, для Нелединского-Мелецкого слова *драгой* и *дорогой* различались по силе эмоционального звучания: славянизм использовался только в произведениях высокого жанра, а общеупотребительное слово — в произведениях жанра среднего. Примерно то же явление наблюдается в песнях М. Попова. По-видимому, употребление исконно русских слов поэтами-песенниками можно объяснить их стилизацией под народные песни.

Появление славянизмов в поэзии среднего жанра объяснялось не только стилистическими требованиями. Характерной особенностью поэтической речи XVIII века являлось использование славянизмов в качестве средств стихосложения, или, иными словами, средств версификации (версификация — то же, что стихосложение: совокупность основных принципов и правил, в соответствии с которыми производится построение стихотворной речи). Использование славянизмов только в качестве средства версификации можно отметить в басенном жанре.

Лишь требованиями стихосложения объясняется употребление славянизма *живот*, ставшего во второй половине XVIII века архаизмом даже для жанра высокого, в значении «жизнь», в басне Муравьева «Мышь и Кошка»:

А кошка свой отверзала рот,
И мышка кончила в зубах ее живот,—

Использование славянизма как удобного средства при стихосложении привело к тому, что в поэзии второй половины XVIII века образовались определенные рифмы-штампы. С насмешкой отзывается о них поэт-сатирик XIX века А. Нахимов:

В творениях его у ног Екатерины
Цветут для рифмы райски крины,
А где стоит великий Петр,
Там поневоле дует ветер.

Сочинения Нахимова. СПб., 1849

Устойчивыми для поэзии второй половины XVIII века были рифмы ноши — рощи, поит — горизонт, длань — брань, Петр — ветер, очи — ночи и др.

Широко распространенной в поэзии среднего жанра была рифма очи — ночи:

Будь ясен сверх всего. Беги туманов ночи,
Да мысль разит умы, как солнце наши очи...
Но зря в сердцах Мольер глазами мудреца,
Представил списки нам живее образца.

Муравьев. Опыт о стихотворстве

Лечь спать, не засыпать, сжимать насильно очи,
Потом желать, чтоб мрак сокрылся темной ночи...
И с утомленными глазами потягаться,
Спешить во все дела, опять останавливаться.

Ржевский. Портрет

То, что славянизм *очи* использован в приведенных примерах именно как средство версификации, не вызывает сомнения. Об этом свидетельствует употребление в середине строки русизма *глаза*, хотя по условиям размера здесь вполне мог стоять славянизм. Вот пример подобного употребления славянизма *хлад* в стихотворении Н. А. Львова «Ночь в чухонской избе на пустыре»:

Воют волки... ночь ненастная
Обложила все лицо земли
Хладом-ужасом — и я один!
Холод, ужас и уныние,
Дети люта одиночества.

Итак, в русской литературе существовала длительная традиция использования славянизмов, с одной стороны, как стилистического средства, с другой, как средства стихосложения. Поэзия М. Н. Муравьева, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, А. А. Ржевского и других поэтов второй половины XVIII века является убедительным доказательством этого.

Е. Н. МАНСВЕТОВА

«ТОМОВ ПРЕМНОГИХ ТЯЖЕЛЕЙ»

5 декабря исполняется 170 лет со дня рождения Федора Ивановича Тютчева — поэта высокого художественного мастерства, чародея русского языка. Оригинальное дарование поставило его в один ряд с великими поэтами. Поэт-философ, Тютчев создал замечательные лирические монологи о смысле жизни, о назначении поэта и поэзии. Он продолжил ломоносовские и державинские традиции в русской поэзии с их пышностью красок, контрастностью, яркой изобразительностью, высоким ораторским пафосом. Вместе с тем, ясностью, краткостью и простотой своих стихов Тютчев продолжил пушкинские традиции.

В 1836 году в «Современнике» А. С. Пушкин напечатал 24 стихотворения Тютчева, отозвавшись о них «с изумлением и восторгом». Оживленный интерес к творчеству Тютчева возник в 1850 году в связи с появлением в «Современнике» статьи Некрасова «Русские второстепенные поэты», заявившего: «Мы решительно отложим талант г. Ф. Т-ва к русским первостепенным поэтическим талантам». Некрасовское «открытие» поэта продолжил И. С. Тургенев, назвавший Тютчева «одним из самых замечательных наших поэтов, как бы завещанным нам приветом и одобрением Пушкина» (Несколько слов о стихотворениях Тютчева).

Литературное наследие Тютчева включает в себя около 400 небольших стихотворений. Но удельный вес их велик. Они — замечательное достижение не только русской, но и мировой поэзии. Еще Фет написал на сборнике стихов Тютчева:

Муза, правду соблюдая
Глядит, а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

Творчество поэта чрезвычайно противоречиво: он приемлет все проявления жизни, воспекает ее радости, восторгается величием и

К 170-летию
со дня рождения
Ф. И. Тютчева

красотой природы и одновременно отрицает возможность познания мира, утверждает мысль о недоступности для человека красоты мироздания.

Ощущением тревоги перед грядущими общественными потрясениями проникнуто стихотворение «О чем ты воешь, ветр ночной..?».

Тютчев обращался к теме народа, преувеличивая, правда, смирение и долготерпение в широко известных строках:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Эти бедные селенья...

Патриотические чувства поэта с огромной силой выразились в знаменитом четверостишии:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Тютчев придерживался умеренных либеральных взглядов, однако смело выступал против крайностей самодержавия. В «Эпитафии Николаю I» он писал:

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,—
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Тютчев занимал прогрессивные позиции по отношению к польскому восстанию 1830 года, призывая в стихах к единению славян, к пресечению происков Запада столкнуть западных славян с восточными.

На трагическую гибель Пушкина Тютчев откликнулся стихотворением «29 января 1837 г.», в котором выразил презрение к убийцам великого русского поэта:

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?

Произведение завершается строками, ставшими афористическими:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Смерть Пушкина Тютчев воспринял как большое народное горе. Значительное место в творчестве Тютчева занимают стихотворения о природе. Тютчев противопоставляет бессилie личности всемогуществу природы, стремится заглянуть в глубины мироздания, космической жизни. Отсюда — тема хаоса, — этого «исконного начала всякого бытия» (Брюсов). Поэту дороги те мгновения в жизни природы, когда можно увидеть ее «темную» сущность. Проникновение в эту сущность может наступить и в темноте ночи, когда человек остается «лицом к лицу пред пропастию темной» (Святая ночь на небосклон взошла...). Именно ночь срывает «ткань благодатную покровы» и облагает роковые хаотические силы, составляющие тайну мира:

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами...

День и ночь

И гроза близка Тютчеву потому, что тогда явственно проступает «хаотическое», а силы природы ведут между собой какой-то таинственный разговор.

Итак, тема хаоса — природа и мир хаотичны, а человек одинок — проходит через многие произведения поэта. Ей посвящены стихотворения «Silentium!», «Безумие», «День и ночь», «О чем ты воешь, ветр ночной..?», «Ночное небо так угрюмо», «Как океан

объемлет шар земной», «Святая ночь на небосклон взошла» и другие. В этом цикле нашли выражение мятежное состояние души поэта и предчувствие освежающих бурь.

Раздвоенное сознание, разлад души, драматизм внутренних переживаний, стремление выйти из жизненных противоречий — вот темы и проблемы пейзажной и интимной лирики Тютчева. Поэт восклицает:

О, вещая душа моя!
О, сердце полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

О, вещая душа моя!

Мир для человека непостижим, хаос недоступен. А мятежную мысль человеческую, стремление к совершенству поэт сравнивает с фонтаном:

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится,
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

Фонтан

Тютчев утверждает величие и бессилие человеческого разума. Как бы человек ни стремился достигнуть идеала, как бы высоко он ни взлетал, он упадет на землю, как и струя фонтана:

Как жадно к небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Фонтан

Тютчев ищет гармонию в природе, ведь в ней должна быть воплощена красота и целесообразность. Показательны в этом отношении его мысли о наличии души и разума в природе:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик,—
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Не то, что мните вы, природа...

Решая вопрос о взаимоотношении человека и природы, поэт приходит к выводу о равнодушии природы к человеческим делам. От древней жизни дошли до нас два-три кургана да несколько могучих дубов, бывших свидетелями исторических событий: «Природа знать не знает о былом».

Испуг перед надвигающимися переменами, характерный для людей 40-х годов, внутренняя борьба, обусловленная противоречия-

ми действительности, придавали стихотворениям Тютчева о природе отчасти пессимистический характер, они проникнуты мотивами слиянности лирического героя с природой (особенно стихотворения «Тени сизые смешались...», «Осенний вечер»). Описывая осень, зиму, поэт передает «улыбку увяданья», но от этого увядающего веет духом прекрасного.

Вместе с тем, в поэзии Тютчева есть и второе начало — гармонически-светлое. В стихотворениях о южной, весенней и летней природе преобладает чувство гармонии, радости, удовлетворенности. Шедевром творчества Тютчева является стихотворение «Весенние воды», получившее восторженную оценку Некрасова: «Сколько жизни, веселости, весенней свежести в трех подчеркнутых стихах! [...Весна идет, весна идет, Мы молодой весны гонцы, Она нас выслала вперед!].»

Читая их, чувствуешь весну, когда сам не знаешь, почему делается весело и легко на душе, как будто несколько лет свалилось долой с плеч...»

Более столетия в школьные хрестоматии включается «Весенняя гроза», с ее светло-волнующим колоритом, молодым задором, радостью жизни. Поэт мастерски использовал звукопись: сочетание взрывного согласного *з* с сонорным *р* (грозу, гром, играя, грохочет, гремят). Звуками речи передается громыханье грома.

Высоким художественным совершенством отличается стихотворение об осенней природе «Есть в осени первоначальной...». Яркая живописность предметов выявляет их эмоциональное содержание:

Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

И ниже:

Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Особое место в творчестве поэта занимает цикл стихов, посвященных Е. А. Денисьевой. Эти произведения, драматичные по характеру, реалистичны и точны по психологическому рисунку. Особенно выразительно стихотворение «Она сидела на полу...»

...Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...
О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой,
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Иптимным стихотворениям Тютчева обычно присущ трагизм и надлом. Любовь воспринимается поэтом не как счастье, а как роковая страсть, несущая горе. Высокая патетика, эмоциональный на-

кал, призванные подчеркнуть силу чувства, свойственны стихотворениям этого цикла.

Отличительная особенность произведений Тютчева — краткость, ясность и отчетливость.

Пушкинским традициям — простоте, непосредственности, правдивости чувства — Тютчев следовал на протяжении всего своего творческого пути и достиг при этом выдающихся результатов. У него пушкинская напевность и мелодичность стиха, звуковая инструментовка. Тонкой аллитерацией (повторением губных звуков *л*, *б* и плавного *л*) отличается, например, «Cache-cache»:

Полуденный луч задремал на полу...
Волшебную близость, как бы благодать...
Как пляшут пылинки в полдневных лучах...

Свистящие звуки повторяются в стихотворении «Сумерки»:

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул...

Часто поэт использует прием полного параллелизма: стирается грань в изображении явлений природы и душевного состояния человека. В стихотворении «В душном воздухе молчанье» предгрозовое томление природы и неясное томление девы сливаются в полной гармонии:

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..
Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной! —

объясняет это взаимопроникновение сам Тютчев в стихотворении «14 июля 1851 года».

Поэзия Тютчева — поэзия контрастов и аналогий. Югу он противопоставляет север, жизни — смерть, земле — небо, ночи — день, горам — долины, грозе — тишину, любви «небесной» — любовь «роковую» и т. п.

Эпитет у Тютчева своеобразен. Им передается впечатление от предмета в данное время: «море баюкает сны тихоструйною волною», «голос жаворонка — гибкий, резвый», «та кроткая улыбка увяданья», «день хрустальный». Иными словами, эмоциональное у поэта — на первом плане.

Поэт выступал новатором и в строении стиха. Он широко употреблял внутренние рифмы и ассонансы: «И ветры свистели п нели валы»; «И без вою и без бою»; «Кто скрылся, зарылся в цветах?»; «Земля зеленела»; «Кругом как кимвалы, звучали скалы»; «Ветрило весело звучало». Брюсов отмечал изысканность метра в стихотворении «Грустный вид и грустный час»: «При беглом чтении не замечаешь в их построении ничего особенного. Лишь потом откры-

вашей тайну прелести их формы. В них средние два стиха первой строфы (3-й и 4-й) рифмуются со средними стихами второй строфы (9-м и 10-м). Притом, чтобы ухо уловило это созвучие, разделенное четырьмя стихами, Тютчев выбрал рифмы особенно полные, в которых согласованы не только буквы после ударяемой гласной, но и предыдущая согласная (которую французы называют *consonne d'arrui*): „гробовой — живой“, „тумана — Лемана“» (Далекое и близкое. М., 1912). В поэзии Тютчева русский стих достиг, как сказал Фет, «эфирной высоты».

Демократическая критика XIX века высоко ценила поэзию Тютчева. Некрасов так писал о стихотворении «Осенний вечер»:

«Превосходная картина! Каждый стих хватает за сердце... Нечего говорить о художественном достоинстве приведенного стихотворения: каждый стих его — перл, достойный любого из наших великих поэтов».

Не менее высокую оценку давал лирике Тютчева Добролюбов, противопоставлявший поэта «чистому» лирику Фету. Талант Фета, по Добролюбову, может «проявиться только в уловлении мимолетных впечатлений от тихих явлений природы», а Тютчеву «доступны, кроме того, — и знойная страстность и суровая энергия, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни». Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?» привел тютчевское стихотворение «Русской женщине», сопроводив его комментарием, что эти «безнадежно печальные, раздирающие душу предвещения поэта» в мертвящей обстановке крепостничества сбываются «так постоянно и беспощадно... над самыми лучшими, избранными натурами...»

Тургенев же утверждал: «...О Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии...».

Чернышевский положительно оценил стихотворения «Вот от моря и до моря» и «Эти бедные селенья», отметив «прекрасные пьесы, помещенные г. Тютчевым...». Чернышевский собирался написать целую статью о «прекрасных» стихах Тютчева (о первом сборнике поэта 1854 года).

Как вспоминал старый большевик П. Н. Лепешинский, В. И. Ленин любил поэзию Тютчева: «Тютчев пользуется его преимущественным благорасположением» (П. Н. Лепешинский. На повороте. Л., 1925). В рабочем кабинете вождя в Кремле стояли не только полное собрание сочинений Тютчева, но и «Тютчевiana» (сборник афоризмов, эпиграмм и острот, вышедший в 1922 году).

Стихотворения Тютчева — замечательное достижение не только русской, но и мировой поэзии.

А. Ф. ЗАХАРКИН

Рисунок В. Захарова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ И СТИЛЬ

О романе И. А. Гончарова «Обломов»

Художественный образ, как бы значителен он ни был, всегда является только деталью в общей картине, одним из средств выражения художественной идеи писателя.

Много споров вызывал и вызывает образ Обломова. Одни авторы пособий и учебников оценивают его отрицательно: лентяй, эгоист, безразличен ко всему, человек бесхарактерный, безвольный, не умеющий ничего делать. Другие считают Илью Ильича человеком скорее положительным. Так, в школьном учебнике «Русская литература» А. А. Зерчанинова и Д. Я. Райхина, по которому училось не одно поколение школьников, читаем: «Обломов — человек со многими положительными качествами, способный вызвать искреннюю симпатию окружающих» (Изд. 25-е. М., 1967). Действительно, все главные герои романа отзываются об Обломове чуть ли не восторженно, высоко ставят его честность, порядочность, доброту. Сторонники Обломова считают, что автор, положительно относясь к герою (пишут о «сердечном спихождении и симпатии автора к

своему герою»), разоблачил и осудил не Обломова, а обломовщину. Третьи говорят о «двойственности авторской оценки Обломова».

Но сам И. А. Гончаров в статье «Лучше поздно, чем никогда» отмечал цельность образа и его «верность характеру»:

У меня всегда есть один образ и вместе главный мотив: он-то и ведет меня вперед... Работа, между тем, идет в голове, лица не дают покоя, пристают, позируют в сценах, я слышу отрывки их разговоров — и мне часто казалось, прости господи, что я это не выдумываю, а что это все носится в воздухе около меня и мне только надо смотреть и вдумываться.

Мне, например, прежде всего бросался в глаза ленивый образ *Обломова* — в себе и в других — и все ярче и ярче выступал передо мною. Конечно, я инстинктивно чувствовал, что в эту фигуру вбираются мало-помалу элементарные свойства русского человека — и пока этого инстинкта довольно было, чтобы образ был верен характеру [цитируется по изданию: И. А. Гончаров. Собрание сочинений в 8 томах. М., 1955].

В литературном произведении важно не только то, что изображено, но и как изображено; иными словами, важна авторская позиция, авторская оценка. Причем, значительнее бывает не прямая, выраженная словами оценка, а сам способ изображения.

При решении всякого спорного вопроса необходим детальный анализ материала. Когда мы имеем дело с художественным произведением, спорные вопросы помогает решить стилистический анализ текста. Ведь и идеи, и образы, и картины — все выражает автор через язык, посредством языка. Как же рисует Гончаров Илью Ильича Обломова? Какие языковые средства использует? Просмотрев те места (особенно в первой части), где автор характеризует Обломова, мы замечаем частое использование книжной лексики.

Вот Гончаров рассказывает о том, что Обломов, которому не понравилось «ежедневное хождение в должность» (а был он мелким чиновником, коллежским секретарем), бросил службу. Но писатель не говорит «бросил службу», он констатирует: «Так кончилась — и потом уже не возобновлялась — его государственная деятельность». Обломов не любил читать, «серьезное чтение утомляло его». «Мыслителям не удалось расшевелить в нем жажду к умозрительным истинам». Обломов не умел и не любил трудиться, зато «сгорал от жажды труда». О герое, который с трудом кончил учебное заведение, который «волей-неволей проследил курс наук до конца», читаем: «Так совершил свое учебное поприще Обломов. То число, в которое он выслушал последнюю лекцию, и было геркулесовыми столпами его учености...». Затем мы узнаем, что Обломов вернулся в деревню, так ничему и не научившись: «...И он воротился в свое уединение без груза знаний...». Что же он делал в деревне? А ничего: ел, спал, мечтал, лежа на диване. Но автор, показывая нам все это, говорит о другом: «Что ж он делал? Да все

продолжал чертить узор собственной жизни. В ней он, не без основания, находил столько премудрости и поэзии, что и не исчерпашь никогда без книг и учености».

Итак, сначала «учебное поприще», затем «государственная деятельность», притом «жажда к умозрительным истинам», «жажда труда», бездна «премудрости и поэзии», а если взять другие примеры, то и «горизонт деятельности», «огонь жизни», «простираемые стремления», «наслаждения высоких помыслов» и т. п.

Так можно было бы характеризовать идеальную, деятельную натуру. В отношении Обломова это убийственная ирония, острая сатира. Смысл высокого, положительного обозначения все время разрушается показом действительных фактов, действий, суждений героя. Контраст «обозначающего» и «обозначаемого», контраст высокого обозначения и низкой реалии, контраст «слова» и «факта» проводится Гончаровым последовательно. В отдельных местах контраст особенно резок. Естественно, что это могло быть достигнуто усилением патетического тона даваемой характеристики, то есть нагнетением экспрессивной, стилистически окрашенной лексики.

Ему доступны были наслаждения высоких помыслов; он не чужд был всеобщих человеческих скорбей. Он горько в глубине души плакал в иную пору над бедствиями человечества, испытывал безвестные, безыменные страдания..

Случается и то, что он исполнится презрением к людскому пороку, ко лжи, к клевете, к разлитому в мире злу и разгорится желанием указать человеку на его язвы, и вдруг загораются в нем мысли... вырастают в намерения, зажгут всю кровь в нем... намерения преобразуются в стремления...

Посмотрите, как густо накладываются эмоционально-экспрессивные краски: книжно-риторическая, высокая лексика и фразеология (наслаждения высоких помыслов; бедствия человечества; испытывать страдания; исполниться презрения; разгореться желанием; загораются мысли; вырасти в намерение; зажечь кровь; указать человеку на его язвы), фразеология по преимуществу метафорическая; эпитеты (высокие помыслы; человеческая скорбь; безвестные, безыменные страдания; разлитое зло; сладкие слезы) и другие выразительно-изобразительные средства, например находящееся здесь же сравнение (загораются в нем мысли, ходят и гуляют в голове, как волны в море), не говоря уже о ритмико-интонационной организации всего отрывка.

Напряжение нарастает. И как же оно разрешается? «...Мысли... вырастают в намерения... намерения преобразуются в стремления: [выразительно даже это двоеточие – читатель ждет результата, реакции героя] он, движимый нравственною силою, в одну минуту быстро изменит две-три позы...».

Эти слова писателя об Обломове, по-видимому, авторы учебника

«Русская литература» приняли всерьез. Они пишут: «Автор отмечает у него богатую внутреннюю жизнь, „внутреннюю вулканическую [вулканическую] работу пылкой головы, гуманного сердца»». Но нельзя не обратить внимание на то, что эта характеристика следует сразу после рассказа:

[Обломов] ... любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значит; выдумает войну и причину ее: у него хлынут, например, народы из Африки в Европу...

Или изберет он арену мыслителя, великого художника: все поклоняются ему; он пожинает лавры; толпа гоняется за ним...

Такую «вулканическую работу» проделывал и Манилов. Следовательно, роман пронизан иронией.

Но не противоречит ли этот вывод распространенному представлению о стиле, художественной манере Гончарова как о способе изображать жизнь спокойно, объективно, бесстрастно?

Н. А. Добролюбов в замечательной статье «Что такое обломовщина?» так характеризовал писательскую манеру Гончарова:

...спокойствие и полнота поэтического мирозерцания. Он ничем не увлекается исключительно, или увлекается всем одинаково. Он не поражается одной стороною предмета, одним моментом события, а вертит предмет со всех сторон, выжидает совершения всех моментов явления, и тогда уже приступает к их художественной переработке. Следствием этого является, конечно, в художнике более спокойное и беспристрастное отношение к изображенным предметам, большая отчетливость в очертании даже мелочных подробностей и ровная доля внимания ко всем частностям рассказа.

Д. И. Писарев также отметил «объективность» тона Гончарова и решительно осудил за это писателя. В статье «Писемский, Тургенев и Гончаров» критик писал: «Гончаров останется на анализе мелочей потому, что у него нет побудительной причины перейти к чему-либо другому; он холоден, его не волнуют и не возмущают крупные нелепости жизни...». И приходил к выводу о том, что «Обломов» как правописательный роман не что иное, как шлифованные подробности» и даже, что «весь „Обломов“ — клевета на русскую жизнь».

Действительно ли Гончаров равнодушно фиксирует происходящее? И каким же образом можно совместить сатиру и протокол? Целесообразно пойти путем анализа конкретных примеров.

В первой части описывается, по словам Н. А. Добролюбова, как «Обломов лежит на диване», точнее, как он пытается встать с него. Сначала просто сообщается: «Он, как только проснулся, тотчас же вознамерился встать...». Показательно здесь подчеркивание решимости героя: «как только», «тотчас же». И затем дальше: «Так и сделал. После чаю он уже приподнялся с своего ложа и чуть было не встал; поглядывая на туфли, он даже начал спускать к ним од-

ну ногу с постели, но тотчас же опять подобрал ее». Позже: «— Да, да! — торопливо заговорил Илья Ильич, — сейчас, сию минуту!

Обломов быстро приподнялся и сел на диване, потом спустил ноги на пол, попал разом в обе туфли и посидел так; потом встал совсем и постоял задумчиво минуты две».

Описание как будто бы совершенно объективно, бесстрастно, авторское отношение, кажется, нигде не проявляется. Но вникнем в структуру этого описания. Автор сообщает о самом обычном факте. Естественно, каждый человек просыпается утром, встает, умывается, одевается и т. д. Изображая события, в которых участвует герой, писатели проходят мимо таких обычных действий или сообщают о них вскользь. Гончаров же не только рассказывает об этом, он детально описывает. Простое действие, обозначаемое глаголом *встал*, расчленяется: приподнялся — сел — спустил ноги — попал в туфли — посидел — встал совсем — постоял. А ранее еще и дополнительное членение как бы на «полудействия»: приподнялся — чуть было не встал — начал спускать... одну ногу.

Писатель сосредоточивает особое внимание, придает особую значительность простому действию, подает его «крупным планом». И снова можно говорить об авторской иронии; создается она противоречием между явлением и структурой его подачи. «Любовное шлифование подробностей» оборачивается едкой насмешкой автора.

Отношение автора к изображаемому, кажется, все время меняется. То он откровенно иронизирует, то бесстрастно описывает все детали картины, то как будто восторгается изображаемым.

Автор восхищается «невозмутимым спокойствием», царствующим в Обломовке, тем, как заботились обломовцы о пище: «Какие телята утучнялись там к годовым праздникам! Какая птица воспитывалась! Сколько тонких соображений, сколько занятий и забот в ухаживанье за нею!»; восхищается их нравами и обычаями: «Кого где посадить, что и как подать, кому с кем ехать в церемонии, примету ли соблности — во всем этом никто никогда не делал ни малейшей ошибки в Обломовке».

Все это очень похоже на Гоголя, на его восхищенные чиновниками и дамами губернского города в «Мертвых душах». Но только у Гончарова сатира завуалирована, прикрыта «объективным» описанием подробностей. Рассмотрим особенности юмора Гончарова на самом нейтральном предмете — пейзаже.

Глава «Сон Обломова» начинается эмоционально-лирическим описанием окрестностей Обломовки. Автор любит природу этого места: чудный край; благословенный уголок земли; мирный уголок; избранный уголок; благословенный богом уголок. Эта оценка раскрывается собственно описанием, насыщенным тропами — метафорами, эпитетами, сравнениями: «Небо там... жметя к земле...

чтоб обнять ее покрепче, с любовью»; «река бежит весело, шая и играя...»; «резвые ручьи, под журчанье которых сладко дремлет»; «зима, как неприступная, холодная красавица»; «...но лето, лето особенно упоительно в том краю»; «звезды так приветливо, так дружески мигают с небес»; «дождь ли пойдет — какой благотворный летний дождь»...

Можно было бы поверить автору... Но это описание дополняется другим. Писатель показывает нам детали картины. Что же вызывает его восторг? Небольшая речка, мелкий кустарник, искривленный овраг, «деревенька... в которой... безмолвные избы открыты настежь... одни мухи тучами летают и жужжат в духоте», луна, которая «очень походила на медный вычищенный таз».

Но больше всего иронию автора выдает контрастное сопоставление двух пейзажей, описание которых дано в одной тональности: обломовскому пейзажу противопоставляются картины «в швейцарском или шотландском вкусе».

Начиная описание Обломовки, автор восклицает: «Что за чудный край!» — и затем перечисляет те моменты, которые традиционно составляют картину в духе В. Скотта: «Нет, правда, там моря, нет высоких гор, скал и пропастей, ни дремучих лесов — нет ничего грандиозного, дикого и угрюмого». В дальнейшем ирония выступает все более явно, писатель рассуждает как бы с позиций обломовцев: «Да и зачем оно, это дикое и грандиозное? Море, например? Бог с ним! Оно наводит только грусть... Сердце смущается робостью...»; «Горы и пропасти созданы тоже не для увеселения человека. Они грозны, страшны...». Это описание пейзажа нужно автору, конечно же, для разоблачения взглядов, психологии обломовцев; показательное включение элементов диалога — вопросов, восклицаний.

Иронический контраст двух картин поддерживается в дальнейшем сопоставлением отдельных деталей, частных: «Там надо искать свежего, сухого воздуха, напоенного — не лимоном и не лавром, а просто запахом полыни, сосны и черемухи...».

Если бы было просто сказано: «Сухой воздух напоен запахом полыни», иронии бы не было. Включение экзотических лимона и лавра разрушает внешнюю объективность повествования.

«Соловьев тоже не слышать в том краю, может быть оттого, что не водилось там тенистых приютов и роз; но зато какое обилие перепелов!». И продолжение в том же ироническом ключе: «...перепел — птица, уставом в пищу не показанная. Она там услаждает людской слух пением»; «...не водится там ядовитых гадюк; саранча не залетает туда; нет ни львов рыкающих, ни тигров ревущих, ни даже медведей и волков... По полям и по деревне бродят только в обилии коровы жующие, овцы блеющие и куры кудахта-

ющие». Анализ стиля романа «Обломов» выявляет сатирическую направленность писательской манеры Гончарова. Ироническая тональность особенно резко выступает в первой части, что во многом предопределяет восприятие всего произведения.

Сатирическое изображение основывается на сдвиге — семантическом, стилистическом или структурном. Гончаров использовал все эти типы и в чистом виде, и в комбинациях. Но все они используются им в рамках одного приема, который можно было бы назвать — структурным антифразисом. Суть приема заключается в следующем: сатирик может разоблачить человека, не любящего читать, временно как бы перейдя на его точку зрения, говоря о том, что от чтения портятся глаза, слабеет здоровье, что лучше бегать и резвиться на свежем воздухе, чем сидеть в помещении и т. п. При этом сатирик сохраняет тон объективного (а возможно, и восторженного) повествования, подключает семантические или стилистические средства усиления, но читатель вполне понимает разоблачительный замысел автора. Это и обеспечивает единство авторской точки зрения, единство «образа автора» при довольно значительном стилистическом разнообразии.

Гончарова часто сопоставляют с Гоголем. Действительно, в их стиле много общего. Но если у Гоголя «видный миру смех», откровенная сатира, то у Гончарова, так сказать, скрытый смех, смех, прикрытый объективностью.

И образ Обломова необходимо оценивать в общем «контексте» произведения с учетом того, как он показан автором. Одно стилистического анализа, конечно, недостаточно, чтобы вполне оценить характер героя. Но все же стилистический анализ ведет нас к такому пониманию образа Обломова, которое гениально уловил Добролюбов. Имея в виду слова о том, что на Обломова «всюду и везде можно положиться», что «Обломов не поклонится идолу лжи», что не приставет к нему грязь, что «это хрустальная, прозрачная душа» и т. д., Добролюбов резко возражал:

Но, помилуйте, в чем же на него можно положиться? Разве в том, где ничего делать не нужно? Тут он, действительно, отличается так, как никто. Но ничего-то не делать и без него можно. Он не поклонится идолу зла! Да ведь почему это? Потому, что ему лень встать с дивана. А стащите его, поставьте на колени перед этим идолом: он не в силах будет встать. Не подкупишь его ничем. Да на что его подкупать-то?.. Грязь к нему не приставет! Да, пока лежит один, так еще ничего, а как придет Тарантьев, Затертый, Иван Матвейч — брр! Какая отвратительная гадость начинается около Обломова (Что такое обломовщина?).

Мастерски создав сложный, цельный и законченный образ Обломова, И. А. Гончаров не только сатирически разоблачил своего героя, но и заклеил изображенное им явление жалким словом «обломовщина».

В. В. ОДИНЦОВ

«В четвертом номере вашего журнала я с интересом прочитал интервью с ведущими артистами Театра сатиры Папановым и Менглетом, которые с успехом выступают в пьесах В. Маяковского. Известно, что сам В. Маяковский работал над постановкой своих пьес, хотелось бы поподробнее узнать об этом». Такое письмо прислал в редакцию москвич И. А. Карпунин.

Ответить на это письмо мы попросили доктора искусствоведения А. Февральского.

МАЯКОВСКИЙ РАБОТАЕТ В ТЕАТРЕ

Большую активность проявлял Маяковский-драматург. Ведь «сила влияния комедии на зрителя,— писал он в связи с постановкой „Клопа“,— может быть удесятерена (а то и уничтожена) актерами, оформляющими, рабочими сцены, музыкантами и т. д.». Маяковский творчески и организационно помогал театру всем, чем мог, добиваясь, чтобы его пьеса прозвучала со сцены во всю заложенную в ней мощь. Из рассказов участников двух первых постановок «Мистерии-буфф» (Петроград, 1918 и Москва, 1921) известно, как активно работал Маяковский над сценическим воплощением своей пьесы.

Мне посчастливилось наблюдать Маяковского в работе над постановками «Клопа» и «Бани» в Государственном театре имени Вс. Мейерхольда, где я был ученым секретарем. А впоследствии по сохранившимся автографам я изучал процесс работы поэта над рукописями пьес.

Огромная сила «Клопа» и других пьес Маяковского заключена в их языке. Virtuозность языка Маяковского, блеск, новизна и острота словесных образов, мастерская ударность построения фразы в его драматургии те же, что и в поэзии. Величайшая изощренность не только не лишала его произведения ясности, простоты и доступности, но, наоборот, вооружала их ярчайшей выразительностью. В «Клопе» и «Бане», написанных прозой, Маяковский оста-

*В. В. Маяковский,
Д. Д. Шостакович,
В. Э. Мейерхольд
на репетиции пьесы
«Клоп», 1929 г.*

ется поэтом. И неудивительно, что отдельные стихотворные пассажи в «Клопе» органически входят в прозаический текст комедии.

Сценическое слово Маяковского — это слово, четко выражающее мысль, отточенное по форме, слитое с действием, более того — само становящееся действием. Язык пьес Маяковского прост и ясен. Но это простота, приходящая в результате длительной, трудной и сложной работы, за которой преодоление и отсев всего, что затуманивает смысл и утяжеляет форму. Сценическая речь Маяковского кратка, немногословна, но фраза так построена, слова несут такую смысловую нагрузку, что в эту фразу вмещается богатое содержание; Маяковский стремился, «чтобы словам было тесно, мыслям — просторно» (Некрасов). Поэтому реплики действующих лиц Маяковского очень конкретны и метки, бьют в цель и запоминаются. Из своего богатого словаря поэт выбирает сочные и яркие слова и обороты речи, которые наиболее точно отвечают сущности персонажей и сценических положений. Все это делает речь эпиграмматичной, афористичной, и о языке пьес Маяковского можно сказать то же, что Горький писал о языке классических комедий: «В каждом афоризме с предельной точностью выражено нечто неоспоримое, типическое» (О пьесах). До степени классических доведены некоторые афоризмы «Мистерии-буфф», например такое оп-

ределение буржуазной республики, прикрывающейся лозунгами «демократии»:

Одному — бублик, другому — дырка от бублика.
Это и есть демократическая республика.

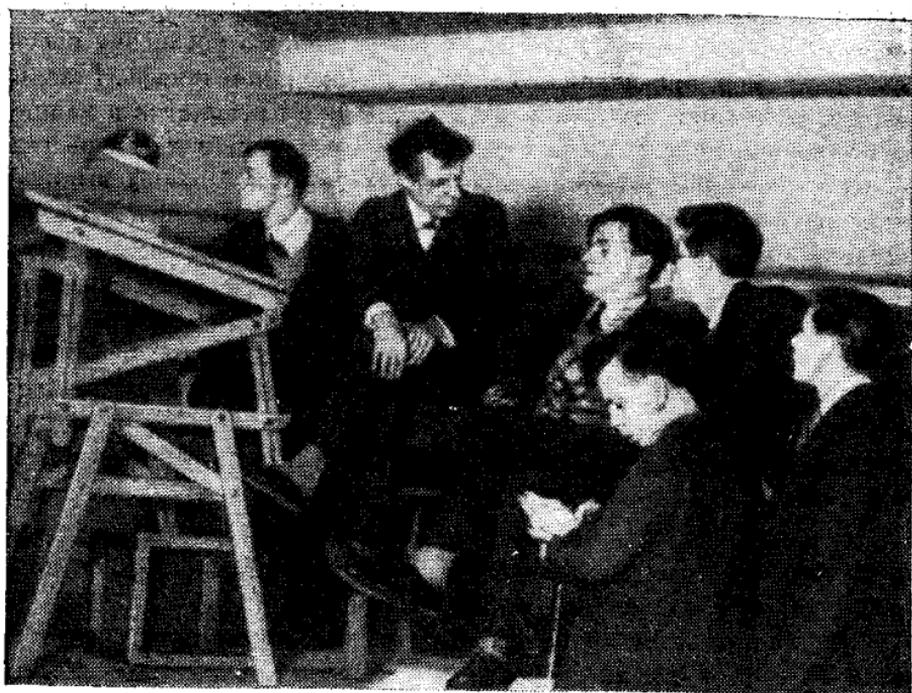
Каждой пьесе присущ свой, индивидуальный язык. Так, в «Клопе» разработан бытовой язык мещан. Каждый персонаж получил свою специфическую речевую характеристику, каждая фраза типична и построена на ряде бытовых ассоциаций. Вот почему многие выражения «Клопа» вошли в язык, их любят употреблять в газетных статьях и фельетонах: не раз встречали мы в газетах упоминания об «обывателинуса вульгарисе», о «бюстгальтерах на меху», фельетонист «Вечерней Москвы», рассказывая о рвачестве одного токаря, приводит слова Присыпкина: «Может, я своим благоустройством весь свой класс возвышаю» и многое другое.

Первые же читки «Клопа» Маяковским в театре (в последних числах 1928 года) принесли пьесе большой успех. Затем в январе — феврале 1929 года поэт читал «Клопа» в различных аудиториях. Публичные чтения и обсуждения комедии помогали дополнительной работе автора над пьесой.

Слушавшие «Клопа» в чтении Маяковского поражались, между прочим, исключительной лаконичности комедии. Эта лаконичность придавала пьесе большую остроту и броскость. Но в то же время из-за нее отдельные характеристики оказывались незаконченными, недостаточно четкими. Во время публичных чтений Маяковский сам обнаруживал эти пробелы и учитывал замечания слушателей.

Репетиции пьесы начались в первых числах января — при активнейшем участии поэта. Хотя «Маяковский был сведущ в очень тонких театральных, технологических вещах», по словам В. Э. Мейерхольда, он очень вдумчиво относился к предложениям режиссера и к пожеланиям актеров. Часто приходил Маяковский на репетицию с новым текстом какой-нибудь реплики, с дополнением к той или иной сцене. Он принес на одну из репетиций первой картины две вставки в текст роли главного «героя» — Присыпкина. В первой из этих реплик Присыпкин обращается к своему наставнику по части «изящной жизни»: «Товарищ Баян, я против этого мещанского быту — канареек и прочего... Я человек с крупными запросамп... Я — зеркальным шкафом интересуюсь...». Другая реплика обращена к Зое Березкиной — его бывшей возлюбленной: «Гражданка! Наша любовь ликвидирована. Не мешайте свободному гражданскому чувству, а то я милицию позову».

Сатирическая острота этих вставок, построенная на неожиданных и метких сопоставлениях (крупные запросы — зеркальный

В. В. Маяковский на репетиции пьесы «Баня», 1929 г.

шкаф, свободное чувство — милицию позову), вносила новые яркие штрихи в характеристику Присыпкина. И актеры встретили вставки, прочитанные поэтом, долго не прекращавшимся хохотом и аплодисментами. Так же горячо было принято и заново написанное Маяковским начало третьей картины, в котором Присыпкин солидно «объявляет свадьбу открытой».

Бывало, что во время репетиции тот или иной актер просил изменить что-нибудь в реплике, и Маяковский (разумеется, если он соглашался с просьбой) иногда сразу, а иногда, отойдя в сторону и пошагав в раздумье, вносил в реплику поправку. В последней реплике Директора зоосада из «Клопа» вторая фраза первоначально читалась так: «Наш зоологический сад обогащен, озолочен, обриллиантен». По предложению тогдашнего исполнителя роли текст был переделан автором и получилась реплика: «Наш зоологический сад осчастливлен, ошедеврэн».

Сличение черновой рукописи «Клопа», промежуточных вариантов и окончательного текста комедии позволяет установить, какими словами, фразами, репликами дополнил поэт первоначальный текст пьесы. Вставки эти можно условно разделить на четыре категории.

Первая, наиболее существенная — дополнительные моменты,

углубляющие характеристики действующих лиц или положений новыми штрихами и укрепляющие общественную установку пьесы, как, например, приведенная реплика о зеркальном шкафе. Вставки второй категории развивают положения, уже имеющиеся в данном месте текста, не внося в них новых оттенков. В финале пятой картины к репликам репортеров советских газет добавлены выкрики иностранных репортеров. К третьей категории относятся мелкие вставки, поправки и замены слов более выразительными. Например, во второй картине к реплике Босого о камере хранения, которая упоминается в связи с предполагаемой пропажей сапог, Маяковский прибавил слова: «ручного и ножного багажа». Вставки четвертой категории продиктованы сценическими соображениями. В той же картине одну из реплик Слесаря поэт разбил на четыре тремя одинаковыми восклицаниями Босого («Врешь!») — и диалог оживился.

Основа пьесы, созданная в первоначальном тексте, при дальнейшей работе осталась прежней; изменялись только детали, которые Маяковский отделывал очень тщательно.

По желанию Мейерхольда Маяковский в создании спектакля взял на себя функции, более широкие, чем те, которые обычно принадлежат автору пьесы. В программе спектакля значилось: «Постановка народного артиста республики Вс. Мейерхольда. Ассистент (работа над текстом) Вл. Маяковский». Поэт на репетициях изо дня в день работал с актерами. Не ограничиваясь объяснениями по поводу сущности образов в целом и содержания отдельных реплик, он учил актеров той публицистической манере подачи слова, которая необходима в его пьесах. В чтении актеров, как и в чтении самого поэта, каждый звук должен был ясно слышаться. Маяковский читал актерам текст, чтобы помочь им усвоить и особенности этой манеры, и ритм стиха, прозаического монолога или диалога, потом слушал их и поправлял — проходил с ними целые куски ролей.

Четкое, плакатное звучание слова не было для поэта самоцелью. Он хотел, чтобы при помощи такого звучания актеры яснее донесли до зрителя идею пьесы в целом и мысль, заключенную в каждой отдельной реплике. Поэтому, не допуская толкования пьесы как обычной бытовой комедии, он добивался политической заостренности спектакля. Вместе с тем он стремился, чтобы реплики звучали образно, поэтически и этим усиливали его идейную направленность.

Работа поэта с актерами шла дружно и весело. Он был увлечен ею, к участникам спектакля относился со вниманием и всегда доброжелательно. А они отвечали ему неподдельной любовью и искренним уважением к его творчеству и к нему самому. Актеры

были по-настоящему захвачены сценическим воплощением образов комедии.

Еще большего совершенства достиг Маяковский, создавая «драму с цирком и фейерверком» — «Баня». Проза в этой пьесе так отточена, что кажется, будто слушаешь стихи. Реплики некоторых положительных персонажей захватывают поэтическим подъемом. Это достигается искусной организацией слов, выразительностью образов. И фразы, состоящие из обыкновенных слов, оказываются поднятыми над повседневностью. Изобретатель машины времени Чудаков говорит: «С моей машиной ты можешь взвихрить растянутые тягучие годы горя, втянуть голову в плечи, и над тобой, не задевая и не рая, сто раз в минуту будет проноситься снаряд солнца, прикалывающая черные дни». Такие фразы подчеркивают необычность и величие совершающегося в драме — прыжка в будущее.

Ополчившись против бюрократов, Маяковский превратил и язык драмы в орудие их обличения: ряд реплик — как бы стандарты идиотизма канцелярской идеологии. Наиболее характерные примеры — речь Победоносикова и Оптимистенко перед отправкой машины времени (в шестом действии). Длинный диалог Фосфорической женщины и Ундертон в пятом действии построен на коротких репликах, состоящих из повторения одних и тех же вопросов и ответов. Уже самая конструкция этого диалога подчеркивает бессмысленность факта, о котором идет речь: увольнение машинистки за то, что она красила губы.

Поэт много и упорно трудился над «Баней». Еще до начала репетиций он сказал: «Эту вещь я переписывал пять раз». Работу над текстом нбсы он продолжал в процессе репетиций. Опять, как во время подготовки «Клопа», Маяковский, являясь почти на все репетиции, руководил работой актеров над текстом. Более того, поэт вникал во все области готовившейся постановки. На сохранившемся листе его записей — и наброски новых реплик, и переделка прежних, и замечания в адрес актеров (не только по произнесению текста, но и по сценическому действию), и предложения режиссерского характера, и указания о костюмировке, о бутафории. (Эти записи опубликованы и объяснены в моей статье «Маяковский и его пьесы». — «Театр», 1960, № 4.)

К постановке «Бани» Маяковский написал лозунги, которые были развешены на сцене и в зрительном зале театра. Тут были и общественно-политические лозунги:

Вперед
непрерывным
полным ходом.
Выполним
пятилетку
в четыре года!

и лозунги на темы искусства:

Коммуна строится трудно и туго.
На помощь строителям перо драматурга.

В процессе подготовки спектакля поэт еще больше сблизился с артистами. Среди исполнителей «Клопа» и «Бани» было много начинающих артистов и учащихся театральной школы. Эта молодежь жадно прислушивалась к каждому слову Маяковского — и на репетициях и во время бесед в свободное время. Встречи с великим поэтом дали молодым актерам огромную творческую зарядку на всю жизнь.

Работа Маяковского над сценическим воплощением его произведений — великолепный пример для драматургов. Но такая работа автора пьесы в театре может быть плодотворной только при условии, если у него будет такой авторитет человека и художника, такое глубокое понимание сущности театра, как у Маяковского.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ,
доктор искусствоведения

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

I. Точное слово

Какие из указанных в скобках слов употребили
А. А. Фадеев и А. П. Гайдар?

1. Солнце уже *(встало, поднялось, выплыло)* над лесом. Иней давно *(исчез, растаял, испарился)*. Небо *(открылось, раскрылось, очистилось, обнажилось)* в вышине, прозрачно-льдистое и голубое. Деревья в мокром *(горящем, сияющем, сверкающем)* золоте склонялись над *(шлялом, путем-дорогою, дорогою)*. День *(занялся, начался, зарождался, наступал)* теплый, непохожий на осенний.

2. *(Прошли, кончились, миновали, исчезли)* сумерки. *(Засветились, рассыпались, высыпали, вышли)* звезды, спустилась ночь. А Жиган то бежал, то шел, тяжело дыша, то изредка останавливался — *(отдохнуть, передохнуть, отдышаться, перевести дух)*. Один раз, заслышав *(ровное, мерное, размеренное)* бульканье, отыскал в темноте ручей и хлебнул, *(разгоряченный, распаленный, распаренный, разморенный)*, несколько глотков холодной воды. Один раз *(шарахнулся, кинулся, отскочил, отпрыгнул)* испуганно, *(натолкнувшись, напоровшись, наткнувшись)* на *(одиноко, грустно, сиротливо, тоскливо)* покривившийся придорожный крест.

II. История слова

Какие из указанных слов собственно русские, а какие заимствованные и когда они пришли в наш язык?

Впрок, витрина, салон, ваза, вельвет.

Ответы на стр. 80

ПОЛОВИНА ПЕРВОГО, ПОЛПЕРВОГО?

В древнерусском языке слова *пол* и *половина* — синонимы. Об этом свидетельствует их параллельное употребление в речевых оборотах; например, при древнем счете «половинами» оба слова могли повторяться, обозначая каждый раз уменьшение вдвое: «Пять сохъ съ третью и пол-пол-пол-трети сохи, а кладено въ соху по штидесять по два двора и пол-пол-трети двора» (Из царской грамоты 1582 г.) [«Сохой» в то время называли земельную меру как податную единицу]; «Се купи... тони въ Великом Сярьти, въ половици половицу... а другая половина той тони за Ивановыми дитьми... а даль... на той полуполовици топи... польъ четверти сорока белке» (Из новгородских купчих XIV—XV вв.).

Но уже в древнерусском языке постепенно стали намечаться различия в употреблении этих слов. В предложно-именных сочетаниях наречного типа использовалось только существительное *пол* (*на полы* — ‘пополам; вдвое меньше’; *въ полъ* — ‘в середине, среди’, *въ полы* — *у полы* — в половину, вдвое меньше’; *изъ полу* — ‘наполовину’): «Аще человекъ иметь красти конопля или ленъ и всякое жито, епископу в вине со княземъ на полы» (Церковный устав Ярослава); «Ста въ понеделник у Торжку въ пол обеда» (Тверская летопись. 1372 г.); «А тиуномъ кормъ Рожественской и Петровьской в полы наместнича корму» (Уставная Белозерская грамота. 1488 г.); «И мне мнитися окаянному, яко ис полу есмь чернецъ» (Послание царя Ивана Васильевича. 1574 г.).

Характерны случаи употребления производного *половина* с предлогами: «А держати ти свои тиунъ на половине, а Новгородецъ на половине въ всей волости Волоцькой» (Договорная грамота Ярослава Ярославича. 1265 г.).

С предлогом *до* могли употребляться существительные-омонимы *пол* — ‘половина’ и *пол* — ‘нижний настил в доме’, которые раз-

личались сочетаемостью. Первое обязательно должно было иметь зависимое существительное или местоимение, а второе не нуждалось в этом. «Тоя же зимы князь Юрии Смоленский приять гостей Псковских, и товаръ отъя, а самихъ ихъ держа до полу лета» (Псковская 1 летопись. 1403 г.).

Непроизводное *пол* 'половина' входит в состав ряда наречных выражений, зарегистрированных словарями современного русского языка, например в Словаре Даля: «Дели на-полю, пол туда, пол сюда. Работаем из-полу, исполу, из половины прибылей. У нас это за-пол купишь, впол дешевле, вдвое; пополам, вполу».

Второй особенностью существительного *пол* в отличие от производного *половина*, сохранившейся и до настоящего времени, была способность входить в качестве одного из компонентов в сложные слова. В составе последних оно могло сочетаться с существительными, числительными прилагательными и глаголами. Однако из многочисленных примеров сложных слов такого типа, отмеченных в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского, до нас дошли только единичные — полночь, полдень. Большинство же слов с составной частью *пол* вышло из употребления, так как они служили названиями понятий, исчезнувших из жизни русского народа — полугривна, полудьяк, полуплугъ, полуусадище и т. п.

Особый случай представляли сочетания *пол* с порядковыми числительными («именными», ибо они склонялись тогда, как имена существительные). При этом существительное *пол* придавало им значение количественных (дробных) числительных: полтора тысяче гривен, пол четверта (3,5) рубля, пол осма (7,5) года. Нетрудно заметить, что такой счет был основан на вычитании половины из последующей единицы того или иного разряда чисел. Из всех подобного рода сочетаний только *полъ втора* сохранилось до наших дней, правда, в измененном звуковом облике — *полтора* (также *полтораства*). Другие дробные числительные такого типа вышли из употребления в XVIII веке в связи с утратой «именных» порядковых числительных.

При обозначении дробного счета сочетания типа «*пол* + именное порядковое числительное» уступили место сочетаниям типа «количественное числительное + с половиной» (*пол* в творительном падеже с предлогом *с* уже не могло выступать здесь, так как к этому времени потеряло лексическую самостоятельность): «Два аршина съ половиною» («Трутенъ»); «По четыре копейки съ половиною» (Лепехин. Дневные записки путешествия...); «Четыре монеты съ половиною» (Матинский. Санкт-Петербургский гостинный двор); «За двенадцать год да за тринадцать лет да с половиною» (Гильфердинг. Онежские былины). Прототипом таких конструкций могли послужить сочетания со значением составных количествен-

ных числительных, встречающиеся в памятниках с конца XV века: двацатеро съ однимъ хлебомъ, петдесятъ рублей с рублем.

Несомненным отголоском древнего употребления слова *пол* при дробном счете является использование его в наше время при указании получаса в сочетаниях с порядковыми числительными от 1 до 12 типа *полпервого*, *полвторого* и т. д. Таким выражениям предшествовало в XVII и даже в XVIII веках употребление *пол* в сочетании с соответствующими именными порядковыми числительными: «Въ томъ городе Филехе прежде моего приезде за семь лет было трясение земли полдва часа» (Путешествие П. А. Толстого. 1697–1699); «8 февраля в вечеру в полсема часа, заметили мы сквозь грегорианскую зрительную трубу следующее» (Ломоносов. Описание кометы...).

Только с последней четверти XVIII века в литературе находит отражение дробное обозначение времени по часам с использованием местоименных форм порядковых числительных, хотя в живой речи они могли появиться значительно раньше. Начальным компонентом соответствующих конструкций стал выступать «ведущий» член словосочетания *половина*: «Въ половине седьмага часа разбудили детей, оделись» (Карамзин. Деревенские вечера); «Приходите в половине двенадцатого» (Пушкин. Пиковая дама); «С половины двенадцатого до половины первого шел четвертый утренний урок» (Фет. Ранние годы моей жизни).

Однако с 20-х годов XX века в русском языке фиксируются конструкции с аналогичным значением, содержащие *пол* в качестве начального компонента: «Для токарей, для слесарей, для плотников, встававших в полшестого, до гудка» (Слуцкий. Школа для взрослых); «Завтра разбудить в полвосьмого!» (Маяковский. Летящий пролетарий); «Часы указывали полдевятого» (Вагнер. Берег и море); «К полдвенадцатому буду на месте» (Тендряков. Короткое замыкание).

Такие конструкции в словарях современного русского языка классифицируются как разговорные: «Я научила его говорить „я ем“ вместо „я кушаю“, „половина первого“ вместо „полпервого“» (Грекова. Дамский мастер). Элемент *пол* здесь напоминает усеченную форму производного *половина* (заведующий — *зав*, специалист — *спец*) и используется под влиянием других сложных слов, начинающихся с *пол(у)*. Да и возникли такие конструкции, как мы видели, спустя полтора века после первой фиксации сочетания с *половиной*.

В современном русском языке слово *половина* — в результате отхода *ов* (из *ъ*) к суффиксу и последовавшего переразложения основы — членился иначе, чем в древнерусском. При корне *пол* в нем выделяется суффикс *-овин-а*, а не *-ин-а*.

В. П. МАКСИМОВ

НАЗВАНИЯ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Названия культурных и бытовых учреждений входят в ономастику, так как служат средством выделения единичных объектов из числа однородных. Для обозначения городских объектов в ономастической литературе используется термин урбонимы (от латинского *urbs* — 'город').

Урбонимы являются «вторичными» образованиями: они производятся или от существительных нарицательных, или от уже имеющих имен собственных. Иногда можно наблюдать своеобразные «многоступенчатые» образования, например от названия реки Москвы — город Москва, от названия города — гостиница, ресторан, магазин «Москва».

При массовом появлении культурно-бытовых учреждений возникает потребность в их индивидуализации при помощи названия. Если в городе один кинотеатр или один ресторан, то в этом случае не требуется специального уточнения, можно сказать: «Пойдем в кино», «Пообедаем в ресторане». Но если кинотеатров, ресторанов и прочих бытовых и культурных учреждений в данном населенном пункте несколько, то в речи требуется специальное выделение нужного объекта, которое производится посредством имени собственного. В Москве, например, говорят: «Смотрели кинокартину „Комитет 19-ти“ в кинотеатре „Балтика“», «Обедали в ресторане „Варшава“». В обиходно-разговорной речи информация еще короче: «Смотрели „Комитет 19-ти“ в „Балтике“», «Обедали в „Варшаве“». Сочетаемость слов, ситуация речи уточняют в данном случае содержание высказывания.

Тенденция к выделению внутригородских объектов особыми знаками существовала и раньше. В прошлом, при недостаточной грамотности населения, знаковая система была «вещной» или рисуночной. У входа в трактир вешали бутылку или ставили бочонок, сапожник обычно выставлял в окне сапог или колодку, булочник — предмет своего изделия. Позднее стали пользоваться вывес-

ками, на которых писали инициалы и фамилию хозяина и рисовали предмет торговли или изделие. Эти бытовые явления нашли отражение и в художественной литературе. Например, у Блока читаем:

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

Незнакомка

В дореволюционной России обычно торговые заведения и предприятия носили фамилию владельца. В Москве, например, на бывшей Тверской улице (теперь улица Горького) был большой гастрономический магазин Елисеева (теперь Гастроном № 1). Москвичи по традиции и теперь говорят: «Купил в Елисеевском».

В современных городах специальные названия стали получать фирменные промтоварные и продуктовые магазины. Раньше они различались только номерами. Специальные названия культурно-промышленных и бытовых учреждений обусловлены общественной необходимостью — переходом на хозрасчет, что требует не только улучшения работы предприятий и учреждений, но и организации специальной рекламы, для которой и используются неистощимые ресурсы языка, способные одновременно быть и выделительными знаками и рекламой.

Цифровые обозначения культурно-просветительных и бытовых учреждений ничего не говорят о специфике предприятия или учреждения, не вызывают никаких ассоциаций, приводят к некоторой обезличке и стандартизации. Если проанализировать психологическое восприятие названия, то можно заметить, что одно упоминание магазина «Каблучок» может вызвать представление о нарядной женской обуви; название магазина «Изумруд» ассоциируется с изящными ювелирными изделиями, а при назывании кафе «Лаконка» ассоциативно возникают приятные вкусовые ощущения. Поэтому можно сказать, что удачное название способно не только выделить объект из числа однородных, но и указать на какие-то его признаки, дать дополнительные сведения, в связи с чем можно говорить о многофункциональности наименования.

Вместе с тем следует отметить, что к выбору названий нужно подходить осторожно и обдуманно. Необходимо учитывать соответствие названия объекту, характер ассоциаций, вызываемых этим названием, его общественную функцию. На Украине был такой случай: детский сад решили назвать «Красная шапочка». Тогда один из называющих справедливо заметил, что заведующая, по ассоциации со сказкой, может получить прозвище «Серый волк».

Какие же группы лексики используются для названий культурно-просветительных и бытовых учреждений? Таких групп не-

сколько. Прежде всего это географические названия, которые традиционно использовались в этой функции и при переносе их с одного объекта на другой получали как бы новую жизнь. Еще у Лермонтова в его «Казначейше» были отмечены географизмы как названия внутригородских объектов Тамбова:

Там два трактира есть, один
Московский, а другой Берлин.

В современной советской урбонимии широко используются названия союзных республик: «Россия» (кинотеатр, ресторан, гостиница в Москве), «Армения» (ресторан, гостиница, магазин в Москве), «Украина» (гостиница, ресторан, кинотеатр в Москве), «Таджикистан», «Молдавия», «Узбекистан» (магазины в Москве).

Продуктивно используются названия больших городов, и особенно городов-героев, например: Москва, Киев, Севастополь, Ленинград, Одесса, Брест, названия больших рек: Волга, Кама, Нева, Енисей, Ока, Волхов. Почти во всех городах, стоящих на больших реках, есть гостиницы и рестораны с названиями этих рек.

Названия гор употребляются в качестве урбонимов значительно реже, но даже в Москве, расположенной не в горной местности, есть такие урбонимы: «Арал», «Валдай», «Машук», «Урал», «Эльбрус».

Несмотря на продуктивность использования географизмов в урбонимии, можно заметить, что происходит строгий отбор и употребительны только те географизмы, которые называют общезвестные и популярные объекты, значительные в общественном, экономическом или культурном отношении. Следовательно, не каждый географизм может войти в урбонимию. На отбор географизмов влияют и экстралингвистические факторы, способствующие переходу географизма в урбонимию.

Популярны в урбонимии названия столиц демократических республик. В Москве есть рестораны: «Будапешт», «Бухарест», «Варшава», «Прага», «София». В демократических республиках также есть русские урбонимы. Например: в Югославии, в Белграде, гостиница и ресторан носят название «Москва».

Географизмы в урбонимии не во всех группах занимают одинаковое место. Больше всего их в названиях гостиниц — 56 процентов, в названиях ресторанов — 46, в названиях кафе, закусочных, столовых — 12, в названиях кинотеатров, клубов, стадионов — 10, в названиях магазинов — 11. (Сведения приводятся по Москве.)

Значительное место в урбонимии занимает лексика, связанная с явлениями природы. Особенно продуктивны названия из области флоры и фауны. На вывесках ресторанов, кафе, магазинов читаем: «Аист», «Клен», «Незабудка», «Медвежонок», «Олень», «Ласточка» и другие.

Эта лексика, вызывающая положительные ассоциации, не только называет, но и привлекает внимание окружающих к этим объектам. Особенно широко данная лексическая группа представлена в названиях кафе — 22 процента, магазинов — 14, ресторанов — 9, гостиниц — 3.

Значительное место в урбонимии занимает эмоционально-экспрессивная лексика и примыкающие к ней наименования литературных героев и произведений художественной литературы и фольклора; в образовании урбонимии имеет место и использование условно-традиционной образности, которое можно наблюдать в названиях: «Лель», «Буревестник», «Березка», «Романтики», «Тройка», «Утес»; в названиях магазинов: «Садко», «Руслан», «Славутич» (в Киеве), «Чарауница» (в Минске); кафе: «Алые паруса», «Буратино», «Лель», «Лада», «Золотая рыбка», «Жар-птица», «Красный мак», «Белоснежка»; ресторанов: «Каменный цветок», «Седьмое небо». Особенно популярна эта группа в названиях кафе, где она составляет — 30 процентов, в названиях магазинов — 20, кинотеатров, клубов — 4, ресторанов — 2.

Продуктивны в урбонимии наименования идеологического плана, например: «Авангард», «Дружба», «Мир», «Искра», «Пламя», «Рассвет», «Прогресс», «Свобода». Эта лексика вошла в общенародное употребление с первых лет революции и не потеряла своего идейно-политического значения до настоящего времени. Она широко используется в урбонимии, правда, не во всех группах одинаково. Эта лексическая группа основное место занимает в названиях культурно-просветительных учреждений — кинотеатров, клубов, стадионов — 55 процентов, значительно реже в названиях кафе и закусочных — 27, магазинов — 20, гостиниц — 14, ресторанов — 8. (Материалы даны по Москве.)

Наблюдения показали разнообразие лексических пластов, встречаемых в урбонимии, избирательность в их использовании.

Для нас представляет интерес и функционирование названий. Кроме основной, выделительной, функции урбонимы могут определять: а) специфику товаров, например: «Стекло», «Хрусталь», «Обувь», «Одежда»; б) пол обслуживаемых покупателей: «Садко», «Руслан» — магазины мужского платья, «Москвичка», «Светлана», «Людмила» — дамского платья; в) возрастной состав покупателей: «Детский мир», «Малыш» — магазины детских товаров; г) названия: «Русский лен», «Молдавия», «Таджикистан» — ориентируют покупателей на национальные товары; д) профессиональный состав обслуживаемого контингента: «Дом актера», «Дом архитектора», «Дом работников искусств».

В урбонимии в известной мере отражаются и характерные черты эпохи; названия: «Космос», «Ракета», «Орбита», «Спутник»,

«Электрон», «Энергия» — несомненно связаны тематически с серединой двадцатого столетия.

Урбонимия в какой-то степени может отражать и социальные отношения. Поэтому в дореволюционной России, как уже было отмечено, широко использовались в качестве названий заведений или предприятий фамилии хозяев: магазин Елисеева, булочная Филиппова, трактир Егорова в Москве, гостиница Пожарского в Торжке, в которой останавливался еще Пушкин и в письме к С. А. Соболевскому писал:

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жарсных котлет отведай
И отправься налегке.

Был в Москве кинематограф Ханжонкова, парфюмерные магазины Ралле и Кёллер, шоколадные фабрики Жорж Борман и Эйдем, универсальный магазин Мюр и Мерелиз (ныне ЦУМ), называвшиеся по фамилиям своих хозяев.

В современной урбонимии также используются собственные имена — фамилии революционеров, работников науки, техники, искусства, память о которых жива. Например, в г. Виннице три из шести кинотеатров названы: имени Кирова, Коцюбинского, Шевченко. Названия-посвящения свойственны преимущественно культурно-просветительным учреждениям.

Следует отметить, что сохранились некоторые старые названия гостиниц и ресторанов: «Астория» в Ленинграде, «Метрополь», «Националь», «Славянский базар» в Москве. Сохранение названий можно объяснить традицией. Имеет значение и тот факт, что объекты, носящие эти имена, сохраняют некоторое историческое значение, причем, в историю они вошли со старыми названиями.

В качестве урбонимов могут выступать как имена существительные, так и субстантивированные прилагательные: кафе «Молодежное», «Новое»; кинотеатры «Художественный», «Центральный»; гостиницы «Северная», «Южная»; встречаются и лексикализованные словосочетания: кафе «Огни Москвы», ресторан «Золотой колос», кинотеатр «Красный Октябрь».

Наблюдение над урбонимией показывает наличие общих признаков в принципах отбора лексики, ее структуры и функционирования.

К общим признакам, кроме рассмотренных выше, следует отнести использование популярных женских имен в названиях магазинов: «Марина», «Оксана», «Паулина», «Ванда», «Власта», некоторую «тематичность» лексики в названиях функционально однородных объектов. Например, ювелирные магазины обычно носят названия драгоценных камней: «Аметист», «Изумруд», «Рубин»,

«Яхонт». В названиях многих магазинов используется как обобщающее слово *дом*: «Дом обуви», «Дом ткани», «Дом обоев», «Дом торговли».

Следовательно, в урбонимии используются самые разнообразные лексические пласты, причем, отбираются слова наиболее благозвучные, с положительными ассоциациями, легко запоминающиеся, отвечающие эстетическим вкусам современного советского общества.

М. Н. МОРОЗОВА

КУЛЬТУРА РЕЧИ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В последние десятилетия болгарская общественность с большим вниманием относится к стремлению поднять культуру болгарского литературного языка. Забота о культуре письменного и устного слова проявляется прежде всего в многогранной повседневной работе болгарских языковедов. Они регулярно помещают статьи и обзоры по вопросам языковой практики как в специальных журналах, так и в изданиях общекультурного и политического характера.

С 1952 года в Институте болгарского языка даются лингвистические справки и консультации; с 1961 года софийское радио начало еженедельные передачи «Родная речь». Все чаще появляются пособия по практической стилистике болгарского языка, научно-популярное изложение отдельных проблем болгарской грамматики, словари и справочники. Уже сделаны попытки теоретического обобщения сущности языковых норм.

Подобно другим новым славянским литературным языкам болгарский язык сформировался в XIX веке. Борьба за единый литературный язык началась в середине прошлого века и была связана со становлением болгарской нации. Литературный язык возник на основе северовосточных болгарских говоров, бывших родными для виднейших болгарских писателей и участников национально-освободительной борьбы Люб. Каравелова, Хр. Ботева, Ивана Вазова, Петко Славейкова и других.

Во второй половине XIX века болгарский литературный язык испытал глубокое влияние русского языка, особенно в области лексики. Это отразилось прежде всего в научной, технической и военной терминологии, а также в языке публицистики. В XX веке на литературный язык все большее влияние оказывают западные говоры, на территории которых находится столица страны София. Характерной особенностью, отличающей западные болгарские говоры от восточных, является произношение замен старого *ѣ*. На западе вместо него всегда произносится *е* (брег, брегове), на востоке — то *а*, то *е* в зависимости от ударения и качества последующих согласных (*бряг, бреговѣ, мляко, млѣчен*).

Длительное время болгарские лингвисты и общественные деятели большое внимание уделяли спорам по вопросам правописания, которые неизбежно связывались с взаимоотношением восточноболгарских и западноболгарских элементов в составе литературного языка, а также пуристической борьбе с заимствованными лексическими единицами — греческими, турецкими, отчасти русскими и западноевропейскими. Преимущественно этим проблемам, а также разбору языка отдельных писателей был посвящен журнал «Родная речь» (1927—1943), вышедший под редакцией известного языковеда Ст. Младенова (1880—1963) и историка литературы Ст. П. Василева.

В феврале 1945 года правительство Отечественного фронта осуществило радикальную и демократическую, с привлечением всех крупных специалистов, реформу болгарского правописания. Реформа графики и орфографии состояла в исключении букв *ѣ* и *ѡ*, отмене написания букв *ѣ* и *ѡ* в конце слова и увеличении числа фонетических написаний. Вместо *ѣ* было установлено написание букв *е* и *я* в соответствии с произношением, вместо *ѡ* стали писать *ѡ*. Эта реформа, подобная коренной реформе русского правописания 1918 года, все же оставила нерешенными некоторые важные вопросы, к обсуждению которых болгарская общественность вернулась летом 1951 года. В ходе дискуссии выявились некоторые противоречия в подходе болгарских языковедов к якому-то и экому произношению множества слов, к правописанию некоторых глагольных флексий. Было решено пока воздержаться от каких-либо изменений в области графики и правописания.

Глубокие изменения в общественной, экономической и культурной жизни Болгарии вызвали перестройку языковедческой работы и выдвинули ряд первоочередных вопросов, связанных с нормализацией литературного языка и повышением языковой культуры. При Болгарской Академии наук создается Институт болгарского языка, органом которого стал журнал «Болгарский язык» (начал выходить с 1951 года), вплоть до настоящего времени ре-

дактируемый профессором Л. Андрейчиным. В нем представлена специальная рубрика «Культура языка». Вопросы культуры речи обсуждаются также на страницах таких журналов, как «Язык и литература» (с 1946 года), «Болгарский язык и литература» (с 1958 года).

Важное значение для решения проблем культуры болгарского языка имела лексикографическая работа — составление словарей. Современная жизнь с быстрым развитием научных отраслей и общественными преобразованиями обусловила потребность в нормативном, относительно полном словаре болгарского языка. Имевшиеся пособия лишь в некоторой степени могли удовлетворить эти нужды. Знаменитый «Словарь болгарского языка» Найдена Герова (Речник на българския език с тълкуване речите на български и руски. I—V. Пловдив, 1895—1904; VI том, вышедший в 1908 году, содержит дополнения) был ориентирован на народный язык и не имел нормативных задач. «Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати» (Москва, 1885—1889) А. Л. Дювернуа, напротив, опирался на книжный язык и не мог удовлетворить практические потребности. «Болгарский толковый словарь» под редакцией Ст. Младенова и А. Теодорова-Балана (1859—1959), вышедший в 1927—1951 годах, был доведен только до конца буквы К.

В связи с этим коллектив известных языковедов (Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, И. Леков, Ст. Стойков, Цв. Тодоров) создал в 1955 году «Болгарский толковый словарь», объединивший около 45 тысяч слов, в том числе и современную литературную лексику. В 1963 году появилось второе издание этого словаря. Одновременно под руководством Ст. Романского (1882—1959) велось издание академического «Словаря современного болгарского литературного языка» в трех томах (опубликован в 1955—1959 годах). Он содержит около 70 тысяч слов. Этот словарь стабилизировал литературную норму болгарской лексики, охватив материал с середины XIX века до нашего времени. Его нормативный характер проявляется, во-первых, в отборе слов и значений. В словарной статье даны толкование каждого слова и иллюстрации к его функционированию в современном болгарском языке. Во-вторых, в словаре проведен опыт стилистической регламентации слов и значений в соответствии с современным употреблением, причем по мере возможности поддерживаются живые моменты в лексике с одновременным указанием на устарелость, диалектную принадлежность или заимствованный характер слова.

Наряду с этими двумя толковыми словарями, в Болгарии по традиции уделяется большое внимание орфографическим словарям и словарям иностранных слов.

Естественно, что болгарские лингвисты уделяют много внимания исследованиям звуковой и грамматической сторон родного языка. Фонетике и литературному произношению посвящены книги Ст. Стойкова: «Введение в фонетику болгарского языка» (3-е изд. 1966) и «Болгарское литературное произношение» (1955). Сведения по фонетике содержатся и в грамматических пособиях. Важную роль сыграла «Основная болгарская грамматика» Л. Андрейчина (1944), переведенная на русский язык под названием «Грамматика болгарского языка» (1949). Для широких читательских кругов предназначена работа А. Теодорова-Балана с характерным названием «Новая болгарская грамматика для каждого» (I. 1954; II. 1955; III. 1958; IV. 1961). Научно-популярный характер носят также работы, посвященные частным вопросам: К. Костов «Синтаксическое согласование в болгарском языке» (1964); Ст. Стоянов «Употребление именного члена в болгарском языке» (1965); В. Станков «Болгарские глагольные времена» (1969).

Теоретические исследования, в которых детально анализируется структура языка и раскрываются тенденции языкового развития, — необходимая база для решения проблем языковой культуры. Поэтому книга Л. Андрейчина «На языковом посту» (1961) — важное и показательное событие в развитии болгарского языкознания. Это собрание статей, содержащих как теоретические высказывания по культуре речи, так и замечания о языковой практике. Здесь освещаются спорные вопросы фонетики и литературного произношения, морфологии и синтаксиса, лексики, стилистики и правописания.

В статье «Язык, языкознание, языковая культура» автор определяет задачи борьбы за усовершенствование языка, видя в культуре речи «языковую подготовку к умению правильно и целенаправленно использовать богатые выразительные средства языка». В статье «Литературный язык, языковые нормы и правильность речи» Л. Андрейчин говорит о сущности языковых норм в области произношения, отбора слов и форм, о построении предложений. Автор различает языковые правила и языковые нормы. Если первые отражают закономерности языковой системы, то вторые касаются тех случаев, когда в литературном языке под влиянием диалектов или разговорной речи интеллигенции существуют различия и варианты. При выявлении нормы следует соотноситься с тенденциями языкового развития, сохранением чистоты языка, с учетом существующей практики и устоявшегося употребления, возможностями усвоения норм широкими слоями пишущих и говорящих. При колебаниях нормы критерием может стать преобладающее употребление, поддержанное и обоснованное в литературном языке научным анализом, который может вскрыть досто-

инства или недостатки каждого варианта, не дожидаясь результатов стихийного языкового развития.

Л. Андрейчин настойчиво подчеркивает, что нормативность литературного языка не означает прекращения языковых изменений.

В статье «Стиль и языковое мастерство. Стилистика» автор обращается к проблемам стиля. Отражение действительности, по его мнению, в процессе общения может быть более конкретным или, напротив, более отвлеченным. В связи с этим в процессе высказывания происходит сложный отбор наиболее подходящих средств выражения в зависимости от цели и конкретной ситуации общения. В речи общественных групп или отдельных лиц появляются типичные особенности. Так возникают более или менее отличающиеся индивидуализированные формы речи, которые именуются стилями. В соответствии с двумя основными способами отражения действительности Л. Андрейчин различает два стиля речи: логический (интеллектуальный) и образно-эмоциональный. Первый (стиль научной и научно-популярной литературы, официальные выступления) воздействует преимущественно на сознание. Второй (стиль художественной литературы и отчасти публицистики) воздействует также и на чувства. Кроме этого, автор различает коллективные стили общенародного языка: разговорный, административный (официальный), научный, художественный, публицистический. Эти коллективные стили формируются на том же самом материале, что и индивидуальные, но для каждого из них характерно определенное словоупотребление и фразеология.

Книга Л. Андрейчина (а за ним стоит деятельность виднейших болгарских языковедов недавнего прошлого академиков Ст. Младенова и А. Теодорова-Балана) преодолевает прежний узкий подход к проблемам культуры речи и обращает внимание не только на лексические и орфографические вопросы, но и на проблемы морфологии и синтаксиса, стилистики и орфоэпии.

За последние десять лет в Болгарии появилось большое количество работ, связанных с практической стилистикой и указаниями по культуре речи. Отметим здесь лишь следующие пособия: Т. Цоневский «Справочник по культуре языка» (1960); Ст. Брезинский «Языковой шаблон» (1966); М. Выгленов «За правильную речь» (1968); Ст. Стефанов «Языковая культура» (1968); Ст. Попвасилев «Богатый и звучный. Беседы о болгарском языке» (1970); Д. Димов «Избыточность выражения (плеоназм)» (1971); Р. Русinov «Практическая стилистика. Простое предложение» (1972).

*Профессор,
Н. А. КОНДРАШОВ*

Лингвостилистический анализ поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»

Рассматривая эстетическую роль языка в художественных произведениях как форму и средство реализации его коммуникативной функции, мы имеем в виду целенаправленное использование эстетически значимых элементов языковой выразительности и изобразительности, художественную инструментовку языковых категорий всех уровней, создающих в совокупности художественную тональность, индивидуальный «регистр художественности». Упомянутая выше художественная организация языковых категорий всех уровней может быть осуществлена лишь на лингвистической основе, то есть с учетом конкретных языковых факторов, которые создают эмоционально-оценочный план, план экспрессии, функциональный план и т. д. Лингвистический анализ художественного текста выявляет роль всех основных уровней языка: лексико-фразеологического, словообразовательного, морфологического, синтаксического — в создании художественной специфики произведения.

В статье дается образец лингвистического анализа первых двух глав поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современный читатель «Мертвых душ» в первую очередь невольно обращает внимание на тот факт, что большое количество слов употребляется Гоголем окказионально, то есть в таких значениях, которые не являются для них общепринятыми. Приведем примеры.

Чушь и дичь. И в современном языке и во времена Гоголя эти два слова выступают как синонимы: *чушь* — ‘срунда, нелепость’, *дичь* — ‘чепуха, вздор’. У Гоголя данные лексические единицы также синонимизируются, но употребляются им в переносно-субъективном переосмыслении и обозначают ‘случайное соединение или чередование разнородных предметов’: «...Пошла писать... чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор» (гл. 2).

Физиономия. Не изменило своего основного значения в наши дни и это слово. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, современника Гоголя, оно объясняется как ‘лицо, лик’. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова *физиономия* — это ‘то же, что лицо’. Гоголь употребляет данное слово в значении ‘мина, мимическое движение мускулов лица’: «...Почмейстер... выразил на лице своем мыслящую физиономию...» (гл. 1).

Невинный. Значение данного слова толкуется в старых и новых словарях как: 1) невинный, неповинный, невиноватый; 2) непричинный; 3) непорочный, чистый, пречистый, не знающий греха; 4) безвредный, дозволенный, незапрещенный (Даль); 1) не имеющий за собой вины, провинности; 2) чистосердечный, простодушный, наивный; 3) безвредный; 4) девственный, целомудренный (Ожегов). Гоголь же использует данное слово в значении ‘несущественный, незначительный’: «Это... совершенно невинное достоинство [громкое сморкание] приобрело ему... много уважения со стороны трактирного слуги» (гл. 1).

Замечательный. Даль толкует, как ‘стоящий замечания, внимания; примечательный, необычный или удивительный’. Ожегов объясняет это слово, как ‘исключительный по своим достоинствам, выдающийся’. В «Мертвых душах» данное слово употреблено в значении ‘известный широкому кругу’: «...Прочие лица [актеры] были и того менее замечательные...» (гл. 1).

Заняться. Как утверждает Даль, ‘заневетаться, считать себя выше своего звания, достоинства; быть гордым, спесивым, ставить себя выше других’. По Ожегову, *заняться* — ‘возгордиться, возомнить о себе, выказывая пренебрежение к другим’. В поэме Гоголя слово *заняться* употреблено в значении ‘свести знакомство’: «Таков уж русский человек: страсть сильная заняться с тем, который бы хотя одним чином был его повыше...» (гл. 2).

Задирать. По мнению Даля, — это: 1) начать драть; зацеплять и рвать; залуплять; вздымать с конца, с краю, загибать кверху; 2) привязываться, приставать к кому, вздорить, быть зачинщиком ссоры; 3) драть до конца, до смерти. Ожегов толкует данное слово так: 1) подрезая, загибать; 2) поднимать кверху [голову]. У Го-

голя же *задирагь* значит 'вызывать интерес, затрагивать': «От него [Манилова] не дождешься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое можешь услышать от всякого, если коснуться задирающего его предмета» (гл. 2).

Как видно из приведенных примеров, довольно часто встречающееся окказиональное употребление отдельных слов составляет одну из примечательных особенностей лексического состава гоголевской поэмы.

Для Гоголя характерно широкое и свободное обращение к разговорной (иногда просторечной или даже вульгарной) лексике и фразеологии не только в речи персонажей, но и в авторских ремарках. Любопытным примером стилистически устремленного обращения к разговорной лексике является употребление целого «гнезда» однокоренных глаголов типа *оборотиться* (обернуться), *переворотить* (перевернуть): «Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз...»; «...Он... [Чичиков] узнал, что афиша была напечатана в типографии губернского правления; потом переворотил афишу на другую сторону: узнать, нет ли там чего-нибудь...»; «... куда ни поворотн, был очень порядочный человек» (гл. 1).

В поэме мы находим целый ряд фразеологизмов с разговорным или вульгарно-просторечным оттенком, который создаст комический эффект: «День... был заключен... крепким сном *во всю насосную завертку*, как выражаются в иных местах обширного русского государства» (гл. 1); «[Манилов]... потом подумал, не *спянул* ли гость как-нибудь невзначай *с ума*» (гл. 2); «...Тоненькие наследники *спускают... на курьерских* все отцовское добро» (гл. 1); «...Если бы не два мужика... то вряд ли бы довелось им *пографить на лад...*» (гл. 2).

Однако сами по себе разговорно-просторечная лексика и фразеология, хотя и представляют собою конкретный лингвистический элемент поэмы, не могли бы выполнить определенной изобразительно-художественной функции, если бы не вступали в контрастные отношения с лексико-фразеологическим материалом «высокого» стиля. Это контрастное соединение разговорно-просторечных элементов с «высоким» стилем и образует еще один оригинальный оттенок лексико-фразеологической инструментровки поэмы. Приведем примеры, показывающие, как в одном высказывании соединяются противоположные в стилистическом отношении лексико-фразеологические единицы: «Для пополнения картины не было недостатка в *петухе, предвозвестнике* переменчивой погоды» (гл. 2); «Можно было видеть тотчас, что он *совершил свое поприще*, как совершают его все господские приказчики: был прежде просто грамотным *мальчишкой*, потом женился на какой-нибудь *Агашке*

ключнице...» (гл. 2); «[Трактирный слуга] выбежал проворно с салфеткой в руке... встряхнул волосами и повел проворно господина вверх по всей деревянной *галдарее* показывать *ниспосланный ему богом покой*» (гл. 1).

Таким образом, анализ лексико-фразеологического состава поэмы Гоголя «Мертвые души» позволяет утверждать, что в числе других изобразительных средств и возможностей очень важны следующие моменты: окказиональное употребление целого ряда слов, широкое и свободное обращение к разговорно-просторечной лексике и фразеологии, а также контрастное соединение разговорно-просторечных слов и выражений с элементами «высокого» стиля.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Этот аспект, естественно, играет весьма важную роль в анализе художественного текста. Семантико-функциональная специфика отдельных лексических единиц во многом определяется их словообразовательными особенностями: своеобразием конкретных словообразовательных моделей, оригинальностью средств словообразования и т. д. С нашей точки зрения, заслуживают определенного внимания прежде всего следующие словообразовательные моменты:

1. Из паронимически соотнесенных прилагательных с суффиксами *-н-*, *-еск-* (*-ическ-*) Гоголь отдает предпочтение качественным прилагательным с суффиксом *-еск-* (*-ическ-*): «...Господин... сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую в русских трактирах вместо *эластической* шерсти набивают чем-то чрезвычайно похожим на кирпич...» (гл. 1); «[Двуглавые орлы] теперь уже заменены *лаконической* надписью; „Питейный дом”» (гл. 1); «...Он [Петрушка] имел еще два обыкновения, составлявшие две другие его *характерические* черты...».

2. Наличие в поэме синонимической дифференциации словообразовательных аффиксов, чем обусловлена возможность придания данному слову именно такой семантико-стилистической окраски, которая необходима для обрисовки соответствующей детали изображаемой картины: «...Скорей место затрещит и угнется [ср. прогнется] под ними, а уже они [толстые] не слетят» (гл. 1); «Претерпел [ср. потерпел] на службе за правду» (гл. 1); «...Петрушка... подходил с щеткой к висевшему барскому фраку или просто прибирал [ср. убирал] что-нибудь» (гл. 2).

3. На грани словообразования и морфологии находится еще одна характерная черта языка поэмы, выражающаяся в преднамеренном употреблении разговорных форм инфинитива, разговорных словообразовательных вариантов существительных, прилагатель-

ных и наречий: «Чичиков... постарался тотчас же привести [привести] лицо в обыкновенное положение» (гл. 2); «Я полагаю приобрести [приобрести] мертвых» (гл. 2); «...Господин выкушал чашку *кофею*» (гл. 1); «[Чичиков] долго тер мылом обе щеки, подперши их *изнутри* языком...» (гл. 1); «Черные фраки носились *врозь* и кучами...» (гл. 1); «Эскадроны мух... обсыпали лакомые куски где *вразбитную*, где густыми кучами...» (гл. 1).

4. Наконец, к словообразовательным особенностям языка поэмы (условно) можно отнести присутствие в ней большого количества уменьшительно-ласкательных суффиксов существительных и прилагательных, а также суффиксов прилагательных, указывающих на количественную ограниченность данного качественного признака. Эта особенность, как и все упомянутые выше, не является эпизодическим моментом, а представляет собою органически необходимое вплетение в лингвистическую ткань поэмы. «...Каждый приносил другому или *кусочек яблочка*, или *конфетку*, или *орешек* и говорил трогательно-нежным голосом...: „Разинь, *душенька*, свой *ротик*, я тебе положу этот *кусочек*“» (гл. 2); «Чичиков не без удовольствия подошел к ее *ручке*» (гл. 2); «Ты... сделай подробный *реестрик* всех поименно» (гл. 2); «В угольной из этих *лавочек*... помещался сбитенщик с самоваром...» (гл. 1); «У толстого, глядь — и явился где-нибудь в конце города дом... потом близ города *деревенька*...» (гл. 1); «Чемодан внесли кучер Селифан, *низенький* человек в *тулупчике*, и лакей Петрушка...» (гл. 1); «...Лакей Петрушка стал устраиваться в *маленькой* передней, очень темной *конурке*...» (гл. 1); «В этой *конурке* он приладил к стене *узенькую* трехногую кровать...» (гл. 1); «...Нижний [этаж]... оставался в темно-красных *кирпичиках*... *грязноватых* уже самих по себе...» (гл. 1); «Мостовая везде была *плоховата*» (гл. 1); «Кое-кто был и *рябоват*...» (гл. 1).

В итоге мы выделяем следующие черты словообразовательного аспекта: предпочтительное извлечение из паронимических сочетаний единиц определенного стилистического плана; стилистическая дифференциация синонимических словообразовательных аффиксов; целенаправленное включение разговорных словообразовательных вариантов отдельных существительных, прилагательных, глаголов и наречий; использование в изобразительных целях уменьшительно-ласкательных суффиксов.

Профессор
А. В. ДУДНИКОВ

Топонимы на *-их(а)*

На страницах произведений художественной литературы каждый из нас встречался и встречается с географическими названиями, иначе топонимами, на *-их(а)*: «Поезд прорвался за Муром, и вместе с ударами станционных колоколов сразу зазвучали имена станций, разъездов, полустанков, давно знакомых еще по детству, по школе, по семье... Мунтилово, Балахониха, Костылиха» (Гайдар. Обыкновенная биография); «...Всюду, от Москвы до Владимира, а от Владимира до деревеньки, допустим, Останихи, не только что невооруженному, но даже и подслеповатому глазу нельзя не заметить роста и прихорашивания» (Солоухин. Капля росы); «А потом стали передо мною невысокие меловые горы, поросшие сосняком, и водитель сказал: „Всн, видите, Прислониха? Вон — к холмам прислонилась“...» (Пистунова. Мир Аркадия Пластова).

В наименованиях даже не совсем благозвучные имена на *-их(а)* близки нам, потому что они — живое свидетельство определенного пройденного этапа в истории русского народа, например названия *Негодьяиха*, *Кобелиха* в солоухинских «Владимирских проселках», *Голошубиха* у Н. Кочина в романе «Девки».

В последнее время интерес к топонимам и к науке, изучающей их, — топонимике — необычайно возрос. Справедливо считается, что изучение топонимов — дело важное и совершенно необходимое, что топонимические данные нужны не только для истории русского языка, но и для этнографии и истории русского народа, для географии и картографии.

Интересны в этом отношении также топонимы с древним славянским суффиксом *-их(а)*. Сведения о территориальном распространении этих имен, как и имен другой структуры, могли бы послужить одним из показателей исторической общности населения определенной территории в определенное время. Изучение имен с *-их(а)* может помочь найти направление миграции исконно русского населения.

Обычно территориями преимущественного распространения топонимов на *-их(а)* считают узкий угол между Волгой, Окой и Клязьмой. Однако наблюдения показывают, что географические

Названия на *-их(а)* широко распространены в разговорной речи и восточнее, и юго-восточнее указанной территории. Так, на основе непосредственного изучения разговорной речи в Горьковской области зафиксировано около пятисот названий населенных пунктов на *-их(а)*, что составляет свыше шести процентов от общего количества названий сел и деревень бывшего Нижегородского края. Показательно, что распространены топонимы на *-их(а)* по области неравномерно: наибольшее количество приходится на северные районы Горьковской области. В Ветлужском районе они составляют 28,2 процента, в Варнавицком — 22,7, Краснобаковском — 19, Воскресенском — 13,6, Семеновском — 8. Эта территория как раз входит в зону преобладания названий с *-их(а)*, определенную В. А. Никоновым (Введение в топонимику. М., 1965).

В южных районах Горьковской области названия населенных пунктов на *-их(а)* встречаются гораздо реже. Однако в тех же южных районах Горьковской области очень много названий мелких объектов (микротопонимов) на *-их(а)*, которые бытуют в живой речи местных жителей и по фиксируются официально. Микротопонимы с названным суффиксом разнообразны по характеру называемых объектов, но структурным связям и по образованию. Названия на *-их(а)* имеют леса и рощи: Медвѣдиха, Шеманѣиха, Вольтѣиха, Мака́рѣиха, Янтáрѣиха, Федѹлиха; поля: Обжирѣиха, Овсѣиха, Жнивѣиха, Рельѣиха, Крячѣиха, Морóзѣиха; овраги: Гусѣтѣиха, Малю́тѣиха, Дроздѣиха, Бычѣиха, Кочегáрѣиха, Пастушѣиха; луга: Кути́ха, Волчѣиха, Мартѣиха, Федóрѣиха, Тихонѣиха; вершины, пригорки, горы: Барáнѣиха, Изовѣиха, Соловьѣиха, Пѹрзѣиха, Горшунѣиха; улицы: Самовóлѣиха, Заголѣиха, Пузырѣиха, Залушѣиха, Додóнѣиха, Выселѣиха, местности: Карасѣиха, Орлѣиха, Раскидѣиха.

Разнообразны микротопонимы на *-их(а)* также в структурно-грамматическом и словообразовательном отношениях. Многие из них имеют соотносительные структурные и словообразовательные связи с глаголами, часто диалектными. Приведем примеры с объяснениями самих носителей говора. *Лупѣиха* — ‘лупить, бить’ — овраг: «Туды драться ходили, лупили друг дружку, полюбѣ, не по скандалу, а полюбѣ»; *Крячѣиха* — крячѣться — ‘крякать’ — поле: «В старину здесь были охоты, дичи было много, утки крячились»; *Лѣмѣиха* — лѣмчить, подлѣмчить — ‘привязывать, привязать что-либо на лямках’ — овраг: «До самой Лѣмихи лес раньше был, там непроходимо, с лошади слезут, подлѣмчат сумки на свои плечи, да и идут — вот и Лѣмиха»; *Ширѣиха* — ширѣть — ‘бросать’ — улица: «Она вон какá разбросана, дома-ти не вместе, не по порядку, как расширяли их, все равно что раскидали»; *Изовѣиха* — ‘извиваться’ — вершина: «Она не ровно идет, извивается вся», *Заголѣиха* — заголиться — улица: «Она всем ветрам открыта, заголилась».

Часть микропонимов связана с именами прилагательными. *Косíха* — косой — овраг: «Косиха вон как круто идет, то прямо, а то круто, косая — вот и Косиха»; *Голячíха* — голый: «Голячихой мы называем вершину, го́ла она, ницovo не родилось здесь»; *Овся́ниха* — овсяный: «Прежы на этом поле сроду овес сеяли, овсяно поле, Овся́ниха». Немногочисленны микропонимы, обнаруживающие связи с наречиями. *Самовб́лиха* — самовольно: «Улица самовольно застроилась, без властей, оне и не знали»; *Самэ́дурíха* — самодуром: «Самодуром деревня-то началась, застроили самодуром, власти, начальство и не знали».

Наиболее разнообразны структурные и словообразовательные связи микропонимов на *-их(а)* с именами существительными нарицательными. С названиями растений, предметов, характеризующими тот или иной микрообъект. *Дубíха* — овраг: «Дубья там, вот и зовут так»; *Мошíха* — овраг: «Там раньше роо один мох, и больше ницovo не росло»; *Решíха* — поле: «Там больно много решьев»; *Горшунíха* — гора: «Через нее возют покойников на кладбище, и раньше возили; везут мертвого через гору и разбивают горшок на ней, такой уж обычай; а гору поэтому и зовут Горшунихой»; *Морб́зиха* — гора: «Эт гора такá в лесу, мороз на ней преже всех ударял». С названиями живых существ: *Соловьíха* — лесок: «Много соловьев в этом леске-ти на вершине»; *Карасíха*: «Местность такá, одне озера да пруды, а в них много карасей — вот и Карасиха»; *Волчíха* — луг: «Прежы здесь был лес, и больно много волков было»; *Медв́едиха*: «Место такó в лесу, здесь раньше медведей встречали». С названиями людей: *Хохлíха* — овраг: «Дораньше хохлы здесь жили»; *Цыгáниха* — овраг: «Там раньше цыганы жили, шатры ставили, табор там стоял, потому и Цыганиха»; *Дья́кониха* — овраг: «Около него дьякон усадьбу имел»; *Пастушíха* — овраг: «А потому так назвали, что там пастухи пасут, в этом месте раньше коров на стоило ставили».

Наименование может быть связано также с собственными существительными — именами, фамилиями и прозвищами людей, имеющими то или иное отношение к данному микрообъекту. *Ма́кариха* — лесная полоса, посадка: «Ее дед Макар сажал»; *Снепа́ниха* — овраг: «Степан жил недалеко»; *Ива́ниха* — ключ: «Иван был, ухаживал за ним»; *Терпéниха* — овраг: «Барин Терпенин был у нас, по нему назвали»; *Феду́лиха* — лес. «Барин был Федулин, у него был свой лес: вот теперь и зовут этот лес Федулихой»; *Голванíха* — овраг: «Когда-то там ходатайствовал за землю Голванов»; *Малю́тиха* — овраг: «Мужик у нас был, прозывали Малютой его, он в этом овраге косил»; *Додб́ниха* — улица: «Домов двадцать в ней было ай больше. Додон тут жил, первый поселился, вот и

звали Додони́ха»; *Шеманíха* — лес: «Шеманов владел им раньше». Эта группа микротопонимов особенно многочисленна и наиболее характерна для говоров названных районов.

Появление микротопонимов может быть связано и с какими-то происшествиями, примечательными событиями, преданиями. Так, вершину называют *Барáнихой* потому, что, по преданию, когда-то разбойники перерезали здесь стадо баранов; поле называется *Обжири́хой* потому, что будто бы когда-то здесь женщина обжелась гороха и умерла; луг за деревней называется *Курíхой*, так как на нем в престольные праздники, особенно на Троицу, устраивались гуляния, там «кутили»; овраг именуется *Ширя́хой* за то, что в нем когда-то умерла женщина и каждый год во время сенокоса будто бы шевелила, раскидывала сено, «ширяла» и пугала этим людей.

В ряде случаев происшествия, послужившие основой возникновения имени, забываются; и в результате имена на *-их(а)* утрачивают свою мотивацию. Вот свидетельства самих носителей говора, местных жителей. *Жандарíха* — поле: «Там сеяли прсá, а что так зовут — кто йё знат; давно называли; это еще наши предки называли»; *Кочегáриха* — овраг: «Да мы не знам, почёму называцца так, старинны люди назвали»; *Маслíха* — овраг: «Почему так названо — не знаю, так все время называцца, по отцу-материному зовем».

Иногда носители того или иного говора, не знаящие подлинной причины появления микротопонима, пытаются в форме предположения сами нащупать те или иные связи. *Марты́ниха*: Луга по речке называются Мартынихой, а почему так назвали — «не можем про то знать; может, Мартыниха какá там косила, кто знат»; *Степáниха*: «Вершина у нас есь Стёпаниха, почёму так названа — шут йё знат; может, Стёпан какой там жил; может, ищо что».

Случаи осмысления микротопонимов на *-их(а)* свидетельствуют об осознанности самого типа словообразования с этим суффиксом. Об этом же говорят и топонимы-прозвища типа *Самодуриха* (д. Наумовка Арзамасского района), *Кобелиха* (д. Белозериха Арзамасского района). Эти и подобные им названия являются вторичными, образуются не для обычной номинации, а в качестве отрицательной характеристики.

Таким образом, микротопонимы на *-их(а)* широко распространены и активно употребляются в южных районах Горьковской области.

Л. А. КЛИМКОВА

доцент

Арзамасского педагогического института
имени А. П. Гайдара

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ

В последние годы журналисты-газетчики большое внимание уделяют работе над стилем статей, пытаясь найти новую форму подачи материала. Примером того могут служить фельетоны-миниатюры Пантелеймона Корягина, публикуемые газетой «Известия» под рубрикой «Удивительные истории».

Истории Пантелеймона Корягина читаются с интересом. П. Корягин предложил оригинальную форму изложения и сумел завоевать симпатии читателя. Он берет за основу, казалось бы, незначительные на первый взгляд факты и события действительности: невежество, черствость, бюрократизм, безхозяйственность, пьянство и др. Об этих недостатках можно рассказать по-разному. Можно сделать акцент на человеческих взаимоотношениях и действовать на психику читателя, описывая переживания, внутренний мир людей, столкновения умов и характеров. Можно обработать и материал по-разному.

П. Корягин не стремится к обобщениям и рассуждениям этического, философского характера, действует как будто без явной назидательности.

Пантелеймон Корягин нашел свою манеру повествования. Автор пытается при помощи композиционных и контекстных контрастов добиться нужного эффекта и осудить пороки. Он прибегает к оригинальному композиционному приему. Его истории, как правило, делятся на две части. В первой описывается какой-либо факт, событие или ситуация, а во второй рассказывается о том, что произошло в результате этого события, поступка, чем это кончилось, и указываются «виновники» событий — конкретные лица или учреждения.

В первой части фельетон-миниатюр описание обычно спокойное, эпическое, действия людей естественны, обыденны. И вдруг среди этого ровного течения событий появляется «удивительное». Начинается вторая часть фельетона.

Новый момент, вдруг обнаруживший себя, находится в вопиющем несоответствии с обыденностью и естественностью всего предыдущего течения событий. И потому вся история воспринимается как парадокс, как нелепость. По логике вещей должно быть так-то и так-то. Но... На это «но» и обрушивается все наше возмущение. Мы не понижаем, как все это возможно. Это нелепость какая-то, недоразумение, безобразис. Например:

Жил-был один большой торговый начальник. А у этого большого начальника находился в подчинении начальник поменьше, в обязанности которого входило выводить на чистую воду разных

жуликов и проходимцев. [Однажды большой торговый начальник послал торгового начальника поменьше на большую проверку.— М. К.] А тот... вскрыл там столько безобразий, что у большого торгового начальника даже дух захватило... «Пора с этими безобразиями покончить» и велел уволить начальника поменьше по... непригодности («Известия», 8 января 1967).

В газете материал должен быть подан сжато, экономно. Этим требованиям вполне удовлетворяет форма народной сказки. Сказка — это обычно какая-либо нравоучительная история, которая произошла с кем-то. Этот «кто-то» может быть крестьянином, баринном, попом или просто человеком. Нравоучение имеет обобщающее значение, и поэтому совершенно неважно, где и когда этот человек жил. Сказка говорит просто: «Жил-был на свете человек...» и дальше сообщает о том, что он сделал и что из этого вышло. Так начинается своя история и Пантелеймон

Корягин: «Жил-был на свете тихий человек»; «Жила-была бабушка» или «У одного человека жила-была телка». Но в привычные формы сказочных зачинов он включает современную лексику: «Жил-был на одном предприятии старший мастер»; «Жило-было на свете одно уважаемое учреждение, осуществляло возложенные на него задачи, выполняло функции». Перед нами своеобразная модернизация сатирической сказки старого времени.

Синтаксис первой части фельетонов, как правило, намеренно примитивен, преобладают простые, короткие предложения. Например:

Жил-был на свете человек. Занимал выборную должность. И казалось ему, что важнее и лучше его нету деятеля во всем... районе.

Поначалу он эти мысли держал при себе. Но постепенно они стали проявляться в разных его поступках. Однажды он не поздоровался с подчиненными. Те удивились, но ничего не сказали. Неудобно старшему по возрасту делать замечание. Авось, сам поймет... («Известия», 23 января 1965).

Здесь можно отметить такие типичные черты разговорного синтаксиса, как активность односоставных (безличных, инфинитивных и неопределенно-личных) предложений: «Виноват — осудят, не виноват — извинятся»; «Человеку повезло»; «Дескать, бояться тебе нечего»; «А денег на водку уже нет»; «Делать нечего — пришлось убраться»; «Надо что-то придумать»; а также разговорных

фраз с эмоционально-экспрессивными частицами: «Ну, ты это брось»; «Вот так штука»; «Вот те и раз!»; «Вот это да!»; «Ну и дела!»; «Да не тут-то было»; «Вот вам и загадка».

Нередко П. Корягин прибегает к пословицам, поговоркам, фразеологизмам: «Работа не волк, в лес не убежит»; «Дыма без огня не бывает»; «Сказка про белого бычка»; «Своя голова на плечах»; «Выводить на чистую воду»; «Ло-

мать голову»; «Не ударить лицом в грязь»; «Ни ответа, ни привета»; «На ладан дышит».

Интересен и лексический состав историй Пантелеймона Корягина. Значительную часть текста составляют существительные, затем следуют глаголы, на третьем месте категория состояния и почти отсутствуют прилагательные. Надо сказать, что в это незначительное число прилагательных входят главным образом относительные, без которых невозможно обойтись при описании: областной центр, скотный двор, совхозные телята, соседний колхоз, резиновая обувь. Очень редко прибегает П. Корягин к качественному прилагательному. В них, как правило, и содержится оценка, характеристика действующих лиц фельетона: ретивый администратор, честный и незапятнанный человек, беспардонный полититель, несговорчивый ди-

ректор, находчивый работник, расхвальный мальчик, обворожительная улыбка, буйные головы. Качественные прилагательные, помимо присущего им значения, получают за счет сочетания с этими существительными еще и добавочные оттенки, а прилагательные, употребленные автором в переносном значении, воспринимаются читателем и буквально. Все это усиливает экспрессивную окраску слова.

С целью заострения ситуации П. Корягин использует и некоторые эмоционально-оценочные глаголы: пулял, буркнул, восседал, ахнул, разгулялся, пригорюнился, натворил, учудить, обмыть, соображать, смотаться.

П. Корягин вводит в изложение канцеляризмы, привычную официально-деловую фразеологию и даже просторечие, умело и тонко сталкивая стандарт и экспрессию, что усиливает юмористический, сатирический эффект фельетонов.

Южане, не полагаясь на физику, изъявили охоту взвесить груз еще раз. Но это предложение было отвергнуто по мотивам полной его теоретической несостоятельности («Известия», 17 сентября 1965).

Или:

Жильцы, охваченные всеобщим энтузиазмом, наперебой начали крушить свои морально устаревшие плиты и выбрасывать в окна горелые кирпичи. На другой день кухни были полностью очищены от пережитков прошлого. Жильцы вывесили на своих домах плакаты: «Привет газификаторам!» И стали ждать... («Известия», 18 марта 1967).

В тексте «Удивительных историй» нередко можно встретить казенные штампы в сочетании с разговорно-экспрессивными элементами. В результате этих стилисти-

ческих смешений у читателя рождается множество ассоциаций, которые усиливают впечатление жизненности и правдивости описываемых историй: «Мерецатся картины

трудовой деятельности»; «Кому охота нынче плестись в хвосте технического прогресса»; «Коллектив охотно включился в подписную кампанию и поголовно подписался на различные периодические издания»; «Многие предприя-

тия спешат шагать в ногу»; «Его поймали, арестовали, велели характеристику предъявить».

Смешение стилей усиливает иронически-критическую направленность изложения, превращая историю подчас в очень едкий фельетон:

Стали гости изучать «личный состав» стада. День проверяют, два проверяют, на третий убеждаются, что их телята как сквозь землю провалились.

Но это для красного словца так говорится. В действительности они сложили юные свои головы на мясокомбинате, куда совхоз «Кагарлыкский»... под шумок сдал их в качестве сверхплановых поставок («Известия», 11 сентября 1965).

Столкновение стиливых пластов в жанровых разновидностях и составляет авторскую манеру Пантелеймона Корягина. Умелое использование этого приема вызывает у читателя самые разнообразные оттенки чувств: от удивления и иронической усмешки до возмущения и негодования. Обогащение газетного языка, разнообра-

форм изложения материала — одна из важнейших особенностей «Удивительных историй» П. Корягина. Остается добавить, что Пантелеймон Корягин — это коллективный псевдоним журналистов Эльрада Пархомовского и Семена Руденко.

М. Л. КРЮЧКОВА
Москва

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ

Беспределен диапазон газетной тематики — от теоретических проблем философии, политики, экономики, культуры до вопросов повседневного быта. Разнообразны и газетные выступления по их жанровой принадлежности: статья, очерк, репортаж, памфлет, фельетон и др. В создании га-

зеты участвуют и непрофессиональные корреспонденты — люди с разным жизненным опытом и речевой культурой. В наше время газетная полоса стала самой обширной сферой применения речи во всем ее стилистическом и жанровом многообразии. Здесь мы встретим не только публицистическую, типично газетную фразеологию (холодная война, железный занавес, блюститель порядка), но и разнообразные по происхождению, семантическим и стилистическим качествам обороты от книжных (почить вечным сном, кануть в Лету, глас вопиющего в пустыне,

золотой телец, ничтоже сумняшеся) до разговорно-просторечных (стричь под одну гребенку, горе луковое, держать язык за зубами, шиворот навыворот, пустить по миру).

Газета не только реализует сложившиеся в языке фразеологические богатства, но и настойчиво способствует постоянному обогащению выразительных возможностей языка. Этот процесс прослеживается в разных частных проявлениях.

В значительной мере через газету проникают в язык и становятся активными в речевом употреблении новые обороты, обозначающие постоянно формирующиеся новые понятия в общественно-политической, культурной жизни. Обычными стали в русском языке пришедшие главным образом из газеты обороты: борьба за мир, люди доброй воли, сторонники мира, поджигатели войны, холодная война, пятая колонна, гонка вооружений, закон джунглей, на грани войны, с позиций силы.

Ведя борьбу с буржуазной идеологией, с ее установкой скрыть истинную сущность явлений за благовидной словесной оболочкой, газета обнаруживает подлинный смысл и содержание фразеологизмов из языкового арсенала наших идейных противников, например: народный капитализм, общество всеобщего благоденствия. Эти словосочетания придумали для замены, мягко говоря, непопулярного слова *капитализм*, для обозначения образа жизни капиталистического общества в качестве «благопристойного» эталона. «Свободный мир» — так цинично называют бесчеловечный мир капитализма его апологе-

ты. Еще один пример. В языковом арсенале буржуазной пропаганды давно принят на вооружение фразеологический оборот *рука Москвы*. Им пользуются всегда, когда «свободный мир» оказывается бесильным объяснить истинные причины успехов международного революционного и освободительного движения (или причины своих идеологических и дипломатических провалов).

Газета интенсивно расширяет фразеологический состав языка образными средствами. Именно через газету вошли в активный оборот устойчивые словосочетания, которые не только называют понятие, но и создают определенный образ. Сюда относятся единицы, обозначающие высокие понятия нашей общественной действительности. *Боевая подруга* — «женщина-воин, жена, готовая делить с мужем любые невзгоды»: «... Жены старших офицеров учат „молодых“ не пищать, быть настоящими боевыми подругами» («Известия», 5 марта 1971); *боевое крещение* — «участие в первом бою»; *дорога жизни* — оборот, ставший историзмом, но очень памятный для нас: так называлась единственная опасная дорога, связывавшая со страной блокированный фашистскими войсками Ленинград. Такие обороты могут быть экспрессивно резко отрицательными: *охота на ведьм* — «доведенное до абсурда преследование инакомыслящих в капиталистическом мире»: «Нимейри казнит даже не участников путча, а просто своих политических противников... „Охота на ведьм“ становится ужасным сведением счетов. Это происходит в Судане впервые» («Правда», 29 июля 1971).

К фразеологическим оборотам примыкают перифрастиче-

ские образования — описательные образные обозначения предметов, ставшие «готовыми», воспроизводимыми единицами: *белый уголь* — «движущая сила воды», *белое золото* — «хлопок», *голубые дороги* — «морские пути», *голубой уголь* — «ветер как источник энергии, движущая сила ветра», *черное золото* — «нефть; уголь»: «Монополии, вывозящие „черное золото“ из Ирана... мало заботятся о рациональном использовании минеральных богатств страны» («Правда», 28 октября 1970); «Она (копейка) ложилась на себестоимость выданного нагора „черного золота“» («Крокодил», 1970, № 28); *бог войны* — «артиллерия».

Газетная речь способствует обогащению выразительных средств языка. Фразеологические единицы расширяют сферу своего употребления, что ведет к развитию и закреплению во многих из них переносных значений, способствует появлению новых экспрессивно-эмоциональных оттенков. Этот процесс особо заметен в реализации составных научно-технических, военных, спортивных терминов («не в своей сфере»: «Личная ненависть к врагам, ненависть классовая была *движущей силой*, одним из стержней души таких людей, как Гордеев» («Литературная газета», 3 февраля 1971); «*За дымовой завесой* словесных заверений Тель-Авива о якобы имеющемся с его стороны „желаний“ к регулированию отчетливо проглядываются агрессивные устремления Израиля» («Известия», 22 апреля 1971); «Отец меня научил общению с людьми, трезвости чувства. Предстерег от своих ошибок. ...Мы должны быть лучше, талантливее, умнее, находчивее. Нам надо быстрее

набирать очки» («Известия», 28 января 1971); «Если не остановить развертывание противоракетной обороны сейчас, то неизбежно пойдет *цепная реакция* соревнования между наступательным и оборонительным оружием...» («Правда», 29 сентября 1971).

Расширение сферы употребления и приобретение новых стилистических функций наблюдается и у типично газетных по своему происхождению оборотов. Так, в годы фашизма бытовал фразеологизм *новый порядок* с ограниченным значением «фашистский порядок». Теперь этот оборот утратил «прикрепленность» и стал обозначать всякую жестокую антинародную государственно-политическую систему; «Вот он, израильский „новый порядок“. Снимок сделан у „стен плача“ в Иерусалиме» (подпись под рисунком. «Неделя», 1971, №38).

Газета широко пользуется сложносокращенными словами как синонимами фразеологических оборотов. В последние годы этот прием распространяется и на возвращенные составные термины в переносном значении. Что ж, это устраивает газету не только как более экономная форма выражения, но и более выразительная, энергичная. КПД — коэффициент полезного действия: «Говорят, у нормального человека в мозгу клеток не меньше, чем у Пушкина. Так будь Пушкиным, черт тебя дер! А на деле свои способности один из сотен использует как надо. У остальных кид, как у старинного паровоза: десять процентов энергии — на движение, девяносто — на гудки и треще частей» («Известия», 29 октября 1970); ЧП — чрезвычайное происшествие: «Шолотова... не всегда только расследует. Про-

изошло ЧП. И вот уже по ее просьбе созывается сельский сход» («Известия», 19 ноября 1970).

Расширение функций фразеологических единиц может быть фактом индивидуального авторского мастерства. Так, *рассыпаться мелким бесом* может только человек; но вот читаем в газете: «А далеко, над просторами Арктики, мелким бесом рассыпалась морзянка» («Известия», 30 марта 1971).

В газете нередко освежается образность фразеологического оборота путем столкновения закрепившегося в нем переносного значения с прямым, принимающим на себя основную смысловую нагрузку. Так, выносятся в заголовок «Сильные мира сего» («Неделя», 1974, №38). Вместо ожидаемого значения «самые влиятельные, могущественные люди, занимающие высокое общественное положение», читатель с приятным удивлением узнает, что речь идет о «самых сильных тяжелоатлетах мира».

В сильной позиции оказывается фразеологизм, если журналисту удастся связать его с географическим местом и историей происхождения оборота. В заметке В. Меньшикова «До греческих календ» говорится: «Таким образом, практическое откладывание *до греческих календ* „возвращения к парламентской системе“ в Греции подкрепляется из-за океана как поставками американского тяжелого оружия, так и банковскими чеками на десятки миллионов долларов» («Правда», 21 марта 1971). В последние годы в печати активизировался оборот *земля обетованная* — «место, куда стремятся попасть, где царит довольство, изобилие, счастье». Им сионистская пропаганда

обозначает современный Израиль: «Сионистская пропаганда убеждает лиц еврейского происхождения эмигрировать в израильскую „землю обетованную“» («Правда», 27 мая 1971).

Дорожа силой выразительности фразеологизма, одновременно заботясь о его понятности, доступности широкому кругу читателей, автор вынужден давать справку, мотивирующую связь используемого оборота с фактом современности. «Между Сциллой и Харибдой» — это заголовок заметки Н. Прогожина («Правда», 6 декабря 1970) о составлении проекта моста через Мессинский пролив. Заголовки выразителей, но не всем понятен, поэтому автор начинает заметку так: «Самый большой остров в Средиземном море — Сицилия — отделен от материковой Италии Мессинским проливом. Выход из него замыкают две скалы — Сцилла и Харибда. Бурное морское течение, частые ветры, дующие в проливе, были настолько труднопреодолимы для мореплавателей древности, что выражение „оказаться между Сциллой и Харибдой“ сохранилось до наших дней как синоним страшной опасности». Еще заголовок: «Будни Свейской земли». Оригинально, но не всем понятно, поэтому автор спешит объяснить: «Так когда-то повгородские торговые люди называли Швецию...» («Известия», 25 марта 1971).

Для газетного стиля (шире — для стиля публицистики) характерны ряды синонимов, расположенные с нарастанием их выразительности. В таких синонимических рядах могут оказаться два или несколько фразеологических оборотов, что создает

напряженный, в известной мере патетический тон высказывания: «Стыки же — между наукой и производством — настоящая *ахиллесова пята*, самое *уязвимое*, самое *слабое место*, когда дело доходит до использования результатов исследований на практике» («Литературная газета», 9 июня 1971).

Использование фразеологизма на газетной полосе может быть связано с намеренным вмешательством в его структуру. Такой прием обычно оказывается стилистически эффективным, если изменение

структуры оборота не затрагивает его смыслового единства, а вводимые в него свободные элементы органически входят в тематическую ткань высказывания: «...*Чем дальше идти в административный лес, тем больше всяких бюрократических дров*» («Правда», 2 июня 1971); «...Он якобы смертельно оскорбил приезжего иностранного певца, вылил *ложку отвратительного дёгтя в бочку его ослепительного успеха*...» («Неделя», 1971, № 38).

Н. Ф. ШУМИЛОВ

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

Ответы. См. стр. 50

I

1. Солнце уже *поднялось* над лесом. Иней давно *растаял*. Небо *раскрылось* в вышине, прозрачно-льдистое и голубое. Деревья в *мокрое сияющем* золоте склонялись над *дорогой*. День *заялся* теплый, непохожий на осенний.

А. А. Фадеев. Разгром

2. *Миновали* сумерки. *Высыпали* звезды, спустилась ночь. А Жиган то бежал, то шел, тяжело дыша, то изредка останавливался — *перевести дух*. Один раз, заслышав *мерное бульканье*, отыскал в темноте ручей и хлебнул, *разгоряченный*, несколько глотков холодной воды. Один раз *шарахнулся* испуганно, *наткнувшись* на сиротливо покривившийся придорожный крест.

А. П. Гайдар. РВС

II

Впрок — собственно русское; возникло на базе слияния предлога *в* и формы винительного падежа, единственного числа существительного *прок* 'остаток, запас, польза'.

Витрина — заимствовано из французского языка в середине XIX века.

Валун — собственно русское; образовано с помощью суффикса *-ун* от глагола *валить*.

Ваза — заимствовано из немецкого языка в конце XVIII века.

Вельвет — заимствовано из английского языка в начале XIX века.

*К 90-летию
со дня рождения*

Иван Иванович МЕЩАНИНОВ — учитель

О Герое Социалистического Труда, дважды лауреате Государственной премии, академике И. И. Мещанинове как об исследователе писалось много (см., в частности, в журнале «Русская речь», № 2 за 1967 год мою статью «И. И. Мещанинов. 1883—1967»). Его роль в истории советского языкознания значительна. Попытки представить общую картину закономерностей развития языков мира, оригинальная теория лингвистических универсалий (проблема, которой на Западе стали заниматься вплотную значительно позже), типология неродственных языков в синхронном и диахронном плане, широкая разработка теоретических основ грамматики и прежде всего синтаксиса и многое другое было мощным стимулом для продвижения вперед науки о языке. Важно отметить, что в своих лингвистических построениях И. И. Мещанинов особое внимание уделял материалам, извлекаемым из младописьменных (и бесписьменных) языков нашей страны. Уча, он не стеснялся учиться у своих учеников. Известные теперь специалисты по палеоазиатским и тунгусо-манчжурским языкам П. Я. Скорик, Г. А. Меновщиков, О. П. Суник, В. А. Аврорин и другие росли как ученые под руководством и непосредственным воздействием идей И. И. Мещанинова и в то же время многое давали ему для его собственных исследований. Одним из последних учеников его является большой знаток нивхского языка и лингвист-теоретик В. З. Панфилов. Многие сделал И. И. Мещанинов для подготовки научных кадров по кав-

казским и тюркским языкам. Еще до войны он имел много аспирантов из Закавказья, Дагестана, республик Средней Азии. Во время войны, будучи, можно сказать, насильственно эвакуированным в феврале 1942 года из блокированного фашистами многострадального Ленинграда в Алма-Ату, И. И. Мещанинов оказался в центре бурно развивавшегося советского казахского языкознания. Один из его учеников академик АН Казахской ССР С. К. Кенесбаев и другие товарищи многое могли бы рассказать о роли И. И. Мещанинова в советском языкознании военного времени.

И. И. Мещанинов любил говорить, что весь смысл своей жизни видит в совместной работе с товарищами и учениками, что без окружающего его коллектива он никогда не стал бы ученым, коллективу советских лингвистов он обязан всем. В этих словах не было ни малейшей доли рисовки, все было правдой.

Автору настоящих строк также посчастливилось в течение многих лет учиться у И. И. Мещанинова и в области научной, и в области организационной. Наша встреча состоялась в конце сентября 1931 года, когда я после окончания 2-го Московского государственного университета (теперь это Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина) поступил по рекомендации академика Н. Я. Марра в аспирантуру Яфетического института АН СССР (с 1932 по 1950 год Институт языка и мышления). В те времена Академия наук СССР революционно преобразовывалась, активно включаясь в социалистическое строительство. Ощущалась острая потребность в новых научных кадрах, преданных делу социализма. В 1929 году при АН СССР была открыта аспирантура. Среди первых аспирантов-лингвистов Яфетического института оказались такие впоследствии крупные ученые, как семитолог академик Г. В. Церетели, члены-корреспонденты АН СССР русист С. Г. Бархударов, тюрколог А. К. Боровков, финноугровед профессор М. П. Чхаидзе и др. Прием в аспирантуру в 1931 году был особенно широк: в нее были зачислены кавказоведы И. В. Мегрелидзе, Ш. В. Дзидзигури, А. А. Глонти, С. М. Жгенти и др. (отряд кавказоведов был значителен), монголист Т. А. Бертагаев, китаист Ю. В. Бунаков (погибший в ленинградскую блокаду), тюрколог Е. Ю. Ермоленко и ряд других товарищей. Несколько позже в наш молодежный лингвистический коллектив вступили теперешние члены-корреспонденты АН СССР В. Н. Ярцева и А. В. Десницкая, германисты С. Д. Кацнельсон, М. М. Гухман и другие, позже ставшие известными языковедами. Каждый из нас, разумеется, получал научного руководителя по избранной специальности. Условия для учебы были исключительно благоприятными — Институт языка и мышления в Ленинграде перед войной несомненно был самым крупным ведущим лингвистическим центром страны. В нем

работали академики Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, С. А. Жебелев (классическая филология), И. И. Толстой (классическая филология), В. В. Струве (древние восточные языки), В. Ф. Шипмарев (романские языки), В. М. Жирмунский (германские языки), Б. М. Ляпунов, С. П. Обнорский, Л. В. Щерба (русский язык и другие славянские языки), члены-корреспонденты АН СССР В. И. Чернышев и Е. С. Истрина, С. Е. Малов (тюркология), Д. В. Бубрих (финно-угроведение), Н. В. Юшманов (африканистика), П. К. Ериштедт (египтология и древнекоптский язык) и др., такие талантливые профессора, как Л. П. Якубинский, Б. А. Ларин, И. И. Зарубин, И. Г. Франк-Каменецкий, А. П. Рифтин, старшие научные сотрудники В. И. Абаев, Л. Г. Башинджагян, С. Л. Быховская, Д. Д. Димитров, К. Р. Мегрелидзе, И. Л. Снегирев и многие другие. В близком соседстве с нами работали академики В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский, Н. С. Державин, И. А. Орбели и другие выдающиеся ученые разных филологических специальностей, лекции, доклады и выступления которых нам приходилось неоднократно слушать.

После смерти Н. Я. Марра в 1934 году пост директора Института языка и мышления занял И. И. Мещанинов. В его деятельности сразу же выявилась определенная линия: объединять ученых самых различных направлений, быть терпимым к разным точкам зрения, не навязывать никому своих мнений. Эту линию И. И. Мещанинов выдерживал до конца своих дней. То же для него было характерно и в руководстве аспирантскими семинарами. Мне посчастливилось вместе с моими сверстниками заниматься в семинаре И. И. Мещанинова в 1931—1932 и 1932—1933 годах. Семинар не имел официального названия. Сам И. И. Мещанинов в это время разрабатывал тематику своего учителя Н. Я. Марра, стараясь излагать его идеи более доступным языком и в то же время освобождаясь от крайностей «нового учения о языке». Для И. И. Мещанинова уже тогда было ясно, что четырехэлементный палеонтологический анализ не имеет никакой перспективы.

Мы, начинающие ученые, оказались в сложном положении. С одной стороны, каждый из нас должен был овладеть основами своей специальности, которые обычно находились в пределах «традиционного» языкознания, против которого вел беспощадную борьбу Н. Я. Марр. Русисты проходили школу у академиков С. П. Обнорского, Б. М. Ляпунова, Л. В. Щербы и других крупных специалистов Института языка и мышления. С. П. Обнорский требовал твердых знаний истории русского языка, обращая особое внимание на изучение языка древнерусских текстов (в частности, он предлагал нам самостоятельно «переводить» язык текстов XIV—XV вв. на язык XI—XII вв. и отмечал малейшую ошибку, которую мы допу-

скажи при такой реконструкции). Б. М. Ляпунов читал с нами и подробно комментировал отрывки из старославянских памятников. Л. В. Щерба вовлекал нас в дискуссии по теоретическим проблемам грамматики. Л. П. Якубинский и Б. А. Ларин привили нам интерес к проблемам социальной лингвистики и диалектологии.

С другой стороны, нас притягивала к себе как магнит необычайная широта взглядов Н. Я. Марра, их манящая новизна, головокружительные возможности построить общую картину развития всех языков мира от начала зарождения человеческой речи до современного ее состояния. Тогда мы очень мало знали, но замыслы у нас были огромными. В дальнейшем жизнь показала, что эти замыслы были неосуществимы и во многих своих исходных пунктах ошибочны. И все же это была полезная школа, которая прививала вкус к большим обобщениям, к смелости творческих поисков. «Романтическая» полоса биографии начинающего ученого, по-моему, один из этапов его становления. Полными научного «романтизма» были занятия в семинаре И. И. Мещанинова. Эти занятия состояли из докладов, читавшихся аспирантами и сотрудниками, сопровождавшихся обычно бурными прениями участников семинара, вводными и заключительными словами самого руководителя. Нас интересовало буквально все: первичная кинетическая (ручная) речь, происхождение звуковой речи, языковые стадии, соотношение языка и мышления, языка и общества, методы лингвистических исследований и многое другое, включая и всякого рода частные вопросы: история египетских иероглифов (доклад И. Л. Снегирева), числительные в напайском языке (доклад А. Н. Улитина), происхождение языка идиш (доклад М. М. Гитлица) и т. д. Во время обсуждения докладов И. И. Мещанинов никогда никого не перебивал, хотя порой полемические страсти накалялись до предела, подводя итоги обсуждений, не навязывал свои точки зрения, а советовал нам еще раз продумать сказанное и услышанное, посоветоваться со старшими товарищами. Его семинары имели огромный успех. На них приходили и убежденные седины ученые, и многие иногородние лингвисты, приехавшие по каким-либо делам в Ленинград. Никаких оценок и зачетов не было, все чувствовали себя как дома. Посещение занятий для аспирантов было не обязательным, но помещение семинара всегда было переполнено. Сама личность И. И. Мещанинова, тогда еще молодого талантливого человека, окутанного ореолом романтизма, была большой притягательной силой.

Шли годы, изменялись точки зрения, менялись мы сами. От работ типа «Введение в яфетидологию», «Палеонтология и homo sapiens» И. И. Мещанинов переходил к «Общему языкознанию», «Частям речи и членам предложения», «Глаголу» и другим став-

шим широко известными своим исследованиям, в которых он, сохраняя некоторые идеи Н. Я. Марра, старался оригинально, помещаниновски осмыслить общие законы грамматической структуры языка. Далеко отойдя от яфетидологии с ее пресловутым четырехэлементным анализом, И. И. Мещанинов неизменно с глубоким уважением и любовью отзывался о своем учителе Н. Я. Марре. Этим он подавал пример всем своим ученикам, всем, кто соприкасался с ним и близко знал его. Учитель для каждого человека должен оставаться учителем. Наука постоянно движется вперед, и в этом движении многое, что представлялось верным, оказывается устарелым и даже явно ошибочным (так, в частности, произошло с рядом исходных постулатов «нового учения о языке»). Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Не было б у нас учителей, не было бы и нас самих, не было бы современной науки.

И. И. Мещанинов всегда оставался для нас учителем, добрым советчиком. Не будучи русистом, многое он сделал и для русистов. Осенью 1935 года впервые началась работа по составлению диалектологического атласа русского языка, а вместе с тем и серьезное развитие русской лингвистической географии. Настала пора подготовки теоретических основ новой русской диалектологии, организации диалектологических экспедиций во всероссийском масштабе, созыва совещаний, преодоление трудностей публикации книг, вопросников, статей. И. И. Мещанинов своим научным авторитетом и большими организационными способностями всячески помогал новому делу, преодолевая неверие скептиков и косность некоторых тогдашних академических инстанций.

В 1938 году большие события происходили в академической лексикографии. Стало ясно, что очень интересный для языковедов-специалистов словарь русского языка, начатый А. А. Шахматовым, не отвечает широким культурным потребностям страны и окончание его требует новых десятилетий. Общественность требовала создания академического словаря образцового литературного языка XIX—XX вв. Словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова отражал далеко не все лексико-семантическое богатство русского литературного языка, поскольку богатейшая уникальная словарная картотека Академии наук СССР была использована его составителями только частично. И. И. Мещанинов возглавил на первых порах коллектив ученых, подготовивших проект нового словаря. Этот проект два дня обсуждался на расширенном заседании президиума АН СССР под председательством президента академика В. Л. Комарова, затем дискуссия о принципах словаря продолжалась на нескольких заседаниях Отделения литературы и языка АН СССР с постоянным активным участием руководителя отделения И. И. Мещанинова. Научно-организационная помощь

И. И. Мещанинова, его мудрые советы сыграли немалую роль в развертывании работ над новым лексикографическим предприятием. И позже, вплоть до 1950 года, И. И. Мещанинов постоянно интересовался подготовкой словаря. Как известно, семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» в юбилейном 1970 году получил высшую оценку страны — Ленинскую премию.

Очень плодотворным оказалось содружество И. И. Мещанинова с русистами, прежде всего с Е. С. Истриной, в военные годы в Алма-Ате. Он не стеснялся учиться у Е. С. Истриной теоретическим основам русской грамматики, штудировал огромную русскую и отчасти западноевропейскую грамматическую литературу. Однако это была не простая учеба, а творческое применение достижений «традиционной» грамматической науки в своей оригинальной теории о частях речи и членах предложения, построенной на материалах многих языков мира (прежде всего языков народов СССР). В свою очередь Е. С. Истрина, один из редакторов известной академической грамматики русского языка, многое восприняла из идей И. И. Мещанинова.

Пожалуй, трудно назвать какое-либо крупное научное предприятие в области русистики, осуществлявшееся в стенах Института языка и мышления имени Н. Я. Марра АН СССР, которое не получало бы поддержки и действенной помощи со стороны И. И. Мещанинова. Под его руководством общие собрания Отделения литературы и языка, созывавшиеся довольно часто, были важными лингвистическими форумами, на которых широко обсуждались актуальные проблемы языкознания, в том числе русистики. По его рекомендации и при его непосредственном содействии были избраны в действительные члены АН СССР крупнейшие специалисты по русскому языку С. П. Обнорский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов.

В 1950 году произошли известные события после дискуссии по языкознанию. Для И. И. Мещанинова, находившегося в то время еще в расцвете своих творческих сил, наступило трудное время. Многие после дискуссии было сделано правильно. Особенно важно, что было возрождено сравнительно-историческое языкознание, был уничтожен диктат неправильных догм «нового учения о языке». В то же время на некоторый срок неправомерно были отодвинуты на задний план такие важные лингвистические проблемы, как язык и общество, язык и мышление, типологическое изучение неродственных языков и некоторые другие, в разработке которых, несмотря на известные провалы и ошибки, советское языкознание имело большие достижения и опережало зарубежную лингвистику.

В дни тяжелых для него испытаний И. И. Мещанинов не дрогнул, не пал духом. Никто из его близких и знакомых даже в самых доверительных беседах никогда от него не слышал слов обиды и жалоб. Чувство долга перед наукой и народом для него было превыше всего. Он продолжал свои исследования. Всем своим поведением он показывал, каким должен быть настоящий ученый не только во время взлета и почестей, но и в минуту лично для него нелегких переживаний. Кого можно назвать высоким словом учитель? Учитель — это не только научный руководитель, давший начинающему ученому путевку в жизнь, доведший его до успешной защиты диссертации. Учитель — человек высоких научных принципов, беззаветно преданный любимому делу, оставивший неизгладимый след у своих учеников и товарищей по работе. Учитель — это на всю жизнь для многих. Таким учителем был Иван Иванович Мещанинов.

Ф. П. ФИЛИН

Сон-трава.

Приворотный корень

Народные названия растений

В народе бытует множество самых разнообразных и неожиданных по своей меткости и поэтичности названий цветов. Вспомните хотя бы мать-и-мачеху, незабудку, иван-да-марью, подснежник. Многие из этих на-

два успеваает сойти снег, как в светлых сосновых лесах появляются крупные лиловые колокольчики на невысоком стебле, опущенные нежным серебристым пухом: «Сквозь снег, кустиками, ростом в пядень, цвет синь», — сказано в одном старинном травнике. Каждый из нас хорошо знает этот цветок — один из самых ранних вестников весны. Но признайтесь: так ли хорошо известно вам его название и не приходилось ли вам испытывать затруднений, когда нужно было

вспомнить имя этого скромного весеннего цветка? Во всяком случае, русская классическая литература знает пример, когда писателю в подобной ситуации пришлось довольствоваться названием «собственного изобретения».

Тонкий и проникновенный русский лирик А. К. Толстой так описывает наступление весны:

Вот уж снег последний в поле тает,
Теплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Вот уж снег последний в поле тает...

Внимательный читатель заинтересуется, какой же «синий кувшинчик» имеет в виду поэт? Ведь кувшинчиками и кувшинками мы привыкли называть водяные растения с желтыми (иногда белыми) цветами. Но время появления кувшинчика совпадает с временем цветения *Pulsatilla patens* Mill, то есть *Anemone patens* Z.—

званий со временем стали достоянием русского литературного языка. В предлагаемых заметках говорится о двух хорошо известных цветущих растениях. Литературные названия их малоизвестны, а названия, которые мы находим в справочниках и ботанических определителях, заимствованы из диалектов. Общим для «лингвистической судьбы» этих названий является то, что они пришли в ботаническую номенклатуру из языка русских крестьян.

того самого растения из семейства лютиковых, которому посвящена наша заметка. То, что речь идет действительно об этом растении, подтверждается другими строками того же поэта:

С какую радостью чистой
Я вновь встречал в бору сыром
Кувшинчик синий и пушистый
С его мохнатым стебельком...

Во дни минувшие бывало...

Поэт так точно описал в этих строках свой кувшинчик, что мы уже без труда узнаем здесь своего старого знакомого.

В народе бытует немало названий этого цветка, самые распространенные из которых *сон-трава* и *прострел* стали систематическими названиями *Pulsatilla patens* и прочно закрепились в научной ботанической номенклатуре.

Так, в Тамбовской губернии растение это называли *подснежником*. Причины появления подобного названия понять не трудно: как справедливо замечает В. И. Даль, «подснежниками называются вообще все те растения, которые появляются вскоре по стаянии снега». Другое название *Pulsatilla*, известное в Казанской губернии, связано с особенностями мест его произрастания: цветок этот, как правило, растет в сосновых лесах, а потому и называли его *сосновка*. По-видимому, сходством в строении цветка объясняется другое казанское название *Pulsatilla* — *лютик*. Наконец, в той же Казанской губернии бытовало наименование *разлапушник*, связанное, по всей вероятности, с особенностями формы листьев. Срок цветения пушистых лиловых колокольчиков *Pulsatilla* довольно краток, и потому, очевидно, жители Казанской, Тверской и Калужской губерний называли этот цветок *одномесичником*.

Некоторые из народных наименований *Pulsatilla patens* Mill, *Anemone patens* Z. кажутся несколько неожиданными, и причины их появления, их мотивированность уже не так очевидны. Это

нижегородское *огурешник*, вологодское *боровой одоленъ*, курское *самсонники*, воронежское *самсончики* и *сazonчики*, а также известное в Приаргунском крае название *овечья трава*.

Два народных наименования стали общепринятыми ботаническими терминами. Территория распространения же этих названий не совпадает: если наименование *прострел* известно в основном в северных районах России, то *сон-трава* наибольшее распространение получило в южнорусских областях.

Название *прострел* известно в Архангельской области, оно бытовало в Вологодской, Олонецкой, Вятской губерниях. В Кемском уезде Архангельской губернии это растение называли *прострел-трава* — так же, как и в Мосальском уезде Калужской губернии, где существовало поверье, что *Pulsatilla* является залогом счастливой жизни в новом доме, а поэтому старые травники советовали: «Если будешь ставить дом, положи в бревно: хорошо жить будешь». В Кировской области растение *Anemone patens* Z. называют *прострельной травой*, а в Пермской губернии в конце прошлого века бытовало название *прострельник*. В Вологодской губернии употреблялось наименование *стрельная трава*, как и в Вятской губернии.

Происхождение всех этих названий объяснить затруднительно. Возможно, что в основе их лежат целебные свойства этого растения, применявшегося при лечении различных заболеваний. Напомним, что в народе прострелом называют разные болезни, такие, как паралич, радикулит, эпилепсия и т. д. Может быть, объяснение следует искать в каких-либо охотничьих поверьях. Так, вологодский ботаник Н. А. Иваницкий в конце прошлого века указывал, что «стрельную траву охотники пропускают... в свои ружья». Наименование *прострел* отмечено и в некоторых южных областях, например на Дону (А. В. Миртов, 1929). Но показательно, что Гоголь, записавший это название, объясняет значение слова с помощью более близкого ему южного наименования — *сон-трава*. Добавим, что название *прострел* было в употреблении также в Иркутской губернии и в Якутии.

Описывая наступление первых весенних дней в полных дикой прелести лесах Полесья, Куприн ведет читателя вслед за прекрасной полесской «ведьмакой» Олесей по едва высохшей от снега дороге, покрытой пожухлой прошлогодней листвой, сквозь которую кое-где «подымали свои лиловые головки крупные колокольчики „сна“ — первого цветка Полесья». *Сном* этот цветок называют на Украине. То же название дали ему жители Брянской области, оттого, что крупные колокольцы сна обычно опускают головки, «словно спят». В Курской губернии бытовало название *сон-трава*, которое было известно, по свидетельству Н. Анненкова, и в Малороссии. Даль приводит еще наименование *сон-дрема*, не снабдив

его никакими локальными пометами, но в 1946 году название, указанное Далем, было записано на территории Калининской области (Осташковский район). В Воронежской области растение *Pulsatilla* называли *сонником* или *сончиком*.

Трудно сказать с полной определенностью, почему в народе это растение связывают с понятием «сон»: быть может, это объясняется тем, что в некоторых местностях (например, в Тобольской губернии) крестьяне пили отвар сон-травы от бессонницы. Вообще, народная медицина приписывает прострелу или сон-траве необычно сильное лечебное действие. В Пермской губернии его применяли при лечении сыпи, а также патирали соком растения онемевшие суставы. Недалеко от Вологды, в окрестностях города Никольска, настоем *Pulsatilla* поили рожениц, в Вятской и других губерниях употребляли от ломоты в суставах, от ревматизма.

С этим растением связано немало народных легенд. Как утверждает Н. Анненков, «во многих местах России существует поверье, что богородица прокляла это растение» (Простонародные названия русских растений Москвы. М., 1858). Видимо, легенды эти обязаны своим появлением тому обстоятельству, что растение *Pulsatilla* охотно использовалось знахарями и ворожеями, лечившими крестьян с его помощью от различных недугов.

Названия *сон*, *сон-трава*, *прострел*, ставшие ботаническими терминами, проникли также в русскую художественную литературу и публицистику. Так, *прострел* мы находим в дневниках известного русского путешественника Г. Потанина: «Мягкие горные скаты, обращенные на север, были покрыты альпийским дерном, в котором цвели прострелы...».

Но наибольшее распространение в русской художественной литературе получило наименование *сон*. Этому способствовала, по всей вероятности, особая поэтичность этого названия, подмеченная еще Куприным: «На насыпи синели крупные простые цветы, посящие поэтическое название „сна“ (Черный туман). Наверное, грубоватое название *прострел* едва ли было бы уместно в следующем отрывке из «Повести о лесах» Паустовского: «Вдруг Анфиса... нагнулась к земле. „Иди сюда! — крикнула она Коле. — Что за прелесть!.. Лиловый сон!“ Меж ее ладоней цвели на земле покрытые густым серебряным пухом колокольчики лилового сна».

Тем не менее, название это не слишком прижилось в повседневном быту. И причиной тому является, очевидно, все та же яркая образность, свойственная наименованию *сон-трава* и плохо совмещающаяся с природой термина. У С. Аксакова читаем: «Все скаты гор покрываются подснежными тюльпанами, называемыми сон» (Детские годы Багрова внука). Его «подснежные тюльпаны», пожалуй, сродни «синему кувшинчику» А. К. Толстого.

егодня цветочный праздник, и у меня на столе стоит великолепный букет ночных фиалок и распространяет аромат по всей комнате. Я не знаю, знаете ли вы этот цветок, мой милый друг. Это белый цветок на высоком стебле с чудесным ароматом. Я не знаю его ботанического имени, но популярное его название есть ночная фиалка.

Так писала в мае 1892 года Надежда Филаретовна фон Мекк в одном из своих писем Петру Ильичу Чайковскому.

Куприн назвал именем этого лесного цветка, похожего на миниатюрную орхидею, один из своих рассказов — «Ночная фиалка». Герой рассказа, саратовский землемер Максим Ильич Трапезников, замечает, что по какой-то удивительной случайности «кажется, никто не знает его народного названия или очень быстро его забывает, а наименование цветка „ночная фиалка“ выдуманно грамотеями». «Есть в средней России,— пишет Куприн,— такой удивительный цветок, который цветет только по ночам в сырых болотистых местах и отличается прелестным кадильным ароматом... Он вовсе не родня скромной фиалке. Ночной фиалкой его называли безвкусные дачницы и интеллигентные гости».

Действительно, цветок, о котором идет речь, не имеет решительно никакого отношения к растениям из рода *Viola* (фиалковых) и принадлежит к совершенно другому семейству. Тем не менее, название *ночная фиалка* получило такое широкое распространение в повседневном обиходе, что его не могли игнорировать даже словари современного русского литературного языка (академический Словарь русского литературного языка в 17 томах).

В современных ботанических определителях растение *Platanthera bifolia* (= *Orchis bifolia*), принадлежащее к семейству орхидных и по ошибке называемое ночной фиалкой, имеет название *любка двулистная*, пришедшее из народной ботанической номенклатуры, но по-прежнему остающееся для неспециалистов «второстепенным», малоизвестным названием. В русских диалектах, откуда ботаническая наука заимствовала термин *любка*, существует целый ряд названий, возникновение которых связано с теми или иными свойствами этого растения. Как отмечал в упоминавшемся рассказе Куприн, «крестьяне разных деревень дали ему несколько разнообразных и выразительных названий».

Легко понять, в силу каких ассоциаций получило такое широкое распространение название *ночная фиалка*: тонкий и спелый аромат, возникающий лишь в ночное время, роднит любку с растением из рода *Viola*. Сходное расположение соцветий, нежный запах и, наконец, очевидное сходство мест произрастания (сырые тенистые леса) стали причиной того, что, например, в Тверской губернии тот же цветок получил название *ландыш*. Заметим, кстати, что ассоциация с ландышами возникла в свое время и у Петра Ильича Чайковского. Композитор (как известно, страстно любивший нежные ландыши и посвятивший этим цветам одно из своих произведений) в письме из Каменки, адресованном Н. Ф. фон Мекк, так отвечал на ее вопрос относительно ночной фиалки: «Ночные фиалки мне очень известны. Они очень обильно растут на севере, в июне и в Московской губернии их очень много. Их аромат очень приятен, но несколько приторен. Зато они чрезвычайно красивы и, так как растут тотчас же после отцветания ландышей, то... я утешался ими, и их белый цвет отчасти даже напоминал мне несравненный весенний цветочек, об отцвете которого я очень сокрушался».

Нежный запах вызвал к жизни и другие народные названия этого цветка: *бальзамин дикий*, *ночные духи*. В Тверской губернии *любку* называли также *гвоздикой*, а в Смоленской и Калужской — *полевым жасмином*.

Но наиболее распространенные названия цветка *Orchis bifolia* составляют целую группу слов, образованных от корня *люб-*: *любка*, *любжа*, *любистик*, *любисток*, *люб-трава*, *любовный корень* и т. д. Почему же в народе отдается предпочтение именно этим наименованиям?

Обратимся вновь к рассказу Куприна. Цветок *Orchis bifolia*, как замечает писатель, «не употребляется у крестьян ни как целебное растение, ни как украшение на Троицын день или на свадьбу. Просто его не замечают и не любят. Говорят кое-где, что пахучий цветок этот имеет какую-то связь с конокрадами, колдунами и ведьмами...».

В середине прошлого века в Ельнинском уезде Смоленской губернии *Orchis bifolia* называли *любжей*. Слово *любжа* имело и другое значение 'любовь'. Так, в «Памятной книжке Смоленской губернии» на 1909 год находим выражение: «приворот на любжу (любовь) девицы». Вплоть до XX века смоляне называют *любжей* и самый 'заговор на любовь, приворот': «Ему любжа сделана». Слово *любжа* в значении 'любовь' известно также в Ярославской, Владимирской, Курской губерниях. Так, еще «Опыт великорусского областного словаря» 1852 года приводил пример употребления

слова *любжа* в указанном значении: «Онѣ сошлись по любже» (Яросл., Курск.).

В современном курском диалекте *любжа* — ‘волшебное, приворотное зелье’: «Его приворожили любжей».

Заметим, что слово *любжа* в значении ‘любовное средство, приворотный корень’ было известно уже древнерусскому языку, как свидетельствует об этом текст «Златоструя» (XII в.): «Оустроить любжѣ и потворы (*amatoria*)».

Не случайно тот раздел «Беликорусских заклинаний» Л. Майкова, который содержит любовные заговоры, носит следующее название: «Заговоры приворотные, присушки и любжи».

Итак, связь народных наименований растения *Orchis bifolia* с понятиями «любить», «любовь» очевидна. Жители Казанской губернии называли этот цветок любовным корнем, на Дону он носил название *любидруг*, в Пермской губернии — *люб-трава*.

К этой же группе принадлежит и ставшее в наши дни систематическим название *любка*. Приведенное еще в 1844 году Ф. И. Буслаевым, это название было известно на юге России, в Курской губернии, а также в Ярославской и Калужской губерниях. Слово *любка* (как и *любжа*) в русских диалектах имело и другое значение ‘любовь’. Так, в наши дни в Красноярском крае *любкой* называют любимую, возлюбленную: «Ты моя любка!».

Остается ответить на вопрос: случайна ли эта связь между широко распространенным народным названием душистого лесного цветка и понятием «любовь»? Разумеется, не случайна. Дело в том, что деревенские ворожеи издавна приписывали корню любки, равно как и зелью, приготавливавшемуся из этого растения, свойство вызывать любовь. По свидетельству известного русского ботаника Н. И. Анненкова, в Калужской губернии, например, отвар корня *Orchis bifolia* пили по рюмке в день вместо любовного напитка. И, быть может, не одна деревенская девушка, не один тоскующий от неразделенной любви парень тайно спешили к старой ворожее, чтобы получить от нее волшебное зелье и, веря в его могущество, прошептать над ним слова колдовского заговора: «Пленитесь, ее мысли, день и ночь, и в глухую полночь, и в каждый час, и минуту обо мне вечно... И казался бы я ей милее отца и матери, милее всего рода и племени, милее красного солнца и милее всех частых звезд, милее травы, милее воды, милее соли, милее всех земных вещей... милее всего света вольного!».

...Когда в июне месяце вам случится купить букетик нежных и душистых лесных цветов, похожих на крохотные орхидеи, вспомните, что народ дал этому цветку поэтическое имя *любка*, *любжа* — любовь.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

СОЧИНЕНИЕ- ПОДРАЖАНИЕ

Как ведет человека сама природа с первых лет детства... так вести должен своих учеников и учитель с тех пор, как они ему вверены для урочных занятий, не мешая природе, а помогая.

П. И. Срезневский. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте

Овладевая речью, человек не только усваивает значение элементов языка (морфем, слов, словосочетаний и т. д.), но и запоминает, как принято их правильно употреблять при общении.

Когда ребенок в дошкольном возрасте образует слова, употребляя суффиксы *-тель*, *-щик*, *-ист* и другие: «поехал лошади**ст**» (извозчик), «в вагон наши вещи понес носи**тель**» (носильщик), — мы отмечаем речевую ошибку. Эта ошибка свидетельствует о том, что ребенок помнит, что в общении встречались эти суффиксы, но правильно с их помощью образовывать слова он еще не может.

В лексикологии известен, например, ряд слов-синонимов: *питание*, *провиант*, *корм*, *кушанье*, *еда* — с общим значением 'то, что употребляют в пищу'. Однако в любых словосочетаниях нельзя употреблять эти слова одно вместо другого. Так, можно сказать *питание для растений* (а не еда), *провиант для воинской части* (а не питание), *корм для скота* (а не кушанье). Следовательно, недостаточно только объяснить учащимся смысл слова, важно еще показать, в каких словосочетаниях принято употребление того или иного выражения.

В синтаксисе известна одна из продуктивных схем словосочетания: «глагол + предлог *о* + предложный па-

деж существительного» (писать о поездке, говорить о поездке, думать о поездке). Но если кто-то скажет *описать о поездке*, мы отметим речевую ошибку. Надо, вместо выражения *описать о поездке*, говорить *описать поездку*.

Обучаясь речи, дети запоминают, как принято правильно говорить. Запоминание в этих случаях происходит бессознательно, в процессе подражания говорящим, общения с людьми.

Это неосознанное следование нормам родной речи в области словообразования, лексики, синтаксиса, стилистики и образует у дошкольников на различных этапах соответствующее понимание языка, или, как мы часто говорим, «чутье языка». Первоначально у ребенка «чувство языка» возникает при речевом общении с членами семьи, воспитателями детских учреждений. В школьные годы процесс познания становится более интенсивным, а восприятие — более живым, ярким и конкретным.

На этом возрастном этапе особенно важное значение в развитии речи приобретает знание учащимися грамматических форм. Сам процесс совершенствования речи учащегося зависит от степени его активности в ходе общения, от того, насколько целесообразны выполняемые им речевые действия, от форм и методов обучения.

На начальном этапе обучения учащихся сочинению целесообразно проведение работ, носящих характер подражания. Это совершенно не исключает проведение сочинений типа рассуждения, ответов на вопросы и т. д. Напротив, многообразие видов творческой работы (учитывая, конечно, возраст, способность ребенка) только ускорит процесс овладения школьником родной речью. Для обучения сочинению типа подражания в 4 классе мы взяли два стихотворения разных авторов на одну и ту же тему: отрывок из сказки «Мертвая царевна» А. С. Пушкина и стихотворение «Ветер» Н. Старшинова.

Ветер, ветер,
ты могуч,
ты гоняешь
стаи туч,
ты волнуешь
сине море,
всюду веешь
на просторе,
не боишься никого.

Пушкин

То налетит он на гору высокую,
то он обратно несется с горы.
То добродушно играет осокою,
то ее рвет за густые вихры.
То запылит он дорогой вечернею,
то он помчится совсем без дорог.
То подгоняет ручей по течению,
то его воду рябит поперек.

Старшинов

После выразительного чтения учителем стихотворений, имевшего целью создать в воображении учащихся цельный поэтический образ, и уяснения грамматических форм (прямой и обратный порядок слов: «ты гоняешь», «ты волнуешь», «он несется», «налетит он», «запылит он»; наличие однородных распространенных сказуемых: «волнуешь море», «веешь на просторе», «то играет осокою», «то рвет ее за вихры») начинается работа над составлением предложений аналогичных конструкций.

В процессе работы над языком данных стихотворений учащиеся, как показывает опыт работы, начинают чувствовать и видеть, как разные поэты об одном и том же говорят по-разному. А это увиденное и впервые открытое учащимися у поэтов становится их достоянием как в устной, так и письменной речи. Приводим устный рассказ ученика 4 класса о ветре.

Мы около леса были с ребятами. Я себе иду. А меня по голове бум! Ветка. Я думал Сережка. Ты что дерешься? И раз! Как прыгну! Хотел его свалить. А там никого. Я бац, упал. А вверх все ветки шу-у! Туда — сюда. Вот дает! Шуму! Это да! Ветер какой!

А вот что пишет тот же ученик после анализа приведенных выше стихотворений.

Осенний ветер то весел, то сердит. Но иногда он шалит. А в другой раз просто буянит.

Раз мы с Сережей шли поселком, и ветер шалил с нами. То он вырвал у меня тетрадку и покотил по дороге. Я еле догнал ее. То он бросил нам под ноги картонный ящик. И где только он его стащил? Мы вышли к заливу, и здесь ветер разбуянился. Он набросился на наши плащи, надул их, как воздушные шары, мы чуть не улетели. Со страху мы упали на траву и покатались в ямку под старой березой. Ветер рассердился, что мы улизнули. Он взвыл и изо всех сил стал мотать над нами ветками березы, туда, сюда! Как будто она была во всем виновата.

Не все здесь гладко и правильно. Есть соответствующие языковые издержки: *стацил, улизнул* и другие.

Однако из сопоставительного анализа двух сочинений, написанных одним и тем же учеником до и после подготовки, видно, что несравненно богаче в языковом отношении последнее. Здесь умелое употребление однородных членов предложения, повторяющегося союза *то — то*, метафорических выражений: *ветер шалил, ветер разбухнул, ветер рассердился*. Да и сравнение плаща, раздуваемого ветром, с воздушным шаром не явилось случайным.

В 7 классе ученики переходят уже к более сложной, стилистической, работе. Методический прием обучения сочинению-подражанию остается тем же, но образцы подражания усложняются. В этом методе самое важное выбрать то, чему нужно подражать.

В подборе дидактического материала преподаватель должен учитывать не только возрастные особенности детей, но и соответствующую их подготовленность к восприятию тех или иных грамматических форм.

Уже выше говорилось, что прежде чем приступить к сочинению, подражающему литературным образцам, какой бы характер эти образцы ни носили: деловой, художественный, публицистический — необходим грамматический, лексический, стилистический разбор. Это теоретическое осмысление формы помогает запоминанию, столь важному и необходимому при работе над образностью речи.

Для примера мы взяли описание дуба Л.Н. Толстым в романе «Война и мир» и характеристику дуба, как одного из видов деревьев, данную в энциклопедии. Затем учащимся было предложено написать сочинение на выбор о дубе, березе, ели, пользуясь различными видами стиля.

Приводим работы учеников 7 класса (Свердловская область, учительница Н. П. Беляева), выполненные ими после изучения особенностей различных видов стиля.

БЕРЕЗА

Береза — дерево или кустарник семейства березовых. Ствол покрыт белой с коричневыми полосами корой. Листья простые, очередные, на зиму они опадают. В средней полосе нашей страны березы образуют целые леса или живут в хвойных лесах. В тундре растет карликовая береза. Все виды берез имеют хозяйственное значение.

МОЯ БЕРЕЗКА

На освещенную солнцем поляну робко вышла березка, такая маленькая в сравнении с оставшимися в лесу сестрами. Она чуть присела на своей белой ножке и кивает утреннему солнцу зеленой головкой, а в ответ солнышко одним из своих лучей играет на листьях березки, ласкает ее.

БЕРЕГИТЕ БЕРЕЗУ!

Наступила весна — теплая, солнечная пора. Всюду пробуждается жизнь. Все деревья и растения наливаются жизненным соком. В такое время всех тянет в лес, чтобы попить березовый сок, эту холодную и приятную жидкость. Люди вооружаются топориками и безжалостно уродуют березы, делая надрезы, из которых вытекает чистый, прозрачный сок. Хорошо, если попьют и замажут рану глиной, чтобы сохранить жизнь березе. А некоторые попьют и оставят рану открытой. Каплет и каплет из нее сок. Береза словно плачет, жалуется на горькую судьбу, уготованную ей такими варварами. Ее подруги вокруг распустили листочки, шелестят ими на ветру, а она стоит, поникшая, с нераспустившимися листьями. В конце концов она засохнет и погибнет, потому что бесчеловечно отнеслись к ней люди, лишили ее жизненной силы.

Не губите березы — эти прекрасные и нежные создания природы. Берегите их!

Объявление

Саженцы березы можно приобрести по адресу:
г. Свердловск, Центральный парк, питомник.

Часы работы: 8⁰⁰—20⁰⁰.

Администрация

Итак, «чувство языка» приобретает особую силу тогда, когда оно объединяется с мощной силой постижения закономерностей языка в процессе обучения учащихся.

Отсюда и задача обучающихся — вовремя предложить учащимся полноценные в грамматическом отношении образцы литературной речи.

Д. П. ФЕДОРЕНКО

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

ПЕРВЫЙ ШАГ СДЕЛАН

В статье профессора К. В. Горшковой «Научные сведения о родном языке в школе» («Русская речь», 1973, № 2) затронут давний, но по-прежнему очень злободневный вопрос о соотношении школьной и так называемой «научной» грамматики, под которой принято понимать университетский курс грамматики современного русского языка.

Известно, что между научной и школьной грамматикой русского языка издавна существовал большой разрыв. Если вузовские учебные пособия по курсу современного русского языка создавались, как правило, с учетом последних достижений лингвистической науки (в частности, русистики), то о школьном курсе русской грамматики такого сказать нельзя. Традиция в них упорно «брала верх». Поэтому мысль Л. В. Щербы о том, что школьная наука должна быть «функцией университетской науки», в школьных учебниках по родному языку не находила своего отражения.

Основной недостаток школьных учебников по русскому языку в том, что в каждом из них на первый план выдвигалось прежде всего изучение правил правописания. Рассмотрение самой языковой системы оставалось «в тени», в результате чего отсутствовали целые разделы лингвистической науки, прочно вошедшие в вузовские учебные пособия: лексика и фразеология, словообразование, словосочетание и другие. Это, конечно, резко снижало научный уровень школьного учебника по родному языку. Даже само противопоставление школьной грамматики грамматике

научной говорит о том, что школьный курс русского языка объявлялся «ненаучным». На практике это приводило к тому, что студентам-филологам после окончания вуза приходилось в школе как бы заново «переучиваться»: уж слишком далеким был курс современного русского языка, который они изучали в университете или педагогическом институте, от школьной грамматики, которую им непосредственно предстояло преподавать.

В новых школьных учебниках по русскому языку, вышедших в последние годы под редакцией члена-корреспондента АПН СССР Н. М. Шанского, указанные выше недостатки, на наш взгляд, устранены. Школьный курс русского языка авторы стремятся сделать в большей степени научным. Это чувствуется в каждом выпуске данной серии учебников. Самое положительное то, что в центре внимания у авторов — изучение родного языка как системы. Параллельно с этим они знакомят учащихся с правилами русского правописания. Думается, что такая методика построения школьного курса вполне удачна.

Поделюсь мнением о пробном учебнике по русскому языку для VII класса, составленном авторским коллективом АПН СССР — И. И. Кулибаба, М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова, изданном под редакцией члена-корреспондента АПН СССР, доктора филологических наук Н. М. Шанского (М., «Промсвещение», 1972).

Во-первых, здесь по-новому определен сам предмет, или, как образно выражаются некоторые ученые, «герой» синтаксиса. Если в учебнике С. Г. Бархударова и С. Е. Крюčkова синтаксис понимается как «раздел грамматики, в котором изучается строение предложений», то в названном учебнике синтаксис трактуется как «учение о словосочетании и предложении». Такое понимание синтаксиса, представленное в трудах академика В. В. Виноградова и разделяемое многими современными синтаксистами, в последние десятилетия нашло свое отражение в академической «Грамматике русского языка» (АН СССР, 1952), в «Грамматике современного русского литературного языка» под редакцией Н. Ю. Шведовой (АН СССР, 1970), во многих ныне действующих вузовских учебных пособиях по синтаксису современного русского языка. И только в школьном курсе русской грамматики впервые представлен особый раздел синтаксиса «Словосочетание».

Во-вторых, здесь дано новое, более научное определение такой важнейшей единицы языковой системы, как предложение: «**Предложение** — это единица общения. Оно представляет собой грамматически оформленное и интонационно законченное выражение отдельной мысли, чувства или волеизъявления». Впервые в школьном учебнике дано понятие предикативности предложения, а также его грамматической основы. Все это сближает школьную и научную грамматику.

Следует всячески приветствовать то, что в новых школьных учебниках по русскому языку, подготовленных авторским коллективом АПН СССР, даются очерки жизни и научной деятельности выдающихся отечественных ученых-языковедов, помещены их портреты. Так, например, в рассматриваемом нами учебнике для VII класса помещен краткий, но содержательный очерк об академике А. А. Шахматове, авторе курса «Синтаксис русского языка».

Все это также способствует повышению научного уровня школьного учебника. Если раньше русская грамматика в школьном курсе была «безымянной», то теперь этого не скажешь. В данном отношении школьный учебник по родному языку начал приближаться к учебникам по математическим и биологическим дисциплинам, к учебникам по физике, химии, астрономии, в которых давно уже стало традицией знакомить учащихся с творцами этих наук.

Итак, первый шаг на пути сближения школьной и научной грамматики сделан. Это будет способствовать повышению у учащихся интереса к изучению своего родного языка как системы, что знания по этой дисциплине станут более прочными. А самое главное — станет гораздо шире лингвистический кругозор школьников.

*Кандидат филологических наук
Ю. Т. ДОЛИН
Ленинабад*

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРАВИЛЬНОСТЬ РУССКОЙ РЕЧИ

Продолжение. Начало см.: «Русская речь»,
1973, №№ 4, 5

НЕКИЙ — НЕКОЙ. Местоимение *некий* — книжное соответствие разговорному местоимению *какой-то* — употребляется редко, обычно в сочетаниях с одушевленными существительными: кличкой, фамилией, — когда говорят о ком-либо или о чем-либо малоизвестном. Для некоторых косвенных падежей существуют варианты формы, возникшие, с одной стороны, под влиянием правописания, с другой — в результате «редуцированного произношения» в разговорной речи.

Местоимение *некий*, образованное от устаревшего *кой*, должно было бы склоняться по образцу *кой, коего, коему* и т. д. Но выравнивание падежных окончаний по мягкой основе вызвало появление мягкого варианта склонения. В косвенных падежах множественного числа: Р. В. П. — *неких*, Д. — *неким*, Т. — *некими*; Т. ед. ч. — *неким* (муж. и сред. р.). В женском роде единственного числа сохранилась твердая основа *некая*. Третий ряд вариантов появился как следствие действующей тенденции к стяжению гласных в устной речи: в единственном числе для женского рода Р. Д. Т. П. — *некой* (первичный вариант *некоей*), для мужского рода Т. — *неким*. В устных диалогах можно услышать и в родительном падеже мужского рода стяженную форму: статья некого Кастрикова. Однако в письменной речи этому варианту в родительном и дательном падеже мешают закрепиться омонимичные формы отрицательного местоимения: *некого, некому* (ср. некого любить, некому руку подать). В строгой письменной речи для мужского рода единственного числа во всех падежах, кроме творительного, предпочтителен нестяженный вариант.

В творительном и предложном падеже мужского рода, так же как и в формах множественного числа и в формах женского рода, более употребительна стяженная форма: с неким товарищем, семья неких Ковалюнас, у некой гражданки Ивановой: «... Работая химиком в *неком* институте, Корнелиус высмеял на ученом совете своего шефа...» («Пески веков». М., 1970); «Как-то, работая в архивах госпиталя, профессор Кэмпс наткнулся на документы, относящиеся к преступлениям Джека-потрошителя. Среди них оказались рисунки одной из его жертв — *некой* девицы Кэтрин Эддоуз» («Неделя», 10—16 апреля 1966).

ИХ — ИХНИЙ. В литературном русском языке для обозначения принадлежности 3-му лицу во множественном числе используется личное местоимение в притяжательном значении в форме родительного падежа — *их*: их книга, это не их дело, их обязанности, их сын. Наряду с этой формой в разговорной речи широко распространена форма местоименного прилагательного *ихний*, *ихняя*, *ихнее*, *ихние*: «Никому из них [мужиков] не приходило в голову, что земля не принадлежала им: что другое, а уж земля-то, думали они, вся целиком *ихняя*, кровная, с ископов веку определенная им». (Каролин. Светлый праздник).

Судьба местоимения *ихний* сложилась так, что несмотря на широкую употребительность в разговорных стилях языка, в правах литературного гражданства этой форме всегда отказывали. Еще Ф. И. Буслаев отмечал: «Притяжательное местоимение *ихний*, столь употребительное в речи разговорной и столь необходимое, еще довольно туго входит в язык книжный» (Историческая грамматика. М., 1959). Приведя эту цитату, В. И. Чернышев прокомментировал ее так: «Теперь можно положительно считать его не вышедшим в общее и свободное обращение, хотя оно и нередко встречается у авторов, обыкновенно с мягким окончанием» (Правильность и чистота русской речи. Изд. 3-е., Пг., 1914).

Современная форма употребления местоимений *их* — *ихний* требует стилистически-дифференцированной оценки вариантов. В строгой деловой, научной и публицистической речи уместно употреблять нейтральную литературную форму *их*. Вариант *ихний* практически используется в художественной литературе, где он употребляется обычно как средство речевой характеристики персонажа, например: «Федька задумался. — Не знаю, ответил он. — Я слышал, что *ихний* президент вовсе не царь, а так просто» (Гайдар. Школа). Иногда вариант *ихний* употребляется с особой иронической окраской. Так, в «Литературной газете» (4 апреля 1973) под рубрикой «Панегирик „Клуба ДС“» дан заголовок «Праздник на *ихней* улице».

Обычно вариант *ихний* придает речи просторечно-разговорную окраску. Формы *евонный, ейный*, параллельные литературным формам *его, ее*, изредка наблюдаются в диалектах и в просторечии. Эти варианты недопустимы в устной литературной речи.

От местоимения *ихний* образовано наречие *по-ихнему*. Оно было употребительно в XIX веке, встречается и сейчас: «Еще над площадью мотаются Чужие флаги злыми вихрями, А все же площадь называется *По-нашему*, а не *по-ихнему*» (Слуцкий. Когда убили Белоянниса). Вариант *по-ихнему*, как и прилагательное *ихний*, придает речи сниженную стилистическую окраску.

У нее — у ней. Наряду с литературной формой личного местоимения в родительном падеже *у нее, от нее* существует разговорный вариант *у ней, от ней*, широко распространенный в устной речи. Вероятно, что эта форма поддерживается аналогичными предложными формами в дательном, творительном и предложном падежах — к ней, за ней, с ней, на ней, в ней, по ней. В. И. Чернышев по этому поводу писал: «Формы *у ней, от ней* не привлекали бы нашего особого внимания, если бы против них не существовало какого-то предубеждения у пишущих... Пушкин вместе со многими другими писателями, предшественниками и последователями, свободно употребляет формы *у ней, от ней*» (Заметки о языке А. С. Пушкина. Произношение некоторых местоимений). Из устной речи формы *от ней, к ней* проникают в художественную прозу и поэзию: «— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде *у ней* не написано...» (Чехов. Хамелеон). «Я ей служил Служеньем добровольца! Все тайны знал, весь склад ее перстней! Грабительницы мертвых! Эти кольца Украдены *у ней!*» (Цветаева. Тебе — через сто лет).

Разговорная окраска этой формы мешает ее употреблению в нейтральной письменной речи. В деловых стилях литературный вариант *у нее, от нее* используется как единственно возможный.

(Продолжение в следующем номере)

ЛИТЕРАТУРА

Правильность русской речи. Словарь-справочник. Составили Л. Ц. Крысин и Л. И. Скворцов под редакцией С. И. Ожегова. (Изд. 2-е, М., 1965).

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● СКОЛЬКО ВРЕМЯ?

Синтаксическая заметка

Поводом для настоящей заметки явился опубликованный в «Ленинградской правде» (14 декабря 1972) ответ сотрудника Института русского языка АН СССР (Ленинград) Н. Соловьева на вопрос читателя В. Шедровича.

«Последние два года, — пишет В. Шедрович, — не без горечи замечаю, что вместо привычного и корректного выражения *который час?* появилось совсем безграмотное выражение *сколько времени?* или даже *сколько время?* Может, я слишком консервативен?

В. Шедрович прав, резко осуждая выражение *сколько времени?* в смысле 'который час?', и Н. Соловьев ошибается, утверждая, что оба эти выражения являются равнозначными и равноправными вариантами. В действительности выражение *сколько времени?* соответствует норме русского литературного языка лишь как вопрос о продолжительности какого-либо промежутка времени. Ни одного примера, подтверждающего употребление этого выражения в смысле 'который час?', при внимательном просмотре обширной картотеки 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» не обнаружено.

Иначе обстоит дело с выражением *сколько время?* (в отличие от *сколько времени?*), хорошо засвидетельствованным в современной художественной литературе. Достаточно привести пример из Горького:

— А сколько сейчас время? — спросил Илья...

— Половина второго... без пяти минут половина (Трое).

В. Шедрович отвергает *сколько время?* еще более решительно, чем *сколько времени?*, и в этом пункте за ним безоговорочно следует и Н. Соловьев, говоря, что «употребление в родительном падеже формы *время* („сколько время?“) противоречит правилам рус-

ского языка и является грубой ошибкой». Возразить им обоим приходится не против оценки формы родительного падежа *время* как нарушающей норму современного литературного языка, а против самого истолкования формы *время* в выражении *сколько время?* как формы родительного падежа. (Попутно можно упомянуть, что склонение слов на *-мя* без элемента *-ен-* в единственном числе, широко распространенное в художественной литературе прошлого века [см.: Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, стр. 75], представлено многочисленными примерами и в материалах современного разговорного языка, собранных в упомянутой выше картотеке. Но к рассматриваемому здесь вопросу это отношения не имеет.) Достаточно вспомнить ежедневно, и едва ли не ежечасно, раздающуюся по радио формулу: «Московское время *n* часов *n* минут», чтобы убедиться в полной неуместности родительного падежа как в этом утвердительном, так и в соответствующем ему вопросительном предложении «сколько московское (или „местное“, или „звездное“, или вовсе без какого бы то ни было определения) время?».

Можно указать и на другие ситуативно обусловленные эллиптические выражения того же типа: «сколько глубина? — при прохождении судна по мелководью; «сколько температура?» (или «пульс», или «кровенное давление» и т. п.) — о результатах клинического обследования; «сколько зарплата?» — об условиях найма на работу; и мн. др.

Общий вывод: равноправным, хотя и не вполне равнозначным стилистически, а носящим более просторечный характер, вариантом выражения *который час?* является *сколько время?* Выражение же *сколько времени?*, проникшее в несвойственном ему значении в словарь, представляет собой очевидно противоречащую языковой действительности попытку нормализации выражения *сколько время?*, основанную на ошибочном истолковании его синтаксической структуры.

Я. М. Боровский

Комментарий к «Синтаксической заметке»
Я. М. Боровского «Сколько время?»

● СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ? — КОТОРЫЙ ЧАС?

Доводы, приводимые в заметке Я. М. Боровского, требуют рассмотрения по существу.

Начнем с первого утверждения: «выражение *сколько времени?* соответствует норме русского литературного языка лишь как вопрос о продолжительности какого-либо промежутка времени». Су-

жение смысла словосочетания *сколько времени?* до обозначения только временного промежутка, периода — явление не новое. Об этом же (и с тех же позиций) писал, например, Б. Тимофеев в книге «Правильно ли мы говорим?» (изд. 2-е. Л., 1963, стр. 29), полагаясь на собственный вкус и языковые привычки.

Такое истолкование основано на недоразумении: оно не учитывает сложной семантической структуры вопросительного местоименного наречия *сколько* — ‘как много’, ‘какое количество, счетом’ и т. п. и существительного *время*, имеющего около 10 значений. Говорим же мы: «Сколько лет (кому-нибудь)?» или даже «Сколько времени (ребенку)?» (последнее с оттенком разговорности), имея в виду то же самое: который год идет кому-нибудь, каков его возраст?

Что касается слова *время*, то это не только ‘промежуток той или иной длительности’, но, в частности, и «продолжительность, длительность чего-н., измеряемая секундами, минутами, часами» (С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 10-е. М., 1973). Ограничивать семантику слова *время* одним или несколькими из присущих ему реальных значений вряд ли целесообразно.

Переходим теперь к вопросу о том, в каком падеже стоит существительное *время* в вопросительной формуле со словом *сколько*.

Ответ здесь может быть лишь один: это конструкция с родительным количества — «Сколько (как много) — чего? — времени». Достаточно привести ряд однозначных вопросительных фраз, чтобы понять это: «А сколько сейчас времени?», «Сколько времени на ваших часах?», шутливое «Много ли там (времени) набежало (натикало)?» и т. п. Вот пример такого употребления в современной художественной литературе: «— Товарищ военный, сколько-то у вас времечка? — обернулась она к майору» (Белов. За тремя волоками).

Вопросительная формула *сколько времени?* стоит в ряду других аналогичных вопросов с местоименным наречием *сколько* и родительным падежом существительного: «сколько (в доме) этажей?»; «сколько человек (пришло)?»; «сколько баллов (очков) набрали?»; «сколько (денег, рублей) у тебя при себе?» и мн. др.

В народной речи, в просторечии нередко встречается вопросительная формула о времени со словом *час* — в родительном падеже множественного числа: *сколько часов?* На неправильный вопрос ребенка *сколько часов?* взрослые обычно отвечают стереотипной шуткой: «часы-то у нас одни, а вот времени — столько-то». В речи персонажа современного романа, старика-крестьянина: «— Сколько часов сейчас, не знаешь? — спросил Григорий Васильевич, по-прежнему не в силах забыть поразительной ясности сво-

его сна» (Проскурин. Судьба). Интересно отметить, что русская народно-диалектная форма *сколько часов?* соответствует литературной норме вопроса о времени в ряде славянских языков: чешское *kolik je hodin?* (буквально: 'сколько часов?') словацкое *kol'ke je hodin?* (то же) и др.

Приведенные Я. М. Боровским эллиптические разговорные (точнее, разговорно-профессиональные) конструкции «сколько глубина?», «сколько температура (давление, пульс)?» имеют, как нетрудно в этом убедиться, четко выраженный семантический оттенок: «каков показатель (того, о чем идет речь), полученный в результате замера, чтения приборных данных и т. п.». Можно привести и другие аналогичные случаи: «сколько скорость?» (в автомобиле, самолете), «сколько высота?» (в летательном аппарате), «сколько давление?» (в барокамере, в кабине космического корабля) и т. п. И совершенно особо стоит вопрос «сколько зарплата?», возникший в результате контаминации и стяжения таких выражений, как «сколько (мне у вас) будут платить?», «какая (у вас) зарплата?» и т. п. Естественнее, однако, звучит этот вопрос в инверсионной форме: «(а) зарплата сколько?».

Теоретически можно, конечно, представить ситуацию, где вполне уместна формула-вопрос *сколько время?* в значении 'каков показатель, временной итог чего-нибудь', в тех случаях, например, когда речь идет о спортивном результате забега, скачек, скоростного спуска и т. п. Формула *сколько время?* соответствует здесь вопросу «какое (показано) время (спортсменом)?» или «какое время зафиксировал секундомер?». Справедливости ради следует отметить, что естественнее, все-таки, и в этом случае услышать иную фразу: «какое время?» (или «время какое?»), а не «сколько время?».

В бытовом вопросе *сколько времени?* нет указанного семантического оттенка «замера»; мы хотим знать лишь часы и минуты данного, конкретного момента суток, определяем свое «положение во времени». Употребление просторечной формулы *сколько время?* вместо *сколько времени?* встречает такую же ироническую оценку, как и *сколько часов?*. На вопрос *сколько время?* отвечают стереотипной прибауткой-рифмой: «два берем» (где слово *берем* нарочито употреблено в «несклоняемой» форме).

Напрасно Я. М. Боровский полагает, что склонение слов на *-мя* без элемента *-ен-* не имеет отношения к существу рассматриваемых вопросов. Из сказанного выше ясно, что бытовая формула-вопрос *сколько время?* — разговорно-просторечный вариант литературной формулы *сколько времени?*, и в обоих случаях существительное *время* употребляется в родительном падеже.

Разнобой в склонении слов на *-мя* отмечают современные исследователи разговорной русской речи. В проспекте «Русская разговорная речь» (М., 1968) Е. А. Земская пишет: «Существительные типа *время* в разговорной речи в косвенных падежах могут сохранять ту же форму основы, что и в именительном падеже. Например: *У меня нет время; О време не спорь* и т. п. Однако в разговорной речи употребительны и формы *о времени, временем* и т. п.. Форма без наращения *-ен-* наиболее распространена при отрицании (*нет время*) и вопросе (*сколько время?*)».

По данным «Словаря русских народных говоров» (Л., 1970) существительное *время* в диалектной речи имеет параллельные формы родительного падежа: *времени* и *время*. Словарь иллюстрирует это употреблением разных форм в идентичной позиции: «По три году поры-времени» и «С год время болели у меня зубы».

Итак, бытовая конструкция-вопрос *сколько время?* — это просторечно-диалектный вариант литературного *сколько времени?*, без каких-либо дополнительных смысловых оттенков, совпадающий с ним грамматически, а потому и расцениваемый как недопустимая ошибка, сорняк литературной речи.

Обращение автора к авторитету М. Горького не является убедительным: ведь речь идет о реплике персонажа, и форма *время* вместо *времени*, скорее всего, должна расцениваться как нарочитая примета просторечной окраски в языковой характеристике героя.

К сказанному следует добавить, что в ряду вопросов «как погода?» (какова погода, что за погода на дворе), «как больной?» (каково его самочувствие) может стоять и вопрос «как время?» (о показании часов и минут). Например: «— Как время, Евграф Иванович? — нетерпеливо спросил капитан... — Без пяти четыре...» (Станюкович. На «Чайке»).

Автор ошибочно считает, что из формулы «Московское время *n* часов *m* минут» можно вывести вопросительный вариант: «сколько московское время?». Формула эта подобным образом «необратима», и по-русски так не говорят. «Московское (парижское) время» — это значит «в Москве (Париже) сейчас столько-то часов и минут». Вопросительный вариант к ним: «сколько времени (сейчас) в Москве (Париже)? и т. п.».

Обратимся к важному для нас вопросу о соотношении выражений *сколько времени?* и *который час?*

Существующее нормативное отношение говорящих к вариантам бытового вопроса о времени распределяет их следующим образом:

Который час? — традиционное, исходное и (для речевого вкуса людей старшего поколения) единственно правильное обращение.

Сколько времени? — новая форма вопроса-обращения, менее правильная по сравнению с первой (опять-таки, с точки зрения лиц старших поколений).

Сколько время? — грубая ошибка речи, искажение предыдущей формы в результате неправильного склонения существительного *время*.

С этим негласно установившимся распределением не вполне соотносятся данные толковых словарей русского языка. Так, одностомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (изд. 10-е) дает — как совершенно равноправные и нейтральные — конструкции *сколько времени?* и *который час?* (толкуя их друг через друга) в статьях «Время», «Который», «Сколько» и «Час».

Более ранний «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (М., 1940) под словом «Час» дает в ряду фразеологических устойчивых сочетаний вопрос *который час?* с пометой «разговорное» (!) и с толкованием — «сколько времени?». В I томе того же словаря (М., 1935) под словом «Время» находим «сколько времени? — который час» (без каких бы то ни было стилистических помет). Можно полагать, что уже для составителей ушаковского словаря традиционное выражение *который час?* на фоне нового и более употребительного *сколько времени?* воспринималось как устаревающее, свойственное речи лиц старшего поколения.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля мы не найдем формулы-вопроса *сколько времени?*, а вопрос *который час?* включается автором в статьи «Который» и «Час». В качестве иллюстрации в статье «Час» приведены: нейтральный диалог — «Который час? — Пять било, шестой»; целая сценка, построенная на игре созвучий в шутливых репликах говорящих: — Который час? — Овсяный квас. — Котора четверть? — Изволь хоть и черпать. — Котора минута? — И ковшик тута. Затем приводится шутливый ответ (в духе извечных стереотипных острот): «Который час? — Первый после давишняго».

По-видимому, судьба выражения *который час?* связана с историей самой реалии — часов как прибора, показывающего время. Известно, что первыми часами в мире были солнечные часы. Затем появились водяные и песочные часы. Гиревые механические часы начали входить в употребление лишь в XIV веке (в России первые башенные часы такого типа были построены для Московского Кремля в 1404 году). Маятник и баланс были изобретены уже в XVII веке. В быту очень долго употреблялись часы без минутных стрелок; парковые и настенные солнечные часы также были в большой моде. По таким часам можно было с достаточной точностью определить лишь получас и четверть. Иначе говоря, по ним

можно было узнать лишь, который идет час. Естественно и по-своему точно звучал поэтому старинный вопрос *который час?* На него следовали ответы: «Шестой», «Половина второго», «Четверть третьего» и т. п. И, очевидно, не случайно во многих европейских языках (славянских и неславянских) вопрос о времени включает в себя слова *который, что за, а не сколько*: французское *quelle heure est-il?*, немецкое *was ist die Uhr?*, английское *what is the time?*, польское *która (jest) godzina?* и т. п.

Со временем появились часы для обиходного пользования — предшественники современных хронометров, состоящие из двух механизмов (и циферблатов), один из которых показывал часы, а другой — минуты. Этот своеобразный комплект составлял пару часов (отсюда, по-видимому, происходит современное употребление слова *пара* для обозначения одних ручных или карманных часов). Для таких достаточно точных механизмов традиционный вопрос *который час?* звучал уже весьма «приблизительно». На вопрос *который час?* следовал ответ по старинке: «шестой», «десятый», «пятый». И тогда возникал новый вопрос: «А сколько именно шестого (десятого и т. п.)?». Так наряду с вопросом *который час?* возник и закрепился, придя в литературную речь, его вариант *сколько времени?* В современной литературной речи оба вопроса вполне справедливо расцениваются как нормативно равноправные варианты. *Который час?* несет при этом оттенок традиционности (теперь, может быть, даже книжности, нарочитой правильности), а на его фоне *сколько времени?* расценивается как нейтральный литературный вариант.

Правда, в этих формулах можно усмотреть не только стилистические, но и некоторые смысловые различия. «Неточный» традиционный вопрос *который час?* предполагает, в общем-то, такой же неточный, общий ответ: «такой-то (час)». У А. С. Грибоедова в «Горе от ума» Софья спрашивает: «Который час?»; а Лизанька отвечает: «Седьмой, осьмой, девятой». У Н. А. Некрасова в аналогичном вопросе: «— А кой тебе годик? — Шестой миновал...» (Крестьянские дети). В современном употреблении:

«— Который час, товарищ старшина? — спросил Савельев.

— А ну, который? — в свою очередь спросил Егорычев.

Савельев посмотрел на небо, но по небу трудно было что-нибудь определить: оно было совершенно серое, и по-прежнему моросил дождь.

— Да часов десять утра будет, — сказал он» (Симонов. Пехотинцы).

Эти приблизительные ответы — «седьмой, осьмой, девятой» и «шестой миновал», «часов десять утра будет» — соответствуют форме вопроса: *который час?*, *который (кой) годик?* и т. п.

На более строгий «терминологичный» вопрос *сколько времени?* или на вопросительные конструкции, соответствующие ему по значению, с необходимостью следуют и более точные ответы (с указанием часа и минуты), см. приведенный Я. М. Боровским пример из Горького (на вопрос *сколько время?* то есть *времени*): «— Половина второго... Без пяти минут половина»; из Станюковича (на вопрос *как время?*): «— Без пяти четыре» и т. п.

В заключение следует сказать еще об одном. С давних пор выражение *который час?* стало неизменным показателем, яркой приметой литературной нормы и хорошего языкового вкуса — первоначально на фоне выражения *сколько времени?*. Теперь же оба эти выражения — *сколько времени?* и *который час?*, различаясь несколько по стилистической окраске и семантике, в качестве одинаково литературных противопоставляются яркому показателю нелитературности — вопросу *сколько время?* (вместо *сколько времени?* и в том же значении).

И вряд ли есть какие-либо лингвистические основания для того, чтобы в результате нового осмысления грамматической природы вопроса *сколько время?* оправдывать его как нормативный вариант и вводить в литературное употребление.

Л. И. Скворцов

● МОЖНО ЛИ ПЛАВАТЬ... ПО АБОНЕМЕНТУ?

Москвич С. А. Алексеев прислал в редакцию радиопередачи «В мире слов» вырезку из газеты «Московская реклама», в которой говорится: «Посещайте бассейн „Чайка“ (Турчанинов пер. 1/3), где можно плавать также по абонементам». По мнению С. А. Алексеева, в русском языке употребительны такие сочетания, как *плавать по реке*, *плавать по озеру*, а выражение *плавать по абонементам* не соответствует нормам современного словоупотребления.

Можно ли согласиться с таким мнением? Вспомним у Пушкина:

Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчас на свиданье
Стремглав по почте поскакал...

Известно, что почта пушкинских времен, кроме доставки корреспонденции, ведала еще и регулярной, спешной перевозкой пассажиров в конных экипажах. Следуя логике нашего корреспондента, *ехать* на лошадях, *скакать* можно только *по дороге*, *по мосту*, но никак не *по почте*. Нельзя, по-видимому, также и *ходить* в кино, в театр *по билету* или *по абонементу*, так как ходим мы только *по тротуару*, *по полу* и т. п. Такая «логика» не учитыв-

вает того, что слова в языке многозначны. И особенно много значений, в большинстве своем отвлеченных и формальных, имеют служебные слова, к числу которых относится предлог *по*.

Предлоги в русском языке обозначают в первую очередь синтаксические отношения между формами косвенных падежей имен существительных, местоимений, числительных или прилагательных, перешедших в существительные, с одной стороны, и глаголами, именами существительными, местоимениями, прилагательными, реже наречиями — с другой. В особенности это касается так называемых первообразных, непроизводных предлогов, таких, как *без, в, из, к, над, об, от, по* и др. Собственное, лексическое значение предлога проявляется только в связи с падежной формой какого-нибудь названия лица или предмета (см.: В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947).

Об отвлеченном, формально-грамматическом характере отношений, передаваемых с помощью непроизводных предлогов, о возможных даже противоречиях между грамматическим и словарным значениями их писал Д. Н. Овсянко-Куликовский: «Так, значение „вместе“, потускневшее, ставшее как бы намеком, служит в предлоге с способом выражать отношение связи, соединения, совместности, и притом — чисто формальное, например: „я говорил с ним“, „мы с ним долго спорили“ и т. п.; формальность этого отношения („соединения“, „совместности“) яснее обнаруживается в выражениях вроде „я с ним разошелся“: если бы предлог с обладал, в сочетании с творительным, тою полнотою и яркостью лексического значения „соединения“, „совместности“, какую обладает соответственное наречие [вместе], то такой оборот заключал бы в себе странное, бьющее в глаза противоречие...» (Синтаксис русского языка. СПб., 1912).

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» указано, что сочетания с предлогом *по* (с дательным, винительным и предложным падежами) выражают разнообразные пространственные, объектные, определительные, обстоятельственные, причинные, временные, количественные отношения и отношения цели; составители Словаря привели 22 значения предлога *по* и множество оттенков этих значений, устойчивых сочетаний и т. п. Перечень их занял бы много места, поэтому назовем только интересующие нас сочетания, выражающие обстоятельственные отношения. Предлог *по* в сочетании с дательным падежом может означать 'в соответствии с чем-либо, согласно с чем-либо' и 'посредством чего-либо, с помощью чего-либо'. Эти значения, сформулированные в Словаре в самом общем виде, конкретизируются, например, в таких оборотах: «Платить по счету»; «По правде жить»; «Туристы шли по компасу»; «Самолет летел по маршру-

ту»; «Пароход пришел по расписанию»; «По радио передавали концерт» и т. п. Можно привести также: «Пройти куда-либо по пропуску»; «Проехать по сезонному билету»; «Отправиться в командировку по письму».

В ряду этих конструкций соответствует нормам словоупотребления и оборот *плавать в бассейне по абонементу*, хотя значение глагола *плавать* делает его несколько необычным. Следует учитывать также, что оборот применен в тексте рекламы, где большое значение имеет краткость выражения. Вряд ли уместной была бы замена его описательной конструкцией вроде *пользуясь абонементом*.

В. Я. Дерягин

В литературном русском языке употребляется идиома *съесть гриб*: «Судьбе властительной послушно, Он съел свой гриб великодушно...» (Вяземский. Первый отдых Отдыхалова).

В «Словаре современного русского литературного языка» значение этой идиомы толкуется как 'не получить, не добиться желаемого, обмануться', сопровождается пометой «в просторечии» и иллюстрируется примером: «— Ты мальчишка, — прибавил Семен Иванович, — вишь, там хочешь в гусарские юнкера перейти, так вот не перейдешь, гриб съешь» (Достоевский. Господин Прохарчин). В «Толковом словаре русского языка» (под редакцией Д. Н. Ушакова) это устойчивое сочетание приравнивается

по значению к словосочетанию *потерпеть неудачу* и сопровождается пометой «разговорное, шутливое»; в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) определяется так: «Поговорка, означающая неудачу в предприятии. Что взял? Гриб съел».

В разговорном языке XVIII века сочетание *съесть гриб* имело широкое распространение: «Да что же ты так больно толкаешься?»

Вишь, у них гриб съел, так и хочешь все на мне выместить: разве я виноват, что они тебе драться не даются» (Плавильщиков. Бобыль); «Я хотя и не женщина, однакож не дам промаха! Нет, любезная роденька! Меня не проведете, сей же час представлю сюда на лицо невесту, и всем вам покажу, что вы гриб съели» (Княжнин. Жених трех невест).

Каково же происхождение этой идиомы?

В книге «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.» (М., 1968) среди следственных документов опубликовано «Дело о комнатной бабке царицы Натальи Кирилловны М. Тимофеевой, которая хотела украсть гриб с серебряного блюда, принесенного встряпню про государеву царицу (13 авг. 1671 г.)». Содержание этого «дела» таково: Марфа Тимофеева проходила мимо царскойстряпни, увидела грибы и задумала украсть гриб, испечь его в мыленке [бане] и съесть: «а ей, Марфе, до того времени грибов печоных вельми хотелось». С этой целью она украла щепотку соли, однако выполнить своего намерения не смогла: чего-то испугалась и высыпала соль. Это видела приближенная царицы. Марфа была заподозрена в колдовстве: «Дохтуруха де ее спросила, что она носила в мыленку и она сказала, что ничево не носила и пошла от мыленки к портомоине и у портомоины де варила грибы гедрни црвны и великие княжны Евдокии Алексеевны комнатная Афро-синья и она де Марфа у нее взяла гриб и спекши съела для того, что ей очень хотелось грибов... и сказала ей Марфе Марина, что де про ее Марфино дело гедрне црце извесно... и Марфа ей рассказала, как она соль украла и как хотела гриб украсть и испужався... тоя соль высыпала на землю в мыленке подле кади. И говорила ей со слезами, что она без хитрости впала в беду... И бабка Марфа посылана на дыбу... она ж и к огню приношена и всячески страшнена... И после распросу Марфа Тимофеева посажена на житном дворе в приказной избе за караул».

Этот случай, как и все, касающееся членов царской семьи, получил широкую огласку и нашел свое отражение в разговорном языке Москвы. Свободное словосочетание *съесть гриб* подверглось фразеологизации и получило значение 'попасть в беду по неосмотрительности'. Впоследствии оно стало означать 'потерпеть неудачу, не добиться желаемого'. В русском языке второй половины XVIII века еще встречаются единичные случаи употребления данной идиомы, совмещающей в себе и первое, и вторичное, более позднее значение: «Простодум, Попался я к пречестным людям в лапки: Я без сенаторства, без денег, как без шапки. Ну! съел я гриб!» (Княжнин. Хвастун).

Преобладающим, однако, для языка XVIII века является употребление идиомы *гриб съел* в более позднем значении — «потер-

петь неудачу, не добиться желаемого'. Нельзя не заметить, что этот фразеологизм не употребляется в современном русском языке. Есть все основания считать, что он вышел из активного употребления еще в конце XIX века.

М. Ф. Палевская

● СТО РЕНТГЕН ИЛИ СТО РЕНТГЕНОВ?

Техник из Москвы тов. Делянов спрашивает, почему существительные мужского рода типа *стол, дом* обычно имеют в родительном падеже множественного числа окончание *-ов* (столов, домов), а единицы измерения употребляются без окончания: *двести вольт; сто ватт* и др. Этот вопрос интересует также Р. В. Владимирского из Ленинграда.

В «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970, стр. 382) сказано, что существительные мужского рода на твердый согласный, представляющие собой названия мер и единиц измерения, например: *ампер, ватт, вольт, герц, грамм, рентген, эрг* и др., имеют в родительном множественного нулевое окончание, совпадающее с формой именительного падежа. Следует говорить и писать: *напряжение 200 вольт; сила тока 5 ампер; динамомашин на 2000 киловатт* и т. д.

Читателю, конечно, придут на память и другие подобные случаи: *купить 2 кг апельсин, кило помидор, пару носок* и т. д. В магазинах Москвы можно услышать даже форму *банан*: «Дайте, мне килограммчик банан!».

В древнерусском языке у целого класса существительных с основой на *-ъ* (*домъ, медъ, волъ*) в родительном множественного было только нулевое окончание. Еще в «Русской Правде» встречаем: «*Колико будет украдено... вошь*». Однако примерно с конца XV века эта форма постепенно вытеснялась из употребления конкурирующей формой на *-ов*. Активное распространение окончания *-ов* объяснялось жизненной необходимостью: надо было дать форме родительного множественного примету, которая отличала бы ее от именительного единственного.

К тому времени, когда сложилась грамматическая система письменного литературного языка, окончание *-ов* у существительных мужского рода с твердой основой стало преобладающим и единственным. Лишь несколько слов в литературном языке сохранили архаичную форму: *рота солдат, несколько раз, пять алтын, много волос, пара сапог, пара чулок, рог* (в пословице «Бодливой корове бог рог не дает») и некоторые другие. Эти немногие слова «кочевали» из грамматики в грамматику до XX века. И только в академической Грамматике 1952 года появились новые

группы исключений, в частности и форма родительного множественного у отдельных единиц измерения.

В 80-е годы XIX века в международное научное обращение вошли наименования электрических единиц: вольт, ампер, ватт, кулон. Эти термины были введены и в России. Впервые появившись на страницах единственного в те годы электротехнического журнала «Электричество», термины *вольт, ампер, уатт* (так тогда передавали единицы мощности) употреблялись с «законным» окончанием *-ов*: 200 вольтов, 50 уаттов, 30 амперов.

Однако уже в начале 90-х годов на страницах того же журнала появилась «усеченная» форма родительного множественного: ватт, ампер, вольт. К 20-м годам XX века почти все электрические единицы измерения употреблялись без окончания, за исключением самых коротеньких односложных слов, таких как *ом, эрг*, у которых форма *омов, эргов* казалась более благозвучной. Надо сказать, что победе новой грамматической формы способствовали сами физики. В примечании к статье «О важнейших для практики электрических единицах» физик В. Алтаухов писал: «...надо говорить: два вольта, но 10 вольт, а не вольтов; 3 ампера, но 11 ампер, а не амперов; 2 уатта, но 7 уатт, а не уаттов» («Электричество и жизнь», Николаев, 1916, № 10).

В наши дни развиваются новые области науки, вводятся новые единицы измерения, применяемые в ядерной физике, радиобиологии, кибернетике. Эти единицы также испытывают колебания в употреблении форм родительного множественного: микронов и микрои, рентгенов и рентген, битов и бит. У единиц измерения форма родительного множественного с *-ов* явно избыточна.

Стремление к унификации уже сложившейся грамматической нормы заставляет нас рекомендовать нулевую форму родительного множественного: сто рентген, микрои, вольт, бит, эрг.

Л. К. Граудина

● В ДЕСЯТЫХ ГОДАХ И В ДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Названия десятилетий при помощи порядковых числительных (с предлогом *в*) в газетах и журналах имеют два вида написания, например: *в десятих годах* и *в десятые годы*. Как следует писать? — спрашивает А. И. Новикова из Архангельска.

В современном русском языке некоторые конструкции употребляются в двух надежных формах. К этим конструкциям относятся и названия десятилетий, в числовые обозначения которых составной частью входят порядковые числительные. Такие сочетания выступают в старой, традиционной форме предложного па-

дежа: *в десятигх годах — в 10-х годах, в семидесятигх годах — в 70-х годах*, и в новой — винительного падежа: *в десятигхе годы — в 10-е годы, в семидесятигхе годы — в 70-е годы*.

В литературе XIX века встречаем это сочетание в предложном падеже: «В двадцатых годах книгопродавец Смирдин купил у Крылова... право на издание его басен в продолжение десяти лет» (Белинский. И. А. Крылов. 1845).

В современной письменной и устной речи наряду с традиционной формой употребляется новая. По значению эти формы имеют смысловое различие. Так, конструкция с предложным падежом типа *в десятигх годах* имеет значение конкретности, завершенности действия в какой-то определеннй год (годы) указанного десятилетия, хотя точно год не назван. Например: «Одну из квартир... занимала семья московского журналиста и писателя В. А. Гиляровского, который *в 80-х годах* приехал в Москву после своих многочисленных скитаний» (Лобанов. Столешники дяди Гиляля); «...*В тридцатых годах* наша семья переехала из Брянской области в село Красная Слобода Черкасской области» («Правда», 2 января 1973); «Другой не менее оригинальный водяной музыкальный инструмент появляется в Петергофе *в 40-х годах XVIII века*» («Наука и жизнь», 1973, № 4).

В приведенных примерах действие происходит в определеннй, точнй год, как в таком сочетании с составными порядковыми числительными: «Еще в 1857—1859 годах он выслал свои заветные тетради в Петербург...» (Андроников. Лермонтов).

Конструкция с винительным падежом типа *в десятигхе годы* имеет некоторое семантическое отличие от конструкций типа *в десятигх годах*. Это значение более длительного действия, происходящего в какой-то протяженнй срок, не конкретная дата, а период. Например: «Вена *в 70-е годы* была городом кипучей художественной жизни, одним из мировых музыкальных центров» («Говорит и показывает Москва», 1973, № 6); «Издание оригинальных книг советских писателей *в пятидесятигхе годы* в США сократилось более чем в четыре раза» («Коммунист», 1972, № 17); «Большое развитие в *30-е годы* получили также планеризм, воздухоплавательнй спорт и авиамоделизм» (Яковлев. Цель жизни); «И в пору моей молодости, *в 20-е годы*, я тоже мог только мечтать о таких возможностях» («Правда», 29 апреля 1973). Здесь события происходят в менее определенное время, подобно тому, как в таких выражениях: в прошлые годы, в детские годы, в юношеские годы.

Однако в современной устной, а также и письменной речи в употреблении обеих форм не всегда можно провести четкую границу, трудно выявить точное смысловое различие. Поэтому часто происходит смешение этих форм: значение конкретное, опреде-

ленного действия выражено формой винительного падежа, а значение более длительного действия — предложным падежом. Например: «Среди фотографий —...кадры из документального кинофильма о Шалапине, снятые его сыном Борисом *в тридцатые годы в Италии и во Франции*» («Правда», 5 февраля 1973) — здесь значение законченного действия; «Уже *в 70-е годы*, огорченный очередной выходкой против него газеты „Голос“... Островский задумал написать комедию „Подрядчики“... Об этом он писал в... письме к Некрасову» («Наука и жизнь», 1973, № 4) — событие произошло в определенный год; «Споры о превосходстве одной столицы над другой и об исторических путях развития России и русской национальной культуры интересовали *в 30-х и 40-х годах* не одного Пушкина» (Гессен. Москва, я думал о тебе!) — действие более длительного периода.

Обе конструкции могут употребляться как равноправные варианты: «Могу лишь предположить, что фото с паровозом попало в нашу семью от дяди... который *в двадцатых годах* работал переводчиком советского представительства в Таллине» («Правда», 2 февраля 1973) и «...Мой отец служил в полку латышских стрелков, охранявшем *в 20-е годы* Кремль...» («Говорит и показывает Москва», 1973, № 12); «Здание восстановлено таким, каким оно было *в 90-е годы* прошлого века...» («Правда», 25 января 1973) и «*В 20-х годах* Москва была совсем не такой, какой мы видим ее теперь» (Яковлев. Цель жизни). В этих примерах значение конструкций одинаково, а выражены они разными формами.

В сочетаниях с составными порядковыми числительными во множественном числе обычно употребляется предложный падеж: в 1917—1918 годах. Интересно отметить, что в подобных случаях можно встретить наряду с предложным винительный падеж: «На них [реактивных самолетов] было сделано несколько полетов *в 1940—1941 годах...*» и «*В 1926—1930 годы* я трудился с огромным напряжением всех сил» (Яковлев. Цель жизни); а также «В периоды социальных брожений, особенно, как это было *в 1820-е годы...* репутация личная... должна внимательно учитываться исторической критикой» и «...[кризис] просветительского мышления... начинается *в 1820-х годах*» («Временник Пушкинской комиссии. 1969»); «Напряженность этой борьбы усиливалась по мере нарастания революционной ситуации, возникшей *в 1859—1863 годы*» (Аникст. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова).

Наблюдения над использованием обеих конструкций в языке современной печати и устной речи показывают, что сочетания типа *в десяти годах* и *в десятые годы* имеют смысловое различие, а также выступают как равноправные варианты.

Ю. Ф. Хаустова

● ПРАВИЛЬНЫ ЛИ УДАРЕНИЯ: БЕЗ НУЖДЫ, НЕТ НУЖДЫ?

Об этом спрашивает нас читатель В. Бунин из Бреста. Поводом для его сомнений послужили строки из стихов известных современных поэтов:

Я всем тебя предпочитаю,
Примером ставлю — вот поэт,
Кого я просто не читаю,
Тут опасаться н^ужды нет.

Твардовский. За далью — даль

Но горек, жалок и нелеп
ствол сломанной напрасно ели,
листок, надорванный без цели,
разрезанный без н^ужды хлеб.

Васильева.

Трудней построить, чем сломать...

Поставленный вопрос не так прост и очевиден, как это может показаться с первого взгляда. Что здесь: отступление от современной нормы ударения? поэтическая вольность? результат подгонки ударения под размер стиха или какой-то особый случай, мотивированный историческими или стилистическими обстоятельствами?

Впервые ударение в интересующем нас слове отмечается в «Лексиконе славеноросском» Памвы Берынды (1627). Тогда ударение падало на первый от начала слова слог: *н^ужда*. Именно с таким ударением употребляли это слово поэты XVIII века: Кантемир, Капнист, Сумароков, Дмитриев, Княжнин, Хемницер, Майков. Ударение *н^ужда* было характерно и для творчества баснописца И. А. Крылова. Например: «В ком есть и совесть, и закон, Тот не украдет, не обманет, В какой бы н^ужде ни был он» (Крылов. Крестьянин и Лисица). В диалектах и устном народном творчестве часто встречалось слово *н^ужа* (русское соответствие церковнославянскому *н^ужда*). Например: «Стужа да н^ужа — нет их хуже» (Пословица): «— Ох, горе да н^ужа, да стужа всему, другие, научат,— продолжал Фрол Иванович» (Наумов. Еж). Примечательно, что с ударением на первом слоге произносились тогда и производные слова *н^уждина*, *н^уждочка*, *н^уждушка*.

Конкуренция акцентных вариантов *н^ужда* и *н^уждá* началась в XIX веке. Хотя в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) допустимыми признаются оба ударения — *н^ужда* и *н^уждá*, поэты первой половины прошлого столетия отдавали все-таки предпочтение традиционному варианту. Ударение *н^ужда* зарегистрировано у Грибоедова, Баратынского, Батюшкова, Лермонтова, Кольцова, Плещеева и др. В поэтическом наследии Пушкина представлены оба варианта:

Что день грядущий мне готовит?

Его мой взор напрасно ловит,

В глубокой мгле таится он.

Нет нүжды; прав судьбы закон.

Евгений Онегин

Молчи, бессмысленный народ,

Поденщик, раб нүжды, забот!

Поэт и толпа

Постепенно ударение на первом слоге (*нүжда*) встречается все реже. Литературной нормой становится ударение *нуждá*. Однако более пристальное наблюдение над вариантноcтью свидетельствует, что устарелые или не отвечающие норме языковые факты подолгу иногда задерживаются в особых условиях: фразеологических оборотах, пословицах, устойчивых синтаксических конструкциях и т. п. Например, для слов *верста* и *душа* в косвенных падежах множественного числа современная норма требует ударения на первом слоге: дат. *вёрстам*, *дўшам*, твор. *вёрстами*, *дўшами*, предл. *о вёрстах*, *дўшах*. Однако в определенных условиях допускается и иное ударение: *живет в двух верста́х*, *беседовать по душáм*. До сих пор, выражая удивление при встрече, говорят: какими судьба́ми!? Такое ударение в другом контексте было бы ненормативным; сравните: «Он озабочен сўдьбами этих подростков». Слово *грош* в родительном падеже единственного числа чаще теперь употребляется с ударением на окончании: *ни гроша́ нет*. Однако в названии пьесы А. Н. Островского прочно сохраняется старое ударение: «Не было ни гро́ша, да вдруг алтын».

С этой точки зрения и следует рассматривать ударение *без нүжды*, *нет нүжды*. В стихах А. Твардовского и Л. Васильевой нет ни речевой ошибки, ни поэтической вольности. Здесь естественное для языка сохранение архаичного ударения в позиционно ограниченных условиях. Впрочем, изменение нормы ударения в исходной форме сказалось и на этой конструкции. Сейчас допустимо: *без нужды́* и *без нүжды*, *нет нужды́* и *нет нүжды*. Не случайно старое ударение встречается теперь преимущественно в поэзии, где дольше сохраняется языковая традиция.

К. С. Горбачевич

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1973 год

Аванесов Р. И. Дмитрий Николаевич Ушаков	3
Аванесов Р. И. Письмо в редакцию	3
Академик Соболевский о чтении книг в Древней Руси	4
Аниченко В. В. Московское издание Грамматики М. Смотрицкого	5
Арсирый А. Т. Занимательное языкознание	1—4
Ахматова Раиса. Слово писателю (Ответы на анкету)	1
Бакина М. А. Поэтические новообразования	4
Бальбуров Африкан. Слово писателю (Ответы на анкету)	1
Бедный Демьян. Мой стих	2
Белинский В. Г. Точность в каждом слове	3
Бельчиков Ю. А. «Простое слово» народа (К 130-летию со дня рождения Глеба Успенского)	3
Бирюков Ф. Г. Художественное слово Михаила Шолохова (О «Донских рассказах»)	1
Бирюков Ф. Г. Метко... едко... (О Демьяне Бедном)	2
Бирюков Ф. Г. Степь родимая. Из наблюдений над стилем «Тихого Дона»	3
Бирюков Ф. Г. Тончайший рисунок. Из наблюдений над стилем «Тихого Дона»	4
Брагина А. А. Космический — звездный	2
Брюсов о языке и поэзии	6
Будагов Р. А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого	1
Василевская Е. А. «Он не знал границ ни в любви, ни в ненависти»	3
Василевская И. А. Из истории русской лексикографии	2
Вацетис Ояр. Слово писателю (Ответы на анкету)	1
Волков А. А. Самобытность таланта. Заметки о стихах раннего С. Есенина	4
Вологодина Е. А., Граудина Л. К. Декабря 15 дня	1
Воробьев В. П. Дательный самостоятельный	4

Воронокова С. А. Царь-батюшка в пролетарских листовках	3
Воскресенская И. В. О вневременном значении	5
Вялкина Л. В. Николай Михайлович Каринский	5
Гибет Е. И. Слово «тишина» у В. Г. Короленко	5
Гончар Олесь. Слово писателю (ответы на анкету)	1
Горбачевич К. С. Писать кому (к кому)?	3
Горбачевич К. С. «Язык неистощим в соединении слов»	4
Горшкова К. В. Научные сведения о родном языке в школе	2
Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи	4—6
Григорян Л. Т. Многозначность пунктуации	3
Громова Н. М. Борьба А. М. Горького с декадентской поэзией	5
Державина О. А. Эпитет в исторической повести XVII века	5
Дерягин В. Я. К съезду славистов в Варшаве	2
День Чонг Лак. Антитеза в статьях В. И. Ленина о Л. Н. Толстом	4
Дмитриев В. Г. Вторая жизнь басен Крылова	5
Добродомов И. Г. Хотя слово и есть в словарях	1
Добродомов И. Г. Тьмуторокань и Тамань	5
Долин Ю. Т. Первый шаг сделан	6
Дудников А. В. Синтаксические омонимы	2
Дудников А. В. Лингвостилистический анализ поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»	6
Дымский А. С. С предлогом под	1
Еселев Н. Х. Выдающийся художник слова (К 100-летию со дня рождения В. Я. Шишкова)	6
Жижина А. Д. Вершина патриотической лирики Лермонтова	4
Жуковская Л. П. Что читали на Руси в XI—XII веках	4
Журавлев В. К. Письмо и его происхождение	3
Журавлева А. И. Образ, язык, действие (К 150-летию со дня рождения А. Н. Островского)	2
Закупра Ж. А. Мастер. Ремесленник	5
Захаркин А. Ф. «Томов премногих тяжелей» (К 170-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева)	6
Захаров А. Н., Макаров В. В. Единого слова ради	4
Захарова М. Н. Ракета	5
Зинин С. И. Даль о языке офеней	2
Зубарева Е. Е. Литая проза Аркадия Гайдара	1
Ибрагимов Мирза. Слово писателю (Ответы на анкету)	1
Иванова В. А. Обучение деловому письму	4, 5
Ильин В. С. Изображение идей	2
Ильинский И. В. Мой Островский (Ответы на вопросы «Русской речи»)	2
Ионина М. В. Синтаксический разбор	2

Каманин Ф. Г. Охотник за словом (Воспоминания о М. М. Пришвине)	1
Китлов А. А. «Я — твой, Россия...» (К 100-летию со дня рождения В. Я. Брюсова)	6
Климова Л. А. Топонимы на -их(а)	6
Ковалев В. П. Речь персонажей автобиографической трилогии А. М. Горького	5
Кожин А. Н. Слово Я. М. Свердлова-пропагандиста	1
Кожин А. Н. Выразительное средство публицистики	4
Козырев И. С. О названиях населенных пунктов	3
Кондрашов Н. А. Культура речи в болгарском языкознании	6
Кононов А. Н. О слове «карашеваться». Еще раз о «Бабе-Яге»	1
Коротаева Э. И. Евгения Самсоновна Истрина	4
Коротич Виталий. Слово писателю (Ответы на анкету)	1
Короткова Э. П. Дошкольник учится придумывать	2
Короткова Э. П. «Мальчик на коне»	4
Краснов В. Г. Образность научного повествования	5
Кроссворд (Составил В. С. Завгородний)	3, 4
Крючкова М. Л. Удивительное рядом	6
Кузнецова Л. Н. Островский у вахтанговцев	2
Купалова А. Ю. Вопросы синтаксиса в новой программе	5
Кучкин В. А. Горький — Нижний Новгород	1
Левашов Е. А. Заводчане	4
Лихачев Д. С. О словарях и словарниках	2
Лозовой Б. А. Баллада	4
Лозовой Б. А. Исторические мотивы в поэзии В. Я. Брюсова	6
Максимов В. И. Половина первого, полпервого?	6
Мансветова Е. Н. Славянизмы в поэзии среднего жанра	6
Маркелов Г. В. Дрвнлехранилище Пушкинского дома	2
Мележ Иван. Слово писателю (Ответы на анкету)	1
Миськевич Г. И. «Океаническая» лексика	3
Митрохин В. С. Мастер сценической речи	3
Михайловская Н. Г. Образ, прошедший через столетия	2
Мокшенко В. М. Сорок бочек арестантов	2
Мокшенко В. М. Как зюзя	5
Морозова М. Н. Названия культурно-бытовых учреждений	6
Морозова С. Е. «Кабы я была царица»	4
Мустафин Рафаэль. Слово писателю (Ответы на анкету)	1
Наумов К. В. Речевая характеристика в ленинской публицистике	5
Нестеров М. Н. Мастер портрета (К 100-летию со дня рождения Ольги Форш)	3
Новиков Л. А. Средство выражения — антонимия	1
Образцова В. В. Сравнения в поэзии С. Есенина	5
Одинцов В. В. Лабиринт	2
Одинцов В. В. Загадки грамматики	3
Одинцов В. В. Художественный образ и стиль. О романе И. А. Гончарова «Обломов»	6

Островский о языке. Современники об А. Н. Островском	2
Отин Е. С. Хопер	1
Папанов А. Д., Менглет Г. П. О пьесах Маяковского	4
Перетрухин В. Н. То ли или не то?	1
Пионковская Л. Г. Из опыта работы по развитию речи	3
Попов А. И. Татары. Монголы	1
Попов А. И. Веллуга. Озеро Лача	4
Попов А. И. Шелонь	5
Попов И. А. «Стяг» в русских говорах	2
Поповцева Т. Н. Провинция — периферия	5
Пришвин М. М. Незабудки	1
Прокофьев Н. И. Игнатий Смольнянин — древнерусский мастер литературного слова	1
Рахманова Л. И., Формановская Н. И. Минута времени	5
Ревякин А. И. Новатор русской драматургии (К 150-летию со дня рождения А. Н. Островского)	2
Рогожников Р. П. Даже и аж	5
Розанова Л. А. Образ сеятеля в революционной и демократической поэзии	5
Романова Р. М. Об интонации вводных и вставных предложений	5
Садай Владимир. Слово писателю (Ответы на анкету)	1
Самсонов В. Г. Практикум по стилистике	1—6
Санги Владимир. Слово писателю (Ответы на анкету)	1
Сас Стефан. Русский — венгерский	3
Сенкевич-Гудкова В. В. Пословицы не умирают	5
Сергеев В. Н. «По грушу...»	1
Сергеев И. Т. Даль и академическая лексикография	2
Симонов Р. А. «Цифровые алфавиты» Древней Руси	1
Скворцов Л. И. Родное слово в жизни Шаляпина	3
Скляревская Г. Н. Просторечие в художественном тексте	4
Смирнов А. И. Мой Островский (Ответы на вопросы «Русской речи»)	2
Смирнова А. М. Номера сольные и... танцевальные	3
Современники о слове Михаила Шолохова	3
Соловьев Н. В. Об одном газетном штампе	2
Сорокина В. К. Дать — давать	4
Сороколетов Ф. П. Новое пособие по культуре речи	5
Судоплатова М. Н. Луна и месяц	4
Тарабрин Л. А. Хорошие примеры заразительны	4
Темы сочинений на вступительных экзаменах по русскому языку и литературе в 1972 году	1—3
Трофименко В. П. Из истории изучения русской разговорной речи	2
Успенский Л. В. Суд письмен Российских	4
Ушаков Н. Н. Лингвистические олимпиады	1
Федоренко Л. П. Сочинение-подражание	6
Федотова Л. С. Секрет прозы — поэзия (К 100-летию со дня рождения М. М. Пришвина)	1
Февральский А. В. Маяковский работает в театре	6

Фигуровский И. А. Как строятся предложения	3
Филин Ф. П. Иван Иванович Мещанинов — учитель	6
Филиппов В. С. Язык спортивных отчетов	2
Фролова Л. И. Система метафор в поэме Михаила Пришвина «Фацелия»	1
Хаустова Ю. Ф. Базар и рынок	2
Хохлачева В. П. Мир родной речи	2
Черных П. Я. «Недаром помнит вся Россия...»	3
Чобану Ион. Слово писателю (Ответы на анкету)	1
Шайтанов И. О. Развитие образа. О стихотворении Батюшкова «Вакханка»	4
Шаталова В. М. Имя и характер. Характерологические функции собственных имен в «Жизни Климса Самгина» М. Горького	5
Шатрова Е. М. Мой Островский (Ответы на вопросы «Русской речи»)	2
Шергин Б. В. Рядом или вместе	5
Шешуков С. И. Социалистический реализм	1
Шумилов Н. Ф. Фразеологизмы на газетной полосе	6
Щербакowa М. Ф. Из воспоминаний о Д. Н. Овсянникове Куликовском	4
Эркай Никул. Слово писателю (Ответы на анкету)	1
Этерлей Е. Н. Главное — любить слово (К 100-летию со дня рождения Ф. И. Шаляпина)	3
Этерлей Е. Н. Народные названия растений. Сон-трава. Приворотный корень	6
Яценко А. И. Курск	3
Якубович Т. Д. Уха, подливка и жижа	4
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
В десятых годах и в десятые годы	6
Возьми хлеб из контейнера!	3
Жалость	2
Жмурки, прятки, городки	5
Задумка — замысел	3
Зарубить на носу	1
За тридцать земель	4
Из биографии Кузьки	4
Из кулька в рогожку	2
Инвалид и ветеран	3
Качество и качественный	1
Комментарий к «Синтаксической заметке» Я. М. Боровского «Сколько время?»	6
Конь о четырех ногах	2
Корявый	1
Курносый	2
Лезть на рожон	2
Масло масляное	2
Можно ли плавать... по абонементу?	6
Музыка композитора... слова поэта	5

Музыкл	5
«Награды вручены»	1
О названиях пьес А. Н. Островского	4
О новых поступлениях в Рукописный отдел Института русского языка АН СССР	5
О переписывании книг в Древней Руси	5
Пергамен, береста, бумага	3
Письма читателей о русском языке	1
Плохо ли «Олимпиада-72»?	3
Поделом	4
Полный аншлаг	3
Почем фунт лиха	1
Правильны ли ударения: без нѹжды, нет нужды?	6
<u>Пройти огонь, и воду, и медные трубы</u>	4
Нуд соли съестъ	2
Сила солому ломит	3
Сказать выше, сказать ниже	3
Сколько время?	6
С легким паром	1
Сто рентген или сто рентгенов?	6
Съестъ гриб	6
Табель о рангах	4
Удрученный	1
Употребление каламбуров в речи русского общества XVIII века	4
Употребление каламбуров в речи русского общества начала XIX века	5
Чердак, подловка, подволока	3
Щёголь и щеголиха	4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРШКОВА,
В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОДОМОВ,
В. А. ЕРЕМИН, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, Л. М. ЛЕОНОВ,
А. И. ОВЧАРЕНКО, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора),
Л. И. СКВОРЦОВ, Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ,
Ф. П. ФИЛИН

и. о. отв. секретаря В. М. ПАНЬКИН

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2

Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *И. М. Беспалова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *Н. М. Кузьмина, В. В. Беляев*

Сдано в набор 13/VIII-1973 г. Подп. к печ. 23/X-1973 г. Т-16 235
Тираж 80 000 Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 6,72 Бум. л. 4
Уч.-изд. л. 8,1 Зак. 2759